

Михаил Савеличев

ЧЕРНЫЙ ФЕРЗЬ

skOmm.ru
СНЕЖНЫЙ КОМ

Стань диктатором мира сего

Снежный Ком: Вакци

Михаил Савеличев

Черный ферзь

«Снежный Ком»

2020

Савеличев М. В.

Черный ферзь / М. В. Савеличев — «Снежный Ком»,
2020 — (Снежный Ком: Backup)

Задуманный братьями Стругацкими, но так и не воплощенный на бумаге роман «Белый Ферзь» должен был описывать приключения Максима Каммерера в Островной Империи. По замыслу авторов, Каммерер, он же Белый Ферзь, расследовал обстоятельства гибели личного врача Льва Абалкина Тристана и в процессе своих поисков обнаруживал подлинное устройство жестокого мира Островной Империи, где за двумя кругами ада располагался что ни на есть подлинный мир Полдня, который никак не мог существовать без охранительных кругов, вмещавших подонков всех мастей. Роман «Черный Ферзь» есть попытка написать собственную версию мытарств Максима Каммерера в чудовищном мире Островной Империи. Старые герои в новом обличье и с новыми именами в мире, воссозданном метагомом Тойво Глумовым и населенном теми, кого он когда-то любил и ненавидел. Мир, сотворенный метагомом то ли для собственного развлечения, то ли для поиска рецепта производства Счастья в космических масштабах, а не на отдельно взятой Земле XXII–XXIII веков.

© Савеличев М. В., 2020

© Снежный Ком, 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	41
Глава четвертая	59
Глава пятая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Михаил Савеличев

Черный ферзь

*I don't hear a sound
Silent faces in the ground
The quiet screams, but I refuse to listen
If there is a hell
I'm sure this is how it smells
Wish this were a dream, but no, it isn't*

Tim Jensen. Rain

*Before we let euphoria
Convince us we are free
Remind us how we used to feel
Before when life was real*

THE DELGADOS

Глава первая

Дасбут

Ночью океан породил чудовище – безглазое, безымянное, громогласное. Шторм бился в ошетилившийся пирсами, остатками стапелей и обломками дасбутов внешний пояс архипелага – гноище. Вечный ураган властвовал в зените Дансельреха. Кипел океан в Стромданге, и колоссальные молнии разбивали непроглядную тьму.

Стоя на краю уцелевшего волнолома, сквозь завывания ветра и грохот прибоя Сворден слышал странный звук, похожий на хруст ломающихся костей. Как будто там, в темноте, стихия истязала великана, выворачивала ему руки и ноги, обрушивала на грудную клетку молот гигантских волн.

В прерывистых вспышках мирового стробоскопа мало что удавалось разглядеть. Сворден снял щелевые очки.

Едкая взвесь оседала на коже, собиралась в капли и стекала вниз за ворот свитера. Стылый ветер дул сразу со всех сторон, цепляясь за промерзлую куртку и пытаясь сорвать ее с человека.

Волны терзали старый волнолом, с жутким ревом вгрызались в его бетонные бока, все больше обнажая ржавый костяк арматуры. Казалось, сооружение вот-вот не выдержит и обрушится в океан, но Сворден продолжал всматриваться во тьму, стараясь предугадать очередную вспышку молнии и сужать зрачки, чтобы не ослепнуть.

Океан загибался невероятной чашей вверх и смыкался в зените. Клякса урагана, бездонно-черная в Стромданге, постепенно светлела по краям, лишь темные прочерки указывали где грандиозная климатическая флуктуация прорывалась сквозь установленные ей пределы, чтобы обрушиться на гноище. В тех местах черные глыбы островов немедленно окутывались мглой – ни единый проблеск маяков не мог пробиться сквозь нее.

Церцисис пошевелился, в который раз пытаясь раскурить носогрейку.

– Хорошее времечко, – проворчал он.

Вновь хрустнуло. Свордену показалось, что от погодных установок, неподвижно висящих в центре мира, нечто устремилось куда-то в промежуток между гноищем и цитаделями.

Переливчатое сияние.

– Ломают кости, – сказал Церцисис. – Шторму ломают кости. Эскадра на подходе.

От тепла ладони намерзший на очках лед стоял, и Сворден вновь надел их. Лучше видно не стало, но острые иглы взвеси уже не так болезненно кололи веки.

Звук прибоя внезапно изменился – монотонное уханье молота разбавилось на редкость отвратительным шуршанием, от которого захотелось глубоко вздохнуть и передернуться. Именно так – вздохнуть и передернуться.

– Эй! – крикнули из темноты. – Це!

Церцисис обернулся, достал фонарик и осветил узкую полосу волнолома. Через накатывающие волны, хватаясь за уцелевшие ограждения и торчащую арматуру двигалась вереница людей.

Сворден тоже посмотрел назад. Большинство он уже знал – Паука, Блошку, Муху, Мокрицу и Гнездо. С еще двоими знакомства пока не свел.

– Все здесь?

– Пока все, – отозвался впереди идущий с мотком веревки через плечо. – Но кого-то сейчас смое. Падет сме... – кулак Церцисиса, поднесенный к зубам говорящего, заставил его замолчать. Поминать смерть перед операцией считалось плохой приметой.

Порыв ветра содрал капюшон, и Сворден увидел, что все лицо говорившего усеивают пятна. Пятнистый заслонился от фонаря, осторожно попытался обойти Церцисиса, который даже не пошевелился пропустить его по безопасной тропке. Сворден еле успел схватить пятнистого за шиворот и поставить рядом с собой. Льда на волноломе становилось все больше.

– Оставайтесь там! – крикнул Церцисис остальным. – Сейчас все замерзнет!

– Отпусти, – дернулся пятнистый. Сворден отпустил, и тот вновь оскользнулся. Наконец, он кое-как устроился.

– Новичок? – спросил пятнистый.

– Ага, – подтвердил Сворден.

– Как звать?

– Сворден.

– Сворден? – удивился пятнистый. – Чудная кличка какая-то. Вот я – пятнистый, ну и прозвали Пятнистый. Вот уж уродился, башка. Мой кореш – Клещ, так у него вместо рук – клешни. Ну, чистый рак, сечешь? У нас в своре все клички что-то значат. Пятнистый – оно и понятно – пятнистый. Клещ, сечешь, руки – клешни. А если бы руки как руки, то и назвали бы по другому. Мухой, например. Или нет... Муха уже есть, сечешь? Вон стоит. У нас все клички чего-то значат. Тебя бы Дылдой кликнуть или там – Башней, сечешь?

– У нас имена ничего не значат, – прервал словоохотливого Пятнистого Сворден.

Пятнистый помолчал. Недолго.

– Хотя, вот Це тоже непонятно что. То есть, значит. У него имя длинное, сечешь? Забудешь пока докричишься. Вот и обрезали, что твой рак. А ему все равно. Зовут Церцисис, но говорим – Це, сечешь? Це вместо Церцисис. Но это Це. Он – башка, сечешь? Больной на башку, то есть. Кому еще в котелок придет с дасбута смыться? Гноище – оно и есть гноище. Не чета цитадели. Цитадель – это цитадель, сечешь?

Церцисис стоял рядом и молча слушал бормотание Пятнистого. Носогрейка разгорелась, освещая его лицо – жуткую мешанину шрамов, похожих на ледяные торосы, сквозь которые с трудом различались темные полынни глазных впадин и рта.

Становилось светлее. Шторм стихал. Волны вяло накатывали на камни и застывали точно желе. Морось превратилась в редкий снег, который ветром закручивался в высокие плотные

столбы. Какофония непогоды все больше уступала место пробирающему до самых внутренностей треску.

Урагану ломали кости. Погодные установки впрыскивали в тело шторма ингибиторы, заставляя густеть поверхность океана. На гребнях самых высоких волн появились плотные косяки шуги, затем откуда-то из антрацитовых глубин начали всплывать глыбы льда – зародыши рукотворного замерзания.

Печальный крик донесся из облаков – громовые птицы, расправив гигантские кожистые крылья, спускались к океану в поисках добычи. Их тела, напитанные электричеством, светились ярчайшим огнем.

Произошедшее походило на чудо – океан застыл. Титанические снежные вихри, потеряв опору ветра, рассыпались и обрушились на лед снегопадом.

– Пора, – скомандовал Церцисис.

Нетерпеливый Пятнистый тут же соскочил с волнолома и с головой ушел под воду – внизу притаилась предательская полынья. Сворден одним прыжком перемахнул на лед, встал на колени и запустил руку в воду. Пальцы ухватили что-то похожее на капюшон, Сворден потянул и вытащил Пятнистого на твердую поверхность.

Пока тот ворочался в снегу, отплевывая сгустки воды, остальные перебрались на лед. К Свордену подошел приземистый парень, похлопал его по плечу и присел над Пятнистым. Двупалая клешневидная ладонь потыкала лежащего.

– Э, – позвал Клещ.

Пятнистый встал на четвереньки. Рот раззявлен, по подбородку стекает жижа. Клещ отошел, примерился и врезал ботинком Пятнистому по лицу. От удара тот покатился вновь к полынье, но Сворден успел перехватить его за ногу и опять оттащить на безопасное место. Клещ невозмутимо вернулся к Пятнистому и пнул тому в грудь. Пятнистый кашлянул. Клещ отвесил новый пинок.

– Наглотался ингибитора, чучело, – сказал Церцисис. – Если не отбить легкие, то покойник.

Клещ, растопырив руки-клешни, продолжал свою работу. Пятнистый уже не шевелился.

– Сдохнет, – покачал головой Сворден.

– Тут уж как повезет, – сказал Церцисис. – Вот, помнится, у нас при прописке развлекались – наливают ингибитор и заставляют выпивать. А затем пиво отливают. Знаешь, как пиво отливают?

– Знаю.

– Кехертфлакш! Нет, не знаешь.

Церцисис шагнул к стоящему спиной Клещу и коротко ударил тому в поясницу. Клещ беззвучно рухнул. Церцисис удовлетворенно потряс кулаком.

– Удар по почкам, и несколько дней ссышь кровью. Зато никаких последствий после этой дряни.

Веревку, принесенную Пятнистым, размотали, пристегнулись к ней и выстроились в длинную цепь.

Метель усиливалась. Вытирая налипший снег с лица, Церцисис обошел каждого и проверил крепления. Сворден оглянулся, но все скрыла плотная пелена снегопада.

– Где научился? – Церцисис потрогал карабин и узел.

Сворден пожал плечами. Пальцы сами сработали.

– У кого приманка?! – крикнул Церцисис. Веревку несколько раз дернули.

Они пошли. Идти приходилось осторожно – под снегом лед оказался очень скользким. То слева, то справа кто-то падал, изрыгал традиционно-смачное “кехертфлакш!”, поднимался, опять падал.

Вскоре встретилось серьезное препятствие – застывшая волна. Лед круто взмывал вверх, и даже снег не мог удержаться на гладкой поверхности. Люди упрямо карабкались, цепляясь за малейшие выступы, но стоило одному сорваться, как он утягивал за собой остальных.

– Так не выйдет, – сообщил Сворден соседу слева – Пауку.

Тот тащил на себе странное сооружение, завернутое в брезент. Ноша чудовищно мешала взбираться, но Паук, в очередной раз скатившись вниз, вновь поднимался, пластался по льду, раскинув невероятно длинные руки и ноги, кряхтел, шипел, но полз вверх. Однако завидная настойчивость не окупалась.

Сворден сам несколько раз почти цеплялся за гребень. Ему оставалось лишь подтянуться, и он бы преодолел преграду, но Паук упрямо продолжал скатываться вниз, увлекая всех за собой. Пальцы, промерзшие после ледяной воды, разжимались, и Сворден оказывался там, откуда начал.

– Кехертфлакш! – хотелось пить, но снег на вкус напоминал железные опилки.

Придавленный ношей, Паук теперь даже не пытался встать, обессиленно делая попытки карабкаться лежа на животе по накатанной дорожке.

Сворден перевернулся на спину. Лед охлаждал затылок. На фоне белесой тверди плавно двигались огни. Замкнутый мир укрылся низкими облаками, но если присмотреться, то в зените еще можно разглядеть вечное коловращение Стромданга.

Внезапно пелена прорвалась, и сияющая крылатая тень пала вниз. Запахло грозой. Громкая птица отвратительно каркнула и взмыла. Снег взвихрился.

– Чуют, – сказал Паук.

– А если не взберемся? – спросил Сворден.

– Взберемся, – глаза у Паука смотрели в разные стороны. – Взберемся и пойдем. Еще взберемся. Скатимся.

– Не обращай внимание, – справа подал голос Муха. – Он всегда такой.

– Заткнись, – прохрипел Паук. – Вмажу.

– Надо что-то придумать, – сказал Сворден. – А то так и будем кататься.

– Придумали уже, – пробурчал Муха, зачерпнул снег и залепил в Паука. – Что еще тут думать? Всегда ползти и всегда ползать будем. Клеща нет. Дался ему Пятнистый.

Паук попытался вновь начать карабкаться, но Сворден дернул веревку и стащил его вниз.

– Отдохни.

Паук послушно замер.

Подошли две облепленные снегом фигуры – Клещ и Пятнистый. Пятнистый булькал и плевался кровью. Клещ тащил его за шкирку.

– А вот и Клещ, – Муха помахал рукой. – Он нас живо втащит! Да, Клещ? Брось ты его!

Пятнистый упал рядом. Клещ, не останавливаясь, пошел вверх по льду, иногда наклоняясь и хватаясь за выступы. Вскоре он оседлал гребень.

– Это же Клещ! – помотал головой Муха. – Что говорил! Клещ – мастер на дела. Что корешу ребра сломать, что яйца ко льду приморозить. Клещ!

Дело пошло споро. Клещ бросил линь с крюком, втащил Паука, затем Свордена, который держал Пятнистого. Муха влез сам. Закрепившись, вытащили Блошку с такой же ношей, как у Паука, затем – Гнездо, который неразборчиво, но жутко ругался. Прозорливее всех, как оказалось, поступила Мокрица – она даже и не пыталась одолеть кручу, дожидаясь Клеща.

Съехали вниз.

Там их дожидался Церцерсис.

– Чувешь? – спросил Паук.

Пятнистый совсем оклемался:

– Це и не такое учует, сечешь? – сказал он Свордену. – Пусти, башка!

Сворден пустил. Пятнистый свалился. Пришлось опять его поднять.

– Це – башка, – продолжил Пятнистый как ни в чем не бывало. – Сечешь? Я – не башка, Клещ – не башка, Мокрица и та не башка. Здоровые мы на голову, сечешь?

– Заткнитесь, – прошипел Церцисис. Отставив носогрейку подальше в вытянутой руке, он и вправду к чему-то принюхивался, зажмурив глаза. Лицо его приобрело еще большее сходство с хищным насекомым.

Лед под ногами содрогнулся. Все попадали, лишь Церцисис остался стоять, широко расставив ноги, наклонившись вперед, точно готовясь к броску.

– Дерваль, – пробормотал он. – Тысячу раз кехерфлакш. У них на хвосте дерваль!

Мокрица завyla и забилась, зажав голову ладонями.

– Надо возвращаться, Це, – просипел Блошка. – Не повезло.

– Це – башка, – сказал Пятнистый. – Больной на голову, то есть.

Лед еще раз содрогнулся – изнутри в него билось нечто огромное.

– Бежать, – Паук развернулся и принялся карабкаться на ледяной склон, с которого они только что скатились.

– Отставить! – рявкнул Церцисис. – Успеем. Мы успеем, если резче пошевелим задницами, недоумки! Заткните дуру!

Клещ послушно ткнул клешней в Мокрицу. Гнездо сплюнуло:

– Правильно Це толкует. Идти надо, а не ссать.

– Туда, – показал Церцисис.

Они опять выстроились цепью.

Снегопад шел неравномерно, сначала обрушиваясь на идущих плотной стеной, где только веревка не позволяла затеряться в стильной круговерти, а затем становясь таким редким, что взгляду открывалось огромное пространство между островами, превращенное в ледяную страну. Вдалеке торчали макушки гноищ. Громовые птицы кружили над головой.

– Чуют поживу, – Муха задрал голову.

– Это плохо? – спросил Сворден.

– Быстро найдем – хорошо, – Муха поправил рюкзак. – Долго – плохо.

– Почему?

– Кинутся на нас.

Сворден посмотрел вслед за Мухой. Светящиеся тени даже отсюда казались голодными – чересчур беспокойно вели себя – резко взмывали вверх, а затем, сложив крылья, пикировали на людей, оглушая мерзким карканьем.

Несколько раз снова пришлось преодолевать ледовые возвышенности, но теперь заминнок не возникало – Клещ ловко взбирался на гребень, непостижимым образом удерживаясь на скользком склоне, и помогал подняться остальным. Но чем дальше они отходили от островов, тем более гладкой становилась поверхность временного ледника.

Церцисис держался отдельно от остальных, появляясь то впереди, то окликая сзади, то вообще возникал из кратковременной пурги, весь облепленный снегом, проверял крепления и ношу идущих в связке людей.

Пятнистый полностью оклемался, лишь изредка потирая грудь и посматривая на Клеца. Наполнены эти взгляды хоть толикой благодарности или предвещают отмщение за избиение – по испещренному пятнами и опухшему лицу понять было трудно.

Блошка разок попытался поддеть необычно молчаливого Пятнистого, выражаясь в том смысле, что Клещ хорошо отлечил кореша, и теперь неплохо бы и корешу отлечить Клеца, например, избавив того от двупалости. Но тут из ниоткуда появился Церцисис, молча отлил пива Блошке и так же молча исчез.

А затем лед под ногами Мокрицы разверзся, и она рухнула вниз. Все от неожиданности замерли, но тут из полыни вырвался гигантский фонтан тягучей дряни, которая расправилась в морозном воздухе широким полотнищем и опустилась на людей.

– Режь концы! – заорал Муха, оказавшись крайним у открытой воды.

Веревку сильно дернуло, Сворден упал, отпихивая липкую пленку, но на холоде та мгновенно приобрела невероятную крепость. Он попытался дотянуться до резака, однако рука запуталась, и ее сжало с силой стальных тисков. Сворден боролся, ворочался, но его скручивало все сильнее. Отвратительная утроба сокращалась тем быстрее, чем сильнее из нее пытались освободиться.

Со всех сторон доносились вопли и стоны. Лед содрогался. Сворден замер. Пленка прекратила стягиваться. Но теперь он чувствовал, что его куда-то тащат, и оттуда, куда его тащат, раздается плеск воды. Совсем рядом слышалась непонятная возня, уши заложило от воя. Тьма распоролась. Сворден рванулся в сторону света.

Рядом с ним сомкнулись гигантские зубы, обдав чудовищным смрадом. Между клыков шевелилось нечто, похожее на щупальца, сочащиеся все той же липкой дрянью. Мир кренился, и Сворден все быстрее соскальзывал в сторону пасти.

– Держись! – заорал повисший на канате Блошка, размахивая длинной металлической палкой.

Сворден ухватился за веревку, однако левая рука так и оставалась зажатой в пленке.

– Я пошел, – сказал Блошка Свордену, оскалился и отпустил канат.

Он ловка упал на торчащую из воды покрытую шестиугольными пластинами голову дерваля, примерился и вонзил палку. Дерваль распахнул пасть. Сворден увидел в глубине бездонного зева, до краев усеянного острыми зубами, торчащую человеческую ногу.

Вдруг пластины щелкнули, встали горизонтально, превратившись в лезвия, а из под них хлынули какие-то мелкие членистоногие твари. Твари вцепились в Блошку, в одно мгновение покрыв его плотной шевелящейся массой. Ударили фонтаны крови, сбив нескольких паразитов с лица Блошки.

Сворден сосредоточился. Время послушно растянулось, достигло предела натяжения, зазвенело струной, готовой лопнуть. Мир замер, стал хрупким, точно лед.

Рывок. Рука свободна. Падать долго. Поворот. Ноги упираются в нависающую льдину, которая через мгновение рухнет в полынью. Накроет его и Блошку. Мгновение – это много, целая вечность. Толчок и полет вниз – к пасти, зубам и лезвиям.

Неподвижная картинка. Теперь к пасти добавляются массивные чешуйчатые лапы с когтями. Блошка и впрямь – блошка на подводном колоссе.

Группировка, новый поворот, приземление. Ступни – на голой коже дерваля, изрытой гниющими язвами. Из язвы торчит членистоногая тварь. Симбиот. Паразит.

Плоть дерваля расплескивается гнойными ошметками. Ноги погружаются в нее до половины лодыжек. Увяз. Есть ли твердь? Есть. Остановка. Время уже не звенит – скрипит. Трутся друг о друга жилы мгновений, проворачивая колесо десятков мгновений, сотен мгновений. Мир с неохотой подается. Картинка размазывается.

Воздух подобен стене. Снежинки режут лицо. Блошка на пределе досягаемости. Захват. Сильнее. Раздавить напившихся кровью тварей. Переворот в прыжке.

Мир как мячик изнутри – даже если встать на голову, ничего не изменится. Ноги описывают полукруг – размен фигур. Блошка в обмен на Свордена. Словно невидимая рука сметает окровавленное тело.

Членистоногие потеряли добычу. Сил на новый толчок нет. Счет – на десятки мгновений. Твари начинают вяло шевелиться.

Шест! Спасение. Рука ноет. Ноги налиты свинцом. Что-то опускается сверху. Громадное. Жаркое. Наэлектризованное. Живая молния. Грозовая птица. Разрядник потрескивает. Снег попеременно с искрами. Успеет. Успеет. Ждать нельзя.

Разрыв. Время не выдержало. Сворден почувствовал, как в прыжке его толкнуло в спину, закрутило, и он неловко приземлился на бок. Лед молотом врезал по плечу.

Льдина хрустнула, накренилась, увлекая Свордена обратно в полынью, где над тушей дерваль повисла громовая птица, пытаясь подцепить приманку с оставленного Блошкой шеста.

Сил хватило лишь на то, чтобы сделать новый вздох и вонзить пальцы в неохотно поддавшийся лед. За спиной кипела схватка. Сворден посмотрел через плечо. Громовая птица взмахнула крыльями, взмыла, развернулась и сделала новый заход. Дерваль взревел, раззявил громадную пасть, плюнул, но разряд молнии ударил в пленку, смял ее, освобождая летуну путь. Птица замерла над шестом, ухватила за приманку и...

Мир воспламенился. Вспышка ударила по глазам. В уши вбили по заряду взрывчатки и подорвали. Тело пронзили мириады иголок. Мышцы скрутились в тугие жгуты, судорогой свело каждую из них. Хотелось закричать, но воздух исчез. Свершилось чудо. Рухнули все преграды и легион впечатлений вторгся в мозг, который отказался складывать из них привычную картину замкнутого на себя мироздания.

Свордена растворил мировой океан, теперь лишенный бледной палитры загаженных радиацией вод, увлек мимо грандиозной кальдеры, чьи иззубренные вершины терялись в облаках, а склоны испещряли лабиринты бесконечных лестниц, протащил сквозь узкие фарватеры цитаделей, раскинул широко в нескончаемом водовороте Стромданга, и ввергнул в чудовищный поток Блошланга, чья сила скручивала мир, выворачивала наизнанку, кехертфлакш, кехертфлакш, кехертфлакш...

– Кехертфлакш, – проревел Блошланг голосом Церцсиса.

– Сечешь, Клец? Тут тебе не легкие отбивать. Тут, сечешь, такой разряд вставило, с тебя вся шкура лохмотьями пойдет. Башка Сворден, башка!

Пальцы надоедливо ощупывали лицо. Мир с трудом втискивался в привычное узкое русло замороженного гноища. Хаос пятен превратился в физиономию. Сворден пятерней оттолкнул Пятнистого и сел. Затем встал. Льдина покачалась и остановилась.

– Здорово его шарахнуло, – сообщил Гнездо, опасливо заглядывая в полынью.

– Взорвался, – сказал Паук. Потрясение родило в его манере говорить прошедшее время.

Церцсис наколол на нож черный ошметок, осторожно понюхал, прикусил. Задумчиво пожевал.

– Ты чего, чучело, туда сиганул? – Сворден промолчал. – Тебя что, Мокрицей зовут, урод?

– Нет, – сказал Сворден и поискал взглядом Блошку.

Церцсис выплюнул изжеванный кусок и двинулся в Свордену, отставив руку с ножом. Блошка лежал неподвижно около полыни в луже крови.

– Знавал таких, – сказал Гнездо. – Берутся непонятно откуда, живут непонятно и других не понимают. Не кипятись, Це. Гноище – оно на то и гноище. Отбросы. Мусор.

Сворден приготовился отбиваться, но Церцсис остановился и спрятал нож.

– Ладно, на берегу разберемся – кто отброс, а кто мусор.

Прежде чем вновь прицепиться к веревке, Сворден подошел к телу Блошки. Одежда превратилась в лохмотья, сквозь прорехи виднелась кожа, сплошь покрытая ранами. Сворден осторожно потрогал Блошку за руку. Мертв.

– Я думал – мы команда, – сказал Сворден подошедшему Гнезду.

Услышавший это Пятнистый хохотнул:

– Башка, Сворден, башка. Простых вещей не сечешь!

– Каждый полезен для дела, – сказал Гнездо. – Мокрица была кормом. Дерваль потому и кинулся на нее. Муха – и туда, и сюда – непонятный человечиска. Блошка, как и Паук, птиц приманивает. Каждый на что-то годен. И тебя приспособят.

– Приспособим, – пообещал Церцсис. – Так приспособим, что не отковыряешь.

Проходя мимо Пятнистого, Сворден сказал:

– В следующий раз из воды не вытащу.

Пятнистый схватил его за рукав:

– Ты это... Это, сечешь, зря ты так. Я – дело другое. Я – не Мокрица. Я дерваля не чую, от страха не ору. Меня не надо топить. Сворден, ты хорошо сделал – спас. Вытащил. Клещ, кореш, вон и то меня спасал. Так отмутил, что вся гадость вышла. Видел? Вышла, да, – при этом он хватал Свордена за руки, суетился, неловко помогая привязаться к веревке. Пользы от его суеты не было. Чувствовалось, Пятнистый по-настоящему перепуган.

Когда они нашли дасбут, снегопад почти утих. Мир прояснился, привычно поднимаясь вверх, чтобы сомкнуться в зените.

Громовые птицы продолжали кружить над останками дерваля, чтобы, улучив момент, резко спикировать вниз. Крики дерущихся хищников гулко разносился в морозной тишине.

Лодку впаяло в лед – над снегом невысоко выдавалась палуба с характерными вздутиями стартовых шахт. Дасбут было бы сложно разглядеть, если бы не рубки. На передней, самой высокой, красовался знак – рука, сжимающая факел. По бокам второй шли ряды нарисованных черепов.

Дасбут здорово потрепало в походе – белое покрытие корпуса кое-где свезено длинными извилистыми полосами, обнажившими серый металл. Казалось, лодку исполосовало острейшими когтями умопомрачительное по величине чудовище.

– Кто ж их так? – шепотом спросил Пятнистый смотрящего в бинокль Церциса. – Дерваль?

Церцис не ответил.

– Подавится твой дерваль дасбутом, деревня, – сказал Гнездо. – Ему, гаду слюнявому, Мокрица поперек горла чуть не встала. Так ту ведь соплей умоешь. Тут посерьезнее тварь поработала.

Пятнистый поежился и подвинулся поближе к Свордену.

– Видишь черепа на редукторе? – продолжил шепотом просвещать Гнездо. – Каждая черепушка – поход. Прошел Блошланг, побережье почистил, вернулся – рисуй костяк.

– Много, – сказал Паук. – Опасные. Ждать, – но сам, тем не менее, стянул с себя ношу, расчехлил и принялся свинчивать блестящие штыри.

– Помоги, – приказал Церцис Клецу.

Сворден посмотрел, как двупалый намерен исполнять приказание, но ничего необычного не увидел – Паук терпеливо указывал Клецу какую деталь подать, в какой разъем вставить, а тот ловко подхватывал нужную вещь, вдевал, закручивал, защелкивал. Долше всего пришлось повозиться с наконечниками – тонкими полосками, которые требовали особо тщательного монтажа.

В результате получился длинный шест, похожий на разрядник, который использовал Блошка, но, в отличие от охотничьего варианта, более массивной и замысловатый.

Паук еще раз внимательно осмотрел оружие, зачехлил основание, поставил на взвод ловушку из восьми лезвий, удерживаемых на шестернях с пружинами.

– Сунь туда руку, – посоветовал Пятнистый Клецу.

– Ты туда задницей сядешь, – пригрозил Церцис. – Из одного дурака целый выводок недоумков получится.

Он скатал снежок и кинул на ножи. Ловушка сработала.

– Сворден, пойдешь с Пауком, – Церцис посмотрел вверх. Птицы все еще продолжали кружить в ожидании новой поживы.

– Чуют трупяков, – сказал Гнездо. – Много трупяков.

– Да уж, – ответил Церцис, вновь разглядывая дасбут через бинокль.

– Каких трупяков? – Пятнистый облизнул губы.

Гнездо показал каких – жутко скорчив рожу и высунув язык. Клещ похлопал Пятнистого, осклабился.

– Ты разве не знал, что команда дасбута – вся сплошь трупяки? – невзначай поинтересовался у Пятнистого Гнездо. – Ну, не такие, что лежат и гниют, а такие, что ходят и гниют. Сечешь? Почему все они такие отмороженные? Покойнички, вот живым и завидуют.

– Чему завидовать-то? – судорожно сглотнул Пятнистый. Кожа в промежутках между пятнами еще более побелела. – Ты гонишь! – он попытался рассмеяться. Остальные хранили суровое молчание.

– Команда дасбута состоит сплошь из гальванизированных покойников. Ни один живой не может преодолеть Стромданг и Блошланг, – сказал Гнездо. – Об этом все знают. Только тебе мы ни о чем не говорили.

Со стороны дасбута донесся протяжный скрип. Все тут же взобрались на горку. Лишь Пятнистый помедлил, но, тем не менее, тоже вполз вверх, уже по привычке примостившись рядом со Сворденом.

На передней рубке откинулся люк. Появилась фигура в мохнатом облачении, похожем на длинную шубу. На голове вышедшего умещалась высокая шапка, по форме напоминающая патрон. От шеи свисали веревки разной длины с притороченными округлыми предметами. Сворден разглядел, что это небольшие человеческие головы – то ли настоящие сушеные, то ли ловко сделанные подделки.

Человек спустился с рубки, прошелся вдоль палубы туда и обратно, встал под рулями и принялся мочиться.

– Что он делает? – близоруко шурился Пятнистый.

– Отливает, – объяснил Паук.

На рубке возникло еще несколько фигур в столь же громоздких одеяниях. Они так же походили по палубе, о чем-то переговариваясь, затем откуда-то достали складной трап, скинули на лед. Двое спустилось с дасбута и двинулись в противоположные стороны, осматривая корпус.

– Кехертфлакш, – выругался Церцерсис. – Вынесла их нелегкая.

– Долго они так бродить будут? – спросил Гнездо.

– Меня спрашиваешь? – еще больше разозлился Церцерсис. – Их спроси.

– Ждать, – сказал Паук.

Тем временем осмотр дасбута закончился, люди забрались на рубку и исчезли в люке, но когда Церцерсис уже приготовился отдать приказ отправляться к лодке, на корме появилось странное существо. Совершенно голое, бледное, оно почти сливалось с цветом дасбута. Походило существо на человека, решившего встать на четвереньки, но имело громадную лысую голову.

– Что это? – спросил Сворден.

– Копхунд, – пробормотал Церцерсис. – Вот сейчас и начнется забава.

На палубу дасбута высыпал экипаж – все в шубах и шапках. Копхунд насторожился – опустил голову, выгнул спину, замер. Толпа расступилась, вытолкав из своих рядов троих, облаченных в нечто, похожее на мешки, только с прорезями для головы и рук. Эти люди переступали голыми ногами, терли предплечья. Толпа зашумела.

Троица как-то неуверенно отступила к самому краю палубы, но больше ничего не предпринимала, присев и скорчившись.

Копхунд двинулся в их сторону, и теперь становилось ясно, что к человеческому роду, несмотря на внешность, тварь не имеет никакого отношения – перемещалась она странно и жутковато.

Один из толпы подошел к сидящим, схватил крайнего за руку и потащил навстречу копхунду. Двое оставшихся прижались друг к другу.

Сворден осмотрелся. Вся свора заворуженно рассматривала происходящее. Из уголка рта Пятнистого потянулась нитка слюны и замерзла тончайшей сосулькой. Гнездо почти выва-

лился на другую сторону ледяной возвышенности и, казалось, готов был ползти к дасбуту, дабы ничего не упустить из представления. Сворден потянул его назад. Гнездо недовольно лягнул. Клещ судорожно сжимал и разжимал двупалые кисти, точно краб, хватающий добычу. Паук комкал снег и запихивал в рот. Талая вода сочилась по подбородку на куртку и застывала неопрятными потеками.

Церцисис исчез. Сворден привстал и огляделся, но Церцисиса нигде не оказалось. Сворден подобрал брошенный бинокль.

Человек в мешке теперь лежал перед копхундом. Пошевелился, приподнялся, попытался встать. Копхунд раззявил пасть, отчего морда потеряла даже самое отдаленное сходство с человеческим, схватил затылок и рванул. Густая масса потекла по спине жертвы. Тварь выплюнула кость, прижала передними лапами человека к палубе, наклонилась, схватила руку, рванула. Конечность описала дугу. Кто-то в толпе ловко ее подхватил, помахал в приветствии, бросил двоим оставшимся. Те отшатнулись и сползли с палубы на лед.

Копхунд поднял окровавленную морду, привстал на задних лапах, вновь приобретя сходство с человеком, если бы не растянутые губы, обнажающие звериные клыки. Выкаченные глаза пристально следили за бегущими. Те, поддерживая друг друга, бежали к тому месту, где залегли люди Церцисиса.

Раздался свист, впивающийся в уши даже на таком расстоянии. Тварь в два прыжка одолела расстояние до беглецов.

Вихрем взвился снег. Сворден вглядывался в происходящее, но с трудом что-либо разбирал. Сначала он вроде бы увидел как тварь сразу растерзала беглецов, у которых, учитывая виденное, имелось мало шансов одолеть копхунда. Но потом стало казаться, что те двое каким-то чудом все таки схватили тварь за лапы и тянут в разные стороны. Затем Сворден разобрал, что копхунд рвет одного, а второй впился в шею твари. Летели клочья, била кровь из порванных артерий. Однако ни крика, ни стона не доносилось из гущи схватки.

Все кончилось неожиданно. Снег осел. На утоптанной площадке остался один из людей в обрывках своего мешка. У его ног валялись растерзанные тела. Человек наклонился, что-то подобрал, запихал в рот. Постоял. Упал на колени, встал на четвереньки и принялся ползать среди останков.

– Что он делает? – еле слышно спросил Пятнистый.

Все зашевелились, отрываясь от происходящего.

– Жрет, – сказал Паук и запихал в рот новую порцию снега.

Гнездо отвернулся и лег на спину.

Сворден продолжал смотреть.

Человек оторвался, наконец, от кровавой трапезы, встал и побрел назад к дасбуту, изредка наклоняясь и проходя несколько шагов, помогая себе руками. Походка приобрела сходство с движениями копхунда.

– Насмотрелись? – Церцисис отобрал бинокль у Свордена. – Представление окончилось. Сейчас начнется работа.

И действительно – члены экипажа один за одним исчезли в дасбуте. Палуба опустела. Лишь растерзанное тело на корме, да окровавленное место схватки напоминали о произошедшем.

– Весело, сечешь? – Пятнистый хлопнул Свордена по плечу. – Вот развлекуха так развлекуха!

– Ага, – поддакнул Гнездо, – уж я бы веселился, пока копхунд тебя разделявал.

– Башка, – обиделся Пятнистый.

Паук ткнул Свордена в бок. Сворден кивнул, подобрал мешок с наживкой. Они переваляли через вершину, скатились вниз на животах и поползли к дасбуту.

Особенно неудобно оказалось волочь шест, который норовил зацепиться за любой выступ на ледяном поле. Паук не обращал на это никакого внимания, даже если шест застревал достаточно крепко. Он упрямо продолжал загребать руками и ногами, оставаясь на месте, тяжело дыша, хватая ртом снег. Свордену пришлось взять на себя заботу высвободить застрявшее приспособление.

Кое-где снег уже подтаивал, отчего куртки промокли, отяжелели. Ползти стало еще труднее.

Изредка слышался лязг люк, выпускавшего кого-то из дасбута, и тогда они замирали, вжимались в лед, не поднимая голов.

Когда до лодки оставалось рукой подать, Паук наткнулся на то место, где копхунд дрался с людьми. Снежный покров здесь превратился в кровавую мешанину. Валялись обглоданные кости. Посредине возвышалась слеппенная из снега небольшая горка, и из нее торчал кусок руки. Сжатым в кулак пальцам не хватало факела.

Наконец Сворден и Паук доползли до дасбута и сели, прижавшись к покатоному боку. Отдыхались, пытаясь разглядеть там, откуда приползли, притаившихся поделщиков. Ничего не видно. Лишь маячила торчащая из снега рука, грозившая кулаком.

– Пошутили, – проворчал Паук.

– Куда теперь?

Паук показал в сторону кормы. Пригнувшись, они добежали до второй рубки. Ухватившись за выбитые в резине выемки, Паук ловко взобрался на палубу. Сворден передал ему шест и тоже влез на лодку.

Пожалуй, только отсюда можно было оценить насколько дасбут огромен. Они словно оказались на широкой дороге. Белое покрытие слегка пружинило под ногами. От кормовой рубки до киля тянулась узкая полоса голой металлической поверхности. Паук отыскал на ней еле приметный люк, ухватился за рукоятку, с кряхтением повернул. Свордена расчехлил шест и передал его Пауку. Тот примерился, ткнул основание с разъемами в отверстие люка, повернул. Теперь шест крепко торчал за кормовой рубкой.

Сворден дотянулся до затвора. Лезвия ловушки растопырились. Прицепили приманку – здоровенный кусок тухлятины. Сверху донеслось карканье – громовые птицы закружили над дасбутом.

– Чуют, – Паук облизнул губы, поискал взглядом снег, но на теплом корпусе он таял, и лишь кое-где в трещинах и выемках покрытия чернели лужицы. – Отойдем.

Они притулились к ледовому подкреплению рубки, спиной ощущая подрагивание дасбута – внутри работали мощные механизмы. Отчетливо различался свинцовый привкус – радиация. С трудом верилось, что торчащий нелепый шест, да еще с наколотым куском мяса, может хоть как-то повредить столь могучей машине.

Сворден вздохнул, снял и почистил очки. Мировой свет слепил. Маревое поглощало метеорологические установки. Кальдера отбрасывала длинную непроглядную тень на правый туск – изогнутый выступ внешнего материка. Устройство мира казалось таким же нелепым, как и все предприятие по нападению на дасбут.

Громовая птица камнем упала на приманку. Ловушка щелкнула, лезвия сомкнулись. Оглушительно треснул разряд. Из отверстия повалил густой дым.

Паук встал, помахал.

– Видим, – сказал вновь неизвестно откуда возникший Церцисис. – Дай руку.

Сворден втащил на палубу Церцисиса, затем помог взобраться остальным.

– Гладко прошли, – заметил Гнездо.

– Заткнись, – показал кулак Церцисис. – А то сейчас кальдера зашевелится, кехерт-флакш! Тогда и увидим, что гладко, а что шершаво. Живо на рубку!

– Здорово их! Сечешь, башка? – Пятнистый гордо выпятил подбородок, покровительственно похлопал Свордена по плечу, привстав на цыпочки.

Клещ схватил Пятнистого за шею и несколько раз пригнул к палубе. Паук вышел из привычной хандры, резво подбежал и отвесил Пятнистому пинок. Над головой закричали громовые птицы. Все замерли, всматриваясь в центр мира. Затем на носовой рубке возникла фигура в мохнатой шубе. Пятнистый взвизгнул, но Клещ держал его крепко.

Человек спустился на палубу и двинулся к кормовой рубке. Испешренное шрамами и татуировками лицо ничего не выражало. Заплетенные во множество косичек волосы свисали ниже плеч. Подвешенные к ошейнику сушеные сморщенные головы глухо стукались друг о друга. От мохнатой шубы несло затхлостью, спертым воздухом. В руке человек держал короткую бугристую палку, из отверстий которой на палубу капала тягучая жидкость.

От облика человека веяло стылой жутью. Сворден не сомневался – начини тот душить их по очереди, никто не сдвинется с места от ужаса.

Шаг. Еще шаг. Темная фигура надвигается, поглощая, впитывая окружающий мир. Мертвые головы с пустыми глазницами кривят безгубые рты в ужасных ухмылках. Вонь полуразложившегося трупа выворачивает наизнанку. Трупяк. Насыщенный атмосферным электричеством Стромданга самодвижущийся трупяк, чьи мертвые мышцы сокращаются не волей гниющего мозга, но чудом постоянного тока. Смотрит над собой, где беснуются громовые птицы, почуяв тухлятину. Поднимает палку, целясь в птиц, сжимает ее, отчего из отверстий брызгает уже знакомая черная жидкость, а вверх устремляются тончайшие прозрачные нити.

Что там происходит – понять трудно. Свара, избиение. Птицы каркают, бьют громадными крыльями, падают. Сверкают молнии. Сыпется почерневшая чешуя. Слышится шмяканье об лед. Вокруг дасбута – агонизирующие тела. Скребут когти. Судорожно распахиваются пасти, безуспешно пытаясь исторгнуть последний крик.

Человек стряхивает палку и скрывается за кормовой рубкой. Палуба усеяна безобразными пятнами.

Пятнистый тихо завыл. Гнездо упал на колени, и его вывернуло. Паук приготовился прыгнуть с палубы, но Клещ схватил его за капюшон.

– Успокойтесь! – прорычал Церцсис. – Заткните его!

Сворден шагнул к Пятнистому, взял за шиворот и встряхнул. Пятнистый замолчал.

– К такому никогда не привыкнуть, – пожаловался Гнездо, все еще стоя на четвереньках. – Как вас только блевать не тянет?

– Всем по местам, – приказал Церцсис. – Не ссать. Выродки нас не видят и не чувят.

– Почему? – спросил Сворден.

Церцсис уставился на Свордена, но тот глаз не отвел, лишь еще раз тряхнул молчащего Пятнистого.

– Редуктор обесточен, – сказал Церцсис. – А без него они не люди, понимаешь?

– Они и так не люди, – жалобно сказал Пятнистый. – Трупяки.

– Не полезу, – сказал Паук.

– Я то... – начал Пятнистый, но осекся.

Церцсис выхватил нож и полоснул Паука по горлу. Хлынула кровь, Паук задергался. Ноги его подогнулись, но Клещ продолжал крепко держать тело.

– Отпусти, чучело, – сказал Гнездо, поднимаясь и вытирая рот.

Клещ отпустил, ткнул ботинком неподвижного Паука.

– Блевать не тянет? – поинтересовался у Гнезда Церцсис, все еще не пряча нож.

– Нет, – хмуро ответил Гнездо.

– Тебя еще что-то интересует? – повернулся Церцсис к Свордену.

Сворден пристально смотрел в глаза Церцсису, пока тот не выдержал и не перевел взгляд на Пятнистого:

– Ты чего вякал?

Пятнистый затряс головой.

– В дасбут. Живо.

Первым на носовую рубку взобрался Гнездо, за ним – Пятнистый, Клещ. Церцерсис придержал Свордена за рукав:

– Ты самый головастый из отбросов, поэтому в пекло особо не суйся, расходного материала и так хватает.

Внутри рубки никого не обнаружилось. Скудное аварийное освещение кое-как разжигало царящую в дасбуте тьму. Что-то хрипело и булькало. Иногда чудились юркие тени, шнырявшие под ногами. И еще было холодно. Холоднее, чем снаружи. Металл обжигал даже сквозь одежду.

Никто не разговаривал и вопросов не задавал. Гнездо уверенно повернул в сторону кормовых отсеков. Люки в переборках оставались отдраены. Легкий сквозняк бросал в лицо идущим сложные запахи механической и органической мертвечины – металла, смазки, тухлятины, сдобренных привкусом океана и радиации. Казалось, титанический стальной дерваль сожрал, перемолол весь экипаж в жерновах механизмов и одним глотком отправил их в раскаленную топку ядерного реактора, и лишь куски плоти остались догнивать, застряв в промежутках металлических зубов.

В одном из закутков Сворден разглядел копхунда. Тварь привинтили к переборке болтами. Она тарасилась громадными глазами из-под широкого лба. Какая-то мерзость стекала из пасти. Валялись обглоданные кости.

Встретившись взглядом со Сворденом, копхунд дернулся, оскалился. Распятые конечности напряглись, но болты держали крепко. Замыкающий шествие Церцерсис нетерпеливо толкнул замершего Свордена в спину.

Вскоре они еще раз спустились по трапу и очутились на палубе, где размещался экипаж. Здесь к аварийному освещению добавились включенные фонари, подвешенные к раздвижным дверям кубриков. Стылый синий свет позволял рассмотреть внутренности узких длинных ячеек.

На полках лежали люди. Чтобы уместиться в отведенном для отдыха объеме им приходилось жаться, корчиться, втискиваться в коечные щели, непрерывно шевелиться личинками в тесных коконах влажных простыней, безнадежно стараясь найти удобное положение. Закрытые глаза, распушенные рты, кожа, примерзшая к костям черепа.

Непрестанный шорох десятков тел, ищущих покоя, добавлялся к ставшему здесь громче хрипу и бульканью. Только теперь Сворден сообразил, что никакой это не хрип и не бульканье, а голос, читающий нечто монотонно, с усилием, будто пересиливая жуткую боль, изредка срываясь на крик и всхлипы. Слова казались знакомыми, но они отказывались складываться в нечто осмысленное. Как и многочисленные надписи внутри дасбута.

Странно, но здесь свора оживилась. Они уже не шли друг за другом, вздрагивая от малейшего неожиданного шума, а заглядывали в кубрики, даже осмеливались заступать за порог, выискивая поживу.

Гнездо вытащил целый ворох мохнатых шуб, выбрал одну, которая казалась не такой поношенной, как остальные, и поменьше воняла, и тут же в нее облачился.

Клещ залез в один из кубриков, долго там возился, пыхтел, чем-то гремел, пока не выволок оттуда запечатанную банку. В мутной жидкости плавала какая-то отвратная дрянь, то ли живая, то ли законсервированная – в синюшном свете не разобрать. Довольный приобретением, Клещ упаковал добычу в рюкзак.

Пятнистый поначалу опасливо заглядывал в кубрики, стараясь не заступать внутрь и крепко держась за притолоку. Он вытягивал шею, принюхивался, морщился, отшатываясь назад в проход при каждом шевелении спящих. Постепенно набираясь храбрости по мере того,

как Гнездо и Клещ набивали рюкзаки и под сумки добычей, Пятнистый на цыпочках заходил в кубрики, шурудил на столе, ощупывал стены в поисках нычек. Висящая на животе торба округлялась.

В одном из кубриков Сворден заметил на полке книжку. Гнездо, Клещ и Пятнистый, уже побывавшие тут, книгой не заинтересовались. Сворден взял ее, стряхнул крошки, перелистал.

Книга состояла из одних картинок с короткими подписями. Описывалась жизнь странного создания, скорее даже, некоей особи женского пола, которая прислуживала bravому офицеру – судя по шубе и высокой шапке. Особь проживала в бочке с ледяной водой и периодически вовлекалась хозяином во всяческие авантюры – исключительно патологические и извращенные. Картинки отличались высокой степенью детализации. Сворден сунул книжку в карман.

Тем временем Пятнистому не повезло. Окончательно осмелев, он потерял бдительность. В одном из кубриков Пятнистый приметил оставленную недоеденной большую горбушку консервированного хлеба. Гнездо и Клещ резко пахнущим куском побрезговали, но Пятнистый решил такую добычу не упускать. Он схватил хлеб, не заметив, что тот полностью выеден. Крыса оставила лишь корку и притаилась внутри. Пальцы Пятнистого показались ей соблазнительной добычей.

Сворден вовремя заметил, что творится неладное. Он схватил Пятнистого, ударил по руке, выбивая хлеб, ладонью зажал рот. Крыса вцепилась когтями в обшлаг куртки, обмотала длинный хвост вокруг запястья и продолжала пожирать пальцы Пятнистого, скусывая фалангу за фалангой.

Несчастный бился и врывался. Сворден перехватил его руку около локтя и несколько раз ударил о переборку. Крыса срывалась, повисала на хвосте, но затем ловко изгибалась, вцеплялась в кровотокающие обрубки и продолжала прерванную трапезу. Глаза твари горели красным.

Подоспел Церцисис, протиснулся между Сворденом и переборкой, перехватил руку Пятнистого и ловко пригвоздил крысу ножом к двери кубрика. Животное корчилось, пищало, размахивало лапами и било хвостом. Церцисис оттолкнул Свордена, все еще зажимавшего Пятнистому рот, выдернул нож с насаженной крысой и размозжил ей череп каблуком.

Пятнистый стонал.

– Пригни его, – приказал Церцисис.

Сворден налег на Пятнистого, а Церцисис тем временем прижал его искалеченную руку к палубе и откромсал оставшиеся обрубки пальцев.

– Вот тварь, кехертфлакш, – выругался Церцисис, непонятно кого имея в виду – Пятнистого или крысу.

– Сдохнет, – сказал Гнездо. Он присел на корточки и обмотал ладонь Пятнистого бинтами.

– Дотянет, – Церцисис ободряюще хлопнул Пятнистого по плечу.

По кубрикам больше никто не лазил. Из жилого отсека они спустились еще на один уровень в узкий проход между гудящими трубами и проводами. Кое-где попадались закутки, отгороженные раздвижными панелями, внутри которых мигала аппаратура, по круглым циферблатам ползли стрелки, на столах лежали раскрытые тетради с записями.

Пятнистый нянчил раненую руку, вообще потеряв всякий интерес к происходящему. Кое-как наложенная повязка подтекала кровью. Клещ часто оглядывался на приятеля.

Гнездо, ведущий остатки своры, ловко нырял в люки, пригибался там, где трубы обрастали вентилями, норовя снести череп незваным гостям, взлетал по трапам и так же ловко по ним соскальзывал, держась лишь руками за вытертые до блеска перила.

Иногда им встречались члены экипажа, но уже без шуб и шапок, а в серых робах и сандалиях на голые ноги. В морях не осталось почти ничего пугающего – они походили на бледные тени умерших, которые не заметили, что жизнь окончательно ушла из тел, и безразлично

продолжали выполнять свои обязанности. Лишь их глаза при случайной встрече со взглядами своры порождали дрожь – чудилось, что из пыльной пустоты зрачков этих как бы мертвых тел наблюдало за внешним миром иное существо – всемогущее и равнодушное.

Сильнее ощущался привкус радиации. Монотонный голос, доносящийся из отверстий внутренней связи, заглушался пыхтением пара, который вырывался из соединений труб. Сворден слышал слабое шуршание под дырчатым настилом палубы. Но на крыс это не походило. Там двигалось нечто более мелкое и гораздо более многочисленное.

Внезапно Гнездо остановился и предостерегающе поднял руку. Сворден придержал Пятнистого за плечо. Клещ присел было на корточки, но тут из дренажных отверстий поползли тараканы – сначала по одному, а затем – набирающими силу потоками. Насекомые покрыли все пространство до люка шевелящимся ковром, сотканным из обычных мелких синих экземпляров с вкраплениями больших белых и совсем уж огромных прозрачных – порождений скверно защищенного реактора.

– Стоять, – сказал Церцерсис. – Не двигаться.

Свет померк. Сворден увидел, что из следующего отсека навстречу им движется нечто бесформенное, заполняя весь проход. Гнездо попятился, отесняя Клеща и Пятнистого. Сворден остался недвижим, лишь ухватился за трубы. Церцерсис пробрался вперед.

Из темноты появились щупальца, покрытые редкими щетинками.

– Трахофора! – Гнездо качнулся назад.

Клещ и Пятнистый развернулись и навалились на Свордена. Руки соскользнули с влажных труб, и он опрокинулся на спину. Тем не менее, ему удалось схватить беглецов за ноги, и те тоже повалились на палубу. Они ворочались в узком проходе, пытались ползти, пинались, но Сворден держал крепко.

В образовавшейся куче невозможно было разобрать, что же происходило впереди. Тогда Сворден ловко перекувырнулся назад, оседлав Клеща и Пятнистого. Те забились еще сильнее.

– Тихо, – повернулся к ним Сворден и дернул каждого за ухо.

Церцерсис и Гнездо продолжали стоять неподвижно. Трахофора шевелила усами. Под тонкой морщинистой кожей что-то переливалось. Заостренное окончание тела, густо покрытое щетинками, дергалось из стороны в сторону. Церцерсис направил на нее фонарь, и тогда стало понятно, что трахофора почти прозрачна.

Узкий луч света впитывался белесой оболочкой, поглощался точно вода, чтобы растечься внутри громадного тела мириадами ручейков. Многочисленные течения разносили световые частицы, постепенно превращая трахофору в подобие сверкающей драгоценности. Каждая щетинка засияла глубокой синевой, а от малейшего движения на оболочке возникали светлые круги. Круги расширялись, распадались на отдельные кольца, которые сталкивались между собой, разрывались, сливались и постепенно угасали.

Свордену показалось, что он видит внутри трахофоры нечто темное, старательно огибаемое световыми потоками. И это темное пятно прорастает множеством нитей, которые тянутся внутри тела, образуя сложные узоры.

Свет погас. Трахофора вытянула щупальца, поднесла их к скопищу тараканов. Воинство насекомых вышло из транса, зашевелилось. Щупальца напряглись, раздулись, в оболочке вскрылись дыхальца, судорожно пульсирующие, выдавливая слизь. Насекомые принялись вбуравливаться в появившиеся отверстия. Сначала по одному, точно высылая вперед разведчиков, а затем, словно получив сигнал о безопасности выбранного пути, ринулись массой.

Щупальца не могли поглотить всех насекомых сразу. Шевелящийся ковер покрыл переднюю часть трахофоры. Тараканы срывались, дождем падали на палубу и вновь начинали восхождение к дыхальцам по спинам собратьев.

Тут под слоем насекомых что-то взбугрилось и выстрелило под потолок клубком новых щупалец. Они развернулись огромными зонтиками, потыкались в переборки, оставляя на трубах и проводах пятна слизи, пригнулись к палубе.

– Кехертфлакш, – выставив перед собой нож, Церцисис попятился, заодно оттесняя назад и Гнездо.

– Голодная тварь, – сказал Гнездо. – За так не отделаемся.

Зонтики ползали по палубе. К шелесту насекомых присовокупилось хлюпанье слизи. Казалось, трахофора тщательно вылизывает металл многочисленными слюнявыми языками.

– Сворден, – позвал Церцисис.

– Здесь.

– Давай одного сюда.

Сворден оглянулся. Пятнистый и Клещ обессиленно скребли пальцами палубу.

– Кого?

– Любого, кехертфлакш!

Сворден встал, схватил Клеща за шиворот, рывком поставил на ноги и развернул к Церцисису. Пятнистый замер, сложив руки на затылке. Гнездо перехватил Клеща и подтянул к себе. Клещ слабо отмахивался.

Тем временем одна из щупалец оторвала гигантскую присоску от палубы и потянулась в сторону людей. Внутреннюю поверхность присоски усеивало множество крючков.

Церцисис присел на корточки, и внутри воронки оказалась голова Клеща. Оболочка сжалась, заключив ее в плотный капюшон. Тело задергалось, ноги подогнулись. Из под края присоски заструилась кровь. Одежда на Клеще зашевелилась. Кое-где ткань порвалась, из прорех вытянулись тонкие отростки с коготками. Коготки вцепились в куртку и брюки, отростки напряглись. Тело Клеща стало втягиваться в щупальце.

Сворден дернулся вперед, вытянул руку. Церцисис предостерегающе каркнул, полоснул лезвием по его ладони, а Гнездо ударил локтем ему в живот. Сворден задохнулся, скрючился.

Щупальце оторвало Клеща от пола. Кровь полилась дождем. Трахофора корчилась. По плотной оболочке пробежали волны судорог. Слышался хруст сминаемого тела. Пятнистый начал смеяться – истерично, с повизгиванием.

– Заткни его, – сказал Церцисис.

Наконец-то набрав воздуха, Сворден лягнул ногой. Пятнистый захлебнулся.

Страхнув остатки насекомых, трахофора подалась назад. Разбухшее тело еле протискивалось сквозь люк. Нити слизи тянулись за щупальцами, которые постепенно укорачивались. Волоски щетины вибрировали, отчего трахофора порождала низкое гудение, точно электрический трансформатор. С ноги Клеща слетел ботинок и плюхнулся в лужу.

Напоследок изрыгнув неаппетитный комок какой-то дряни, трахофора исчезла в темноте.

Сворден посмотрел на ладонь. Царапина оказалась ерундовой и почти не кровоточила.

– Руку дай, – попросил Пятнистый.

Сворден помог ему подняться. Гнездо бочком подобрался к люку, опасливо туда заглянул. Под ногами хрустели приклеившиеся к слизи насекомые.

– Вроде чисто, – сообщил Гнездо, посветив фонариком.

– Слишком тихо, – сказал Церцисис.

И действительно – внутри дасбута исчезли почти все шумы. Прекратилась радиопередача на непонятном языке. Ушел за грань слышимости гул работающих машин. Даже звук шагов изменился – казалось, что ступаешь не по металлической поверхности тяжелыми ботинками, а по толстому ковру босиком.

– Уже близко, – Церцисис посмотрел вверх, как будто мог что-то увидеть сквозь переборки. – Кехертфлакш!

– Успеем, – сказал Гнездо. – Если побежим, то успеем.

– Вперед! – сплюнул Церцисис, и они побежали.

Вслед за тишиной начала сгущаться тьма, словно в узкое пространство отсеков дасбута откуда не возьмись высыпали тучи мельчайшей мошкары. Или кто-то неосторожным движением расколол голографическую пластину, отчего ясное изображение реальности поблекло, потеряло детали, стало зернистым.

Мир сжимался. Сворден спиной ощущал, как мрак следует за ними по пятам, кусками жадно отхватывая отсек за отсеком, переборку за переборкой.

Театр. Железный театр. Пришедший в негодность и теперь сминаемый колоссальным прессом. Ржавые декорации, в пыльном сумраке которых притаились жуткие маски для бутфорских трагедий. Полутрупы ослабились, пытаясь дотянуться до бегущих гнилыми руками, а черные многоножки кишели в лохмотьях разлагающейся плоти.

Густел приторный смрад. Легкие отказывались дышать таким воздухом. Лишь воля заставляла вбирать это гноище сквозь стиснутые зубы, ощущая как зловоние заполняет рот, захлестывает горло и стекает по гортани тяжелым потоком отвратительной слизи.

Хотелось откашляться, а еще лучше – выблевать мерзкую жижу вместе с желудком, остановиться, упасть на колени, упереться руками в палубу и до бесконечности отплевывать кровавые куски отравленных внутренностей.

Трубы все ниже нависали над головой. Плечи задевали многочисленные выступы, рукоятки, краны. Ноги спотыкались о ступеньки трапов и камингсы. Свордену казалось, что дасбут съежился, оцетинился, выпустил металлические когти, готовый вцепиться мертвой хваткой в своих врагов.

Внезапно пришло облегчение. Церцисис, Гнездо, Пятнистый и Сворден протиснулись сквозь последний люк, за которым узкая глотка дасбута сменилась просторным отсеком.

Вдоль длинного прохода темнели громады десантных машин, танков, баллист, установленных на подъемниках. Срезы направляющих шахт походили на гроздь сот.

Церцисис посветил на каждого фонариком. Гнездо дрожащими руками утирал пот, от которого грязные космы слиплись в сосульки. Пятнистый остекленело смотрел перед собой. Рвотная пена застыла на подбородке. Мокрые штаны прилипли к ногам. Сворден глубоко дышал. К смраду он то ли притерпелся, то ли воздух и вправду стал чище. Рука все еще сжимала капюшон Пятнистого.

– Отпусти его, – сказал Церцисис.

Сворден разжал онемевшие пальцы.

– Чучело, ты зачем этот хлам на себе тащил? – почти нежно поинтересовался Церцисис.

– Прилипчивая тварь, – хрипло засмеялся Гнездо и посмотрел на свои ладони. Руки ужасно тряслись.

Пятнистый заступил за спину Свордена.

– Он с нами, – сказал Сворден. – Если надо, я его и дальше потащу.

– Ладно, – сплюнул Церцисис, – некогда разбираться, кехертфлакш.

Он повернулся и прошелся вдоль ангара. Сворден двинулся следом, притрагиваясь к каждой машине. От них пахло теплом и радиацией – оболочка ядерных двигателей порядком поизносилась. Некоторые экземпляры оказались повреждены – сорваны пластины активной защиты, броня оплавлена, покорежены гусеницы.

– Какая? – спросил Церцисис.

– Вот, – Сворден постучал по борту баллисты. – Но нужно проверить...

Тишина разбилась – ясный звонкий голос на все том же незнакомом языке объявил:

– Ахтунг! Ихь фанге мит дем аншлиссен дэс редуциргетрибес ан. Ди координатен дес у-боотес зинд зектор хундерт айнс, унтерзектор бэ. Алле Флакш'с динстен зайен берайт цур видерхерштеллунг дер гештальт. Отсчет! Сто, девяносто девять, девяносто восемь...

– Некогда, кехертфлакш, проверять! – заорал Церцсис. – В машину!

Сворден упал в водительское кресло, пробежался по клавишам. Баллиста заурчала.

– Семьдесят три, семьдесят четыре...

– Все?

В соседнее кресло уселся Церцсис.

– Подъемник готов! – крикнул в люк Гнездо.

Пятнистый неуклюже пробрался на место позади водителя.

Машина дернулась. Загудел подъемник. Сворден посмотрел в перископ, но пока ничего нельзя было разобрать. Гнездо забрался внутрь и задраил люк.

– Держитесь крепче, – предупредил он. – Сейчас сработает катапульта.

– Шестьдесят, пятьдесят девять...

На днище баллисты обрушился мощный удар. Свет моргнул. По навигационному экранчику пошли помехи. Задребезжали плохо подогнанные плиты защиты реактора. Запыхтели компенсаторы. Натужно взвыл гироскоп.

Рот наполнился горькой слюной. Сворден вцепился в поручень, но это мало помогло – машину сильно мотало.

– Выравнивай! – прохрипел Церцсис.

– Сорок четыре, сорок три, сорок два... – для звонкого голоса не существовало преград.

Сворден оскалился. Пальцы соскальзывали с клавиш. Резкими хлопками срабатывали компенсаторы. Стрелка баланса неумолимо отклонялась от вертикали.

– Утюг! – заорал Гнездо. – Летящий утюг!

Пальцы Пятнистого вцепились в плечи Свордена, но стряхнуть их времени не оставалось. Баллисту переворачивало. Сворден ясно чувствовал как неуклюжая машина все круче заваливается на правый борт.

– Двадцать два, двадцать один, двадцать...

Еще один удар – куда-то в район гусениц. Баллиста затряслась, ее поволокло юзом. Перед вздыбился, и машина на мгновение замерла. Сворден выплюнул кровь и припал к перископу. Мир медленно поворачивался – баллиста кормой уходила в воду.

– Одиннадцать, десять, девять...

Во время падения их развернуло к дасбуту, и Сворден увидел невероятную картину. От кальдеры через весь мир протянулось нечто, похожее на ус. Колоссальное сооружение величаво изгибалось, приближаясь к дасбуту. Казалось, что оно собрано из грубо склепанных стальных колец, но вряд ли какой металл мог выдержать столь чудовищную нагрузку. Темный раструб на конце уса замер над кормовой рубкой, позади которой все еще шел дымок.

– Три, два, один, ноль! Наведение завершено.

Сворден вцепился в клавиши. Двигатель взревел. Баллиста рванула вперед. Машина выровнялась и развернулась. Вверху, прямо по курсу, расплывалось темное пятно гноища.

Глава вторая

Гноище

– Отбросы, кехертфлакш, помойка, – пробурчал Церцерсис. – И девка твоя...

– Она не моя, – возразил Сворден.

– Ха! – Церцерсис провел пальцем по шрамам, будто проверяя – не исчезли ли куда. – То-то она на тебе с самого начала вешалась. Почуяла защитничка...

– Хватит уже.

– Прикинулась, – Церцерсис плюнул. – Баба в своре – корму больше. Вот как говорят! Соображаешь? А эта... Кехертфлакш! Прикинулась мальчишкой, стерва!

Свордену надоело возражать. Тема Пятнистой-Флёкиг и ее превращений из девочки в мальчика и обратно все еще оставалась болезненной для Церцерсиса. Стоило каким-то боком ее затронуть, как уже ничто не могло пресечь потоки яда, которые Церцерсис изливал на Пятнистую. Он так и продолжал ее звать – Пятнистая, кривя губы и сжимая кулаки.

Несмотря на все усилия Свордена как-то предугадывать течение разговоров и вовремя отклоняться от чреватой подводными камнями темы в более глубоководные и спокойные фарватеры, Церцерсис все же умудрялся даже в безобидной болтовне напороться на шхеры по имени Пятнистая.

Постепенно у Свордена укрепились ощущение, что обсуждение преобразования Пятнистого в Пятнистую, чучела в стерву – единственное, что по-настоящему интересно Церцерсису. Только тот это тщательно скрывает.

– Возьми ее себе, – предложил Сворден, решив проверить догадку.

Церцерсис закричал, взял со стола наушник, послушал. Ничего, кроме разрядов забортого электричества, оттуда не доносилось. Шум мира, вывернутого наизнанку. Но Церцерсиса успокаивало.

– Страх, – он выпрямил указательный палец, возвращаясь к прерванному разговору, – страх есть кратчайший путь к цели. Скажу больше – это вообще единственный путь к цели. Убеждения, уговоры, посулы – все, что угодно, лишь маскируют стремление породить страх – страх не оправдать надежд, потерять лицо, разочароваться в идеалах.

– Значит, Блошка и остальные умерли из-за страха? – уточнил Сворден.

– Я говорю о людях, а не отбросах! Блошка, Крошка, Мондавошка, кехертфлакш, – все они лишь части единого организма. Один – лапки, другой – усики, третий – брюшко. По отдельности каждый – тупая скотина, червяк. Но если их собрать, то можно получить нечто похожее на человек. Заметь – похожее. Не более того.

– Но они – люди?

Церцерсис посмотрел на Свордена:

– Блошка – человек? – пришла его очередь уточнять. – Пятнистый... тьфу, Пятнистая – человек?!

– Разве нет? – спросил Сворден. – Выглядят они как обычные люди. Две руки, две ноги, голова, перьев нет.

– Вот ты о чем, – Церцерсис потер глаза. – Слышал я о такой мути. Слышал. Человек – отдельно. Так вот, брось!

– Что бросить?

– Думать так брось! Нет никаких людей по отдельности, понятно? Нет! Если ты по отдельности жрешь или там в галюне сидишь, то это еще не делает тебя человеком.

– То есть, ты тоже не человек? Не отдельный человек? – поинтересовался Сворден.

– Не отдельный, – согласился Церцерсис. – Постой, уж не считаешь ли ты себя...?

Сворден промолчал. Церцерсис хлебнул из кружки.

– Невозможно, кехертфлакш, жить в одном месте! Вот представь, что твоя, – Церцерсис скривился от отвращения, – твоя... хм, Флекиг вылезла из-под теплого одеяла, взяла нож и пришила бы, ну, например, Червяка. Дрянь существо, никчемное, только воздух портит, но все к нему как-то притерпелись. Ну, вот так случилась – прирезала его из-за отвращения. Считал бы ты себя виноватым?

– За то, что она зарезала Червяка?

– Мерзкого Червяка.

– Она бы никогда этого не сделала.

– Почему? – Церцерсис подался вперед так, что Сворден легко мог укусить его за нос.

Но не стал.

– Я бы ей не позволил.

– Ты ведь спал, – объяснил Церцерсис. – Накувыркался ночью и заснул.

– Тогда, конечно, считал, – пожал плечами Сворден. – Я ведь в ответе за нее.

– То есть, она – часть тебя?

– В каком-то смысле, – сказал Сворден. – Она самостоятельный человек, но...

– Подожди, – Церцерсис еще ближе наклонился к Свордену, и тому пришлось отодвигаться. – Ты хочешь сказать, что ты и она – отдельно? Вот здесь – она, вот здесь – ты? Так? – Церцерсис развел руки.

У Свордена возникло странное чувство, что они говорят на совершенно разных языках. Слова употреблялись те же, но смысл их не совпадал.

– Э-э-э... так.

– По отдельности мы бы здесь все сгнили. Кто пошел бы на поверхность? Кто бы чинил помпы? Каждый по отдельности? – Церцерсис с сомнением посмотрел на свою руку, точно ожидая, что она отделится от тела и отправится по своим делам.

– Но если никто этого делать не будет, то все погибнут. Каждый это понимает. Поэтому и берут на себя часть общей работы.

– Ха, даже если эта часть – быть приманкой для дерваля? – спросил Церцерсис.

– Риск есть везде, – ответил Сворден, но тут же вспомнил Блошку – на существо, которое осознавало всю опасность предприятия, она никак не походила.

– Где ты такого дерьма нахватался? – вздохнул Церцерсис. – Вот, посмотри, – он растопырил пальцы, – это – Блошка, это – Гнездо, это... – Церцерсис сжал кулак. – Все они – это я. И только я решаю – кому помпы чистить, а кому на корм пойти.

– И как же ты решаешь? То есть, нет. Как ты заставляешь их выполнять то, что решаешь?

– А как ты заставляешь себя отливать? – спросил Церцерсис. – Тут и заставлять не надо.

Нужно захотеть. Все остальное – дело редуктора.

– Редуктора? – переспросил Сворден.

– Да, редуктора, – подтвердил Церцерсис.

– Тот, который на баллисте?

– Да.

– Ну, хорошо. Редуктор. И что же он делает?

– Вот, – Церцерсис выпрямил пальцы, затем медленно сжал их в кулак.

Такое мы где-то проходили, мелькнуло у Свордена. Страх, презрение к человеку плюс лучевые технологии превращения гордого звучания в бурление желудка – сытого или пустого – разницы нет.

– У меня появилась идея, – Церцерсис встал, подошел к крану и налил еще воды. Громко отхлебнул.

– Приди с той стороны в наш мир могущественные люди, отдельные люди, такие, о которых ты толкуешь, то они немедленно начали бы наводить здесь свои порядки. Ведь они бы нас

пожалели. Жуткий мир. Кровавая бойня. Блошек не бережем. Жалость – страшное чувство, Сворден. Она заставляет думать, что весь мир в твоей власти. Или желать этого.

– Что тут плохого? – спросил Сворден. – Разве в мире нет ничего, что надо изменить? А если пришельцы так могущественны, то почему бы им не взяться за это?

– Мир – дерьмо, кехертфлакш, – Церцисис подергал двумя пальцами кончик носа. – Но из мешка дерьма и мешка галет получится два мешка дерьма. И даже здесь, – Церцисис топнул по палубе, – стоя по колено в гноище, мне жутко представить, во что превратят мир твои отдельные пришельцы. Они будут жалеть совсем неправильные вещи.

– Вовсе они не мои, – сказал Сворден.

Что-то поскребло по обшивке, породив протяжный гул. Все внутри задрожало. Кружка с водой сдвинулась к краю. Сворден вернул ее на центр стола.

По коридору затопали. Дверь отодвинулась, и внутрь заглянул Кронштейн, как обычно перепачканный смазкой. Кожаная шапка съехала на одно ухо, темные очки-консервы задраны на лоб. Зубами он привычно прикусил длинный болт.

– Усадка! Утряска! – сообщил Кронштейн. – Вода просочилась в трюмы! Помпы забило! – болт на каждом слове перемещался из одного уголка рта в другой и обратно. – Трави давление в гальюнах!

– Было у отца два сына, старший – умный, младший – трюмный, – проворчал обычную присказку Церцисис. Он всегда ее повторял, как только Кронштейн попадался ему на глаза, непонятно что имея в виду. – Чего тебе, человек?

– Так говорю же – вода в трюмах! – Болт переместился почти к левому уху Кронштейна. – Пожар в торпедном отсеке! Приступаю к стабилизации глубины без хода!

– Сходи проверь, – кивнул Церцисис Свордену.

– Пятнистую прислать? – уточнил Сворден.

– Кехертфлакш!

– Я так и понял. Пошли, – Сворден вытолкнул Кронштейна в коридор, вытащил у того изо рта болт и положил в карман.

– Суши выгородки! – во рту механика чудом возник новый болт. Из карманов он точно ничего не доставал.

Спуск на нижние уровни кладбища затопленных дасбутов замедлялся тем, что каждый люк на пути приходилось отпирать и запирать – Церцисис свирепо следил за герметичностью отсеков. Кремальеры и клинкеты отлаживались и проверялась до тех пор, пока Церцисис самолично не обследовал и одобрял каждую переборку. Или не одобрял. Тогда у механиков наступали особо трудные вахты.

Но на нижних уровнях добиться герметичности почти невозможно. Там, в толще жидкого грунта, покоились самые древние дасбуты, ржавеющие и сминаемые колоссальной тяжестью многих поколений металлических отложений. Гноище постепенно просачивалось в трюмы, заполняло отсек за отсеком, палубу за палубой, пока полностью не отвоевывало мертвую машину у людей. Тогда приходилось отдавать концы переходов через затопленный дасбут, и возводить обходные из одной части колонии в другую. Если таковые пути требовались. Иначе потерявших связь просто бросали умирать.

Выискивать тонущие дасбуты и являлось одной из обязанностей Кронштейна. Он единственный, кто знал каждый закоулок гноища как свои болты в зубах. А малейшую течь чувствовал, словно прыщ на собственной заднице.

– Команде приступить к курсовой задаче “раз”! – проорал механик в первый подвернувшийся выгороженный закуток. Оттуда немедленно запустили обрезком трубы.

Сворден поймал железяку и аккуратно положил на палубу. Из закутка выполз Червяк, опираясь на культы и принялся ощупывать вокруг себя единственной уцелевшей рукой. Сворден подтолкнул к нему кусок трубы.

– Шещо шашашаша? – прошепелявил, пуская обильные слюни, Червяк. Бельмастые глаза пытались хоть что-то разглядеть в скудно освещенном проходе.

Кронштейн остановился, вернулся и присел на корточки перед калекой.

– Продуть баллоны гальюнов! – проорал в ухо Червяку.

Червяк махнул железякой, но Кронштейн перехватил ее, вытащил изо рта болт и зачихнул в ноздрю калек. Червяк взвизгнул, заелозил, пытаясь уползти в закуток. Из носа потекла кровь.

– Шашаль шашаший! Шашаль шашаший! – причитал Червяк, пытаясь ухватить головку болта обрубками пальцев.

Сворден поковырял ногтем в зубах, терпеливо дожидаясь конца представления. Являясь существом мерзким, Червяк особого снисхождения не заслуживал. Поговаривали, что на культах он ловко пробирается по гноищу, выскивает еще более немощных – умирающих стариков и детей, и высасывает из них кровь.

Отвесив Червяку напоследок оплеуху, Кронштейн выпрямился и сдвинул новый болт в уголок рта:

– Команду отпустить на берег! Дежурным по вахте приступить к уборке кают!

Он их выхаркивает из горла, решил Сворден. Выблевывает из желудка. Сворден попытался вообразить внутренности Кронштейна, забитые железками, и как тот пополняет свой запас, столь щедро расходуемый болты на Червяков и ему подобных уродов. Картина получилась сказочная.

Чем ниже они спускались, тем тише становилось. Казалось, ледяной воздух подмораживает все звуки, отчего привычный шум пара в плохо отцентрированных турбинах, шелест воды в трубах сменялись тяжелой тишиной. Она подкрадывалась откуда-то снизу, просачивалась сквозь трещины в корпусе, постепенно затопливая палубу за палубой, отсек за отсеком. С каждым шагом Сворден и Кронштейн все глубже окунались в черное безмолвие, которое нестерпимо хотелось нарушить. Любым способом.

Кронштейн принялся тихо бормотать. Сворден прислушался:

– Основным боевым назначением корабля является... эээ... поражение боевым воздействием сил и средств противника. Организация корабля строится... хм... в соответствии с его боевым предназначением на основе задач... да, задач... решаемых данным классом кораблей, – Кронштейн неистово чесал затылок, вспоминая подробности Общего уложения флотской службы. – Организационно-штатная структура корабля устанавливается его штатом... Так, свистать всех наверх... Во главе корабля стоит... да, понятно, что командир корабля. В помощь командиру корабля назначается... назначается... – тут Кронштейн даже остановился, вцепившись в промасленный затылок уже обеими руками. – Ах, да, конечно же!... старший помощник, являющийся первым заместителем командира корабля. Весь личный состав корабля составляет его экипаж...

– Хорошо, – сказал Сворден, слегка подтолкнув Кронштейна в спину. – Откуда такие познания, дружище?

– Читаю, – объяснил тот. – Очень много читаю.

Образ механика, листающего на досуге «Общее уложение», «Типовое корабельное расписание» или «Незыблемые правила вахтенной службы», да и вообще держащего в руках нечто, кроме трофейных книжек с пахабными картинками заставил Свордена похлопать Кронштейна по плечу.

Через несколько отсеков они наткнулись на прокладочные работы. В свежевырезанное отверстие внутреннего корпуса втискивался плазменный резак, вокруг которого собрались Торпеда, Сморкалка и Две полоски. Едко воняло поглотителем и остывающей металлокерамикой. Тишина, наконец-то, испуганно жалась по темным углам, уступив место жаркому спору по узкоспециализированному вопросу:

– Глотка! – Торпеда комкал на груди прожженную куртку. – Говорю же, глотка!

– Дифферент! – Сморкалка утирал безостановочно текущую из носа мокроту и тыкал перепачканным пальцем в схему. – Предельный килевой дифферент!

Две полосы хранили молчаливый нейтралитет, всеми четырьмя руками расталкивая спорщиков. Судя по хрипоте в голосах, дело приближалось к поножовщине.

– Команде по местам стоять! – проорал Кронштейн, перегнулся через руки Двух полосок и втиснул Сморкалке в ноздри по болту. – Торпедные аппараты товсь!

Сворден отобрал у Торпеды кортик.

– О чем спор?

– О дифференте, – сказала левая половина Двух полосок.

– О глотке, – возразила правая половина.

– Раком он стоит, раком! – брызгал слюной Торпеда. – Концы бросим вниз и уже на нижнем ярусе, как дерьмо в гальюне!

– Дифферент, – уперся Сморкалка. – Эт тега гаком за гагие штучки постагят... всех утопишь... мугак!

– На попа... на попа... – Торпеда уже задыхался, лицо его посерело, язык выпячивался между губ синеватым слизнем. – Вертикально... глотка здесь, глотка...

Кронштейн отобрал у Сморкалки схему:

– Дай сюда, чучело. Мы здесь, так?

– Так, – Сморкалка поглубже запихал металлические затычки.

– Предельные углы где вымеряли?

– Как и полагается...

– По осевой, – буркнул Торпеда. Две полосы согласно закивали.

– Сопротивление грунта учли? – продолжал допытываться Кронштейн.

– Пго эго и тогуюем, – сказал Сморкалка. Лишенный стоков, он, судя по всему, начал изнутри переполняться мокротой. Глаза его уже заволкло зеленоватой дурной муťou. – Нег готки згесь, нег!

– А вот это что по-твоему? – указал Кронштейн. – Вот здесь что торчит?

– Э-э-э... дасбут? – спросил Сморкалка.

– Не пароход! – рванул на груди куртку Торпеда.

– И какой же дасбут? – вопрошал Кронштейн, встряхивая одной рукой за шиворот Сморкалку, а другой тыча в лицо схемой. – Какой же, а?

– Я его порву! – сообщил Свордену Торпеда. – Пусти меня. Я бешеный!

– Порвет, – кивнула одна половинка Двух полосок.

– Не порвет, – кивнула вторая половинка.

Кронштейн нацепил схему на крюк, вытащил изо рта болт и нацелился воткнуть его Сморкалке в глаз.

– Ты, чучело, когда режешь проход прежде поинтересуйся, что за канистра под тобой жидкий грунт хлебает! Ага?

– Ага! – зажмурился Сморкалка.

– А лежит под тобой Ее Императорского Высочества Флагманский Ракетносец “Проныра”. Усек? – Сморкалка кивнул. Кронштейн потребовал:

– Повтори!

– Пгоньга!

– Полностью!

– Иго Игегагоского Выгочегва Фгамагий Гагегоногек Пгоньга!

– За такое произношение с тебя заживо шкуру содрать мало, – поморщился механик, но затем поинтересовался:

– И чем знаменит Ее Императорского Высочества Флагманский Ракетносец “Проныра”?

Сморкалка гулко сглотнул.

– А знаменит Ее Императорского Высочества Флагманский Ракетносец “Проныра” водоизмещением. Он был самым большим дасбутом, пока не пошел в гноище, понял, чучело?

– Таг тогно!

– Боевая тревога! Дасбут к выходу в море приготовить! И что это по-твоему означает? – продолжил Кронштейн допрос с пристрастием. Но ответа дожидаться не стал. – А означает это, чучело, что Ее Императорского Высочества Флагманский Ракетносец “Проныра” выдержит очень большое количество “глоток”. Очень. Сечешь?

– Сегу.

– Тогда режь, – пожал механик плечами.

Сворден отпустил Торпеду. Тот, отвесив Сморкалке оплеуху, мгновенно успокоился. Затем вместе с Двумя полосками ухватился за резак. Аппарат заурчал, погружаясь в корпус дабута. Сморкалка подтянул баллон с охладителем и принялся поливать раскаленную броню. Облака пара с шипением вырывались из отверстия.

– Пошли, – сказал Кронштейн Свордену. – В другом месте переберемся.

Через тамбур-шлюз они перешли в следующий отсек и спустились на среднюю палубу. Оттуда по узкому переходу переползли в другой дасбут.

– Подняться на перископную глубину! – командовал Кронштейн. – Приготовится к поднятию перископа! Включить аварийное освещение! – источник команд флотского устава казался неистощимым. Для Свордена это тоже оставалось загадкой – откуда тот их выуживал. Как болты.

Они продолжали погружаться. Отсек за отсеком, палуба за палубой, уровень за уровнем, “глотка” за “глоткой”. Мир, сотворенный из мириад отработавших свой ресурс “дасбутов”, все глубже заглатывал их. Кронштейн и Сворден шли бесконечными коридорами, открывая и закрывая люки, съезжали по перилам трапов, опускались по скобам и веревкам, шлепали по вонючим лужам гноища, в которых копошилась какая-то мерзость.

Редкие встречные неприветливо кивали и продолжали свои непонятные дела в синем полумраке аварийного освещения.

С какого-то момента тишина начала отступать. Кронштейн прекратил бормотать. В шумы работающих энергетических установок и пыхтящей гидравлики вплетались посторонние звуки. Гудели корпуса, сжимаемые тяжестью верхних наслоений, где все новые и новые дасбуты медленно погружались в вязкое вещество гноища. Скрежетали друг о друга обшивки лодок. Шуршали пузыри воздуха – последние выдохи раздавленных дасбутов.

Разноцветная ржавчина расплзалась по переборкам, поёлам и подвалоку. Красные, оранжевые, зеленые языки покрывали металлические поверхности бугристыми влажными язвами. Казалось, рука касается не мертвого материала, а живого тела, охваченного неизвестной болезнью, обжигающей кончики пальцев огнем лихорадки.

– Плохо дело, – качал головой Кронштейн, проводя обслюнявленным болтом по пятнам ржавчины. – Дрянь дело, – чем глубже они погружались, тем больше вменяемых фраз разбавляли корабельно-уставной лексикон механика.

Поначалу это были редкие вкрапления слов-оценок: “плохо”, “дрянь”, “никуда не годится”, “все крахом идет”. Затем между ними редкими пузырями, но со временем все чаще и чаще всплывали: “немедленно подтянуть крепления”, “захватить сюда Штангеля и продуть гидравлику”, “организовать приборку отсеков и проверку энергоустановки”.

– Трудная работа, – сказал Сворден.

– Не девок в кубрике тискать, – согласился механик. – И здесь никуда не годится. Опять ржавчина появилась. Никому дела нет. Все надо чистить, и там тоже. А тут – болты затягивать, пробки ставить. Соблюдать режим тихого хода!

Доставая из подсумка инструмент, Кронштейн останавливался подтянуть крепления, простучать подозрительный участок трубы, замерить напряжение в бортовой сети.

Иногда они натывались на ремонтные группы, которые сосредоточенно копались в переплетениях проводов силовых установок, по направляющим рельсам перетаскивали громоздкие агрегаты смутного назначения, разбирали на части округлые туши торпед.

Свордену приходилось терпеливо ждать, пока Кронштейн обстоятельно расспросит о неполадках, со вкусом обсудит похожие случаи и методы ремонта, посетует на недостаток запчастей и толковых помощников, ободряюще похлопает коллег по спинам и, засунув очередному зазевавшемуся в нос болт, удовлетворенный потопает дальше, пряча в подсумок позаимствованный без спроса моток провода, шланг, крепление, кусачки, отвертку или какой другой инструмент.

Но и своими запасами Кронштейн, в случае острой потребности, делился щедро и без раздумий. В его руках возникали весьма неожиданные, но, судя по восторженным восклицаниям механиков, самые необходимые приспособления. Да и на болты, которые он норовил засунуть всякому в ноздрю, особо не обижались – достаточно немного бдительности, чтобы не попасться на очередную уловку Кронштейна и не заполучить в нос железку.

Наконец, они дошли. Спертый воздух, непрерывный вой помп, сквозь который, однако, ясно слышался хруст деформирующихся корпусов. Чудовищное давление ни на миг не переставало пережевывать крепчайшую сталь и металлокерамику, все глубже вонзая зубы в тела дасбутов. Здесь уже отсутствовали прямые линии и гладкие обводы – все искривлено, искажено, точно в болезненном сне. Бездна крепко держала свою добычу и упрямо тянула в свое логово.

Кронштейн прекратил бормотать – перечислять встречающиеся неполадки оказалось делом безнадежным. Борьба за живучесть проиграна вчистую, и окончательное поражение оставалось вопросом времени.

Сворден пробирался вслед за механиком сквозь завалы, образованные вдавненной внутрь обшивкой, через провода, выданные из коробов и свисающих плотными завесами, где с трудом удавалось найти подходящий по размеру промежуток между толстыми свитками кабелей дабы протиснуться дальше.

– Здесь уже не пройдем, – Кронштейн присел на корточки над ведущим в трюм люком. – Принять балласт и погрузиться с дифферентом три!

Сворден лег на живот и заглянул внутрь. Свет фонаря мешал что-либо разглядеть.

– Выключи, – сказал Сворден. – Я и так все увижу.

Кронштейн убрал фонарь.

– Течь под нами, – сказал он. – Два градуса влево и прямое попадание! Если рванет здесь, то не успеем задраить переходы. Дрянь дело, суши переборки! Гноище пробьет до самой поверхности.

Сворден расширил зрачки. Чернота слегка посветлела, приобрела синеватый оттенок. Гноище действительно прибывало. Оно заполняло трюм вязкой массой, в которой возникали и исчезали странные потоки. Казалось, в ней двигаются плотные косяки рыб, почти касаясь поверхности острыми гребнями. То там, то тут надувались и лопались пузыри, выпуская еле заметные сизые облачка. Протянутые трубы помп покрылись плотным слоем склизкой дряни. Все звуки тонули в этом веществе, погружая трюм в такую же вязкую, липкую тишину. А потом...

– Там кто-то есть! – Сворден сел на колени и попытался отдышаться. От вони в горле невыносимо першило.

– Вахтенному доложить о повреждениях! – Кронштейн ухватился за болт и задумчиво его пожевал. – Там никого нет. Ты что-то путаешь. Гноище! Дасбуту приготовиться лечь на грунт!

Сворден закашлял, но от гадкого ощущения стекающей по горлу в желудок дряни избавиться не удалось.

– Почудилось, чучело, – Кронштейн потянулся к Свордену с болтом, но тот перехватил его руку.

– Я спущусь вниз, проверю помпы, – сказал Сворден. – Заодно посмотрю – почудилось мне или нет. Понял?

Кронштейн потер запястье. Сворден отобрал у него подсумок с инструментом, надел очки и натянул маску.

– Почудилось, чучело, – повторил механик напоследок.

Трап тоже покрывала слизь – миазмы гноища оседали на металлической поверхности, превращая ее в нечто скользкое, податливое, точно касаешься не твердой стали, а чего-то рыхлого, студенистого и... и живого.

Шаг. Еще шаг. Странное ощущение. Забытое чувство. Стертое воспоминание. Такой же туман. Черная жижа, которая с каждым движением поднимается все выше и выше. Свисающие отовсюду липкие веревки и исходящее от них слабое сияние. И нечто, притаившееся во мгле, – не столько пугающее, сколько отвратное.

Ботинок касается поверхности гноища. Видение не исчезает – оно расслаивается. Как будто тысячи отражений Свордена готовятся вступить в грязь, в жижу, в топь, в слизь, в гниль, в болото. Тысячи миров готовятся принять человека в ледяные объятия. Когда это случилось? Не вспомнить. Разноцветные камешки памяти перекатываются среди зеркал, и не уследить за изменчивым узором.

Ноги по колено погружаются в гноище. От невероятного холода хочется крикнуть. Под кожу вбивают ледяные клинья – в каждую пору, в каждую мышцу. Воля требует еще шаг, ноги подчиняются с трудом, неохотно. Рассинхронизация души и тела. Тысячи миров, тысячи Сворденов, тысячи душ, в которых живет его отражение.

Вот оно – странное ощущение. Мучительный поиск образа услужливо подсовывает самое очевидное – тонущий дасбут, дасбут, потерявший герметичность, дасбут, чья команда более не в силах бороться с пробоинами. Ужас, страх, отчаяние, отвращение к тому, что проникает за казалось бы непреодолимый барьер души.

Хочется вынырнуть из ядовитых миазмов, но воля – безотказный часовой механизм уничтожения трусости – заставляет сделать еще шаг.

Неудача. Ботинок за что-то цепляется, руки соскальзывают с перил трапа, и Сворден обрушивается в гноище – весь, целиком, с головой.

Удар прорвавшейся воды страшен – люки с оглушительными хлопками выбиваются волной, лопаются переборки, словно кто-то запикивает в гортань бешеное сверло, сдирая слизистую оболочку панелей и перегородок, вырывая куски плоти внутреннего корпуса, в клочья разрывая кровеносные сосуды энергетических шин, паропроводов, гидравлики. Сорванные с мест гладкие тела торпед вклиниваются в отсеки, пулями прошивая агонизирующее тело. Стальной молот воды обрушивается на сердце лодки, разбивает оболочки и стискивает в удушьяющих объятиях пылающий огонь. Чудовищный перепад температур и давления рвет как бумагу искореженный корпус.

Восторг первобытной стихии, в чьи жернова попал отлаженный тысячелетиями цивилизации механизм души, втиснутый в прочный корпус воспитания, просвещения, долга.

Оттолкнувшись от дна, Сворден поднялся. Гноище стекало по одежде, залепило очки и маску.

– Забавное зрелище, хи-хи, – раздалось в темноте. – Поучительное зрелище, можно сказать. Преисполненное самым... хм... отъявленным символизмом! – голосок походил на гноище обволакивающей липкостью, как будто каждое слово превращалось в мерзкий плевок.

Сворден поднял очки на лоб, тяжело втянул воздух – по капле, отмеренными глоточками наполняя легкие гнилью испарений. Дыхательный аппарат пришел в негодность. Стылая слизь обволакивала все тело, насквозь пропитав одежду. Несмотря на жуткий холод, двигаться не хотелось даже для того, чтобы согреться. Наоборот, хотелось навечно замереть, только бы не испытывать неизъяснимо гадкого ощущения взаимного касания кожи и гноища.

Нелепо изломанная человеческая фигура темнела на выступающей из слизи трубе.

– Кто ты? – медленно выдохнул Сворден, с усилием задавливая рвотные позывы. Виски стиснуло стальным обручем.

Фигура шевельнулась. Совсем не так, как человек. Имелась в ее даже столь ничтожном движении изрядная примесь чего-то чужеродного, почти потустороннего.

– Зови меня Парсифаль, хи-хи, – сказал человек.

– Мерзко выглядишь, Парсифаль, – признался Сворден.

– Да. Септические условия. Подтверждаю как бывший медик.

Внезапно Сворден осознал, что Парсифаль говорит на незнакомом ему языке, очень похожем на тот, что он слышал в затертом льдами дасбуте. И Сворден не только его понимает, но и сам свободно извлекает откуда-то эти лающие, шершавые фразы.

– Что ты здесь делаешь, Парсифаль? Тебе нужна помощь?

– И каково оно – впервые погрузиться в ту гниль, которую из тебя так заботливо выкачали этой, как ее... ах, да, – Высокой Теорией Прививания? – участливо спросил Парсифаль, пропустив вопрос Свордена мимо ушей.

Стальной обруч сжимался все сильнее. Сворден схватился скрюченными пальцами за виски и застонал.

– Вы когда-нибудь замечали сколь противоречива наша позиция? – продолжил Парсифаль. – С одной стороны – Высокая Теория Прививания, культура самых великих человеческих отношений, дружбы, участия, любви, а с другой – легкость, с какой мы окунаемся в чужие страдания, извращения, где озверевшие люди, окормленные до кровавой рвоты человечиною, творят собственную историю? Откуда в нас подобное высокомерие? От непереносимых мук сострадания или от тайного желания в полной мере познать гнилые стороны человечности?

Вытянутый на поверхность дасбут безжалостно резали гигантскими пилами. Они вгрызались в искореженную обшивку, все глубже проникая в хаос палуб, отсеков, кубриков. Все ближе их вой, громохланье выдаваемых кранами бронированных плит защиты, под которыми пыталась затаиться покрытая струпами душа.

Хотелось проломить себе череп, впиться пальцами в мозг и вырвать невыносимую боль неимоверного страдания.

– Муки совести переносимы, – сказал Парсифаль. – А знаете в чем заключается счастье?

– Что есть счастье? – Сворден закрипел зубами. Он уже с трудом понимал Парсифаля. Смысл некоторых слов ускользал – чудесная способность понимать и говорить на чужом языке давала сбои.

– О, да вы опытный крючоктвор! Что есть счастье? Что есть истина? Что есть, если кроме как человечины есть нечего? – Парсифаль зашелся смехом.

Сворден понял – сейчас он упадет. Тело все больше кренилось, как окончательно потерявшая равновесие башня, вокруг продолжал раскручиваться гигантский маховик, трюм поглотила мгла, и лишь фигура Парсифаля обретала жуткую четкость и гниющую плоть.

Кожа свисала струпами, в почерневших разрезах, разрывах кишки черви, на пальцах не осталось ни клочка мяса – лишь голые размозженные кости. На голове зияла чудовищная рана от неряшливо снятого скальпа. Один глаз вытек, второй повис на тонкой ниточке сосудов полусдутым шариком, и из него сочилась слизь. Губы отрезаны, и лицо приобрело пробирающую до костей ухмылку.

– Могу поспорить на что угодно, но ОН, – Парсифаль сделал ударение, как будто Сворден знал о ком идет речь, – он сказал: “Боюсь, его не просто убили”. И скорбно помолчал! Пару мгновений, не больше, – вполне достаточно для близкого друга.

Сворден с трудом заставил себя оторвать пальцы от висков и ухватиться за трубу, на которой восседал Парсифаль. Голова должна взорваться, понял Сворден. Вот сейчас сработает заряд, и кровавый фонтан окатит кошмарную тварь. С ног до головы. С головы до ног. Эти пакостные останки, склонные к философии... А что есть философия?

– Так вот, товарищ, – Парсифаль ткнул костяшкой в грудь Свордена, – величайшее счастье – умереть без мучений. Заснуть и не проснуться. Упасть и не подняться. Закрывать глаза и не открывать их. Вот так, – он щелкнул фалангами. – Как свет.

Парсифаль подвинулся еще ближе к Свордену, который вдруг понял, почему эти гниющие останки перемещаются так странно. Они находились повсюду. В каждой точке заполняемого гноищем трюма – миллионы теней давно исчезнувшего тела. Стоило на чем угодно сосредоточить взгляд, как пустота пучилась все тем же болтливым и злым гнильем, послушно выдавливая ловкими пальцами скульптура из слизистой мглы скальпированный череп, истерзанное тело, обглоданные пальцы. То, что именовало себя Парсифалем, паразитировало на внимании, выпадая на нем как роса.

– В человеке чересчур много жизни, – заявили останки, копаясь фалангами в отверстых ранах и выковыривая оттуда червей и многоножек. – Надо пробить в человеке огромную дыру, чтобы жизнь быстрее схлынула. Это особое искусство! Искусство не уступающее лекарскому. Вас этому, увы, не учат. Мимикрия, социальная адаптация, интриганство, скрадывание. А вот здесь, – Парсифаль стиснул длинную многоножку зубами, – здесь упущение.

Сворден сделал еще шаг. Только бы эта тварь продолжала сосать его мозги и дальше. Урча от удовольствия и разглагольствуя. Где же она таится в спутанных кишках агонизирующего дасбута?

– Я представляю что он рассказал, хи-хи, – Парсифаль кашлянул, и черная жижа выплеснулась из рта. – Как наяву вижу эту феерию! Ночь. По бетонному полю мечутся лучи прожектора. Автоматные очереди режут темноту. Вокруг передвижной платформы со странным яйцеобразным сооружением стоит плотная цепь солдат. И наш герой, затянутый в черный комбинезон, с телом друга через плечо пытается прорваться сквозь ураганный огонь! – Парсифаль подцепил висящее глазное яблоко и приставил его к глазнице, словно пытаясь разглядеть подробнее нарисованную им картину. – Лицо героя искажает сумасшедшая гримаса. Он движется невероятно быстро, а иногда вообще исчезает с тем, чтобы возникнуть в совсем неожиданном месте... Но все напрасно! Мертвое тело мешает ему. Тогда он принимает нелегкое решение – бросает труп под пули, а сам совершает невероятный прыжок, одним махом покрывая расстояние до платформы. Скупые слезы катятся по его щекам... Ну? Каково?

– Приготовиться к погружению! – орет Кронштейн, и раструб огнемета протискивается между Сворденом и переборкой. – Осушить трюмы, выгородки, цистерны грязной воды! – тлеет, а затем ярко вспыхивает запал, и гигантская струя огня разрывает вязкий сумрак трюма, обнажая колоссальное белесое тело, что ворочается в гноище. – Продуть баллоны гальюнов!

Огненный вал прокатывается по твари. Топорщится кожа. Извиваются и вспыхивают щупальца по всему трюму. Бурлит гноище, выбрасывая на поверхность остатки трапезы трахофоры – тела людей, облепленные крючковатыми спорами нового потомства. Трупы вспухают, лопаются, извергая мириады полупрозрачных личинок. Дасбут содрогается. Воздух наполняется оглушающим воем.

Новая порция огня.

Рвутся трубы. По поверхности гноища растекается черная жижа, от соприкосновения с которой металл пузырится, оплывает, обнажая уступы и уклоны подкрепления внешнего корпуса.

Удар! Еще удар! словно некто громадным молотом бьет снаружи по дасбуту, оставляя вмятины. В многочисленные трещины продавливается гноище.

Трахофора напрягается, приподнимает переднюю часть туловища, обнажая устья и жевала. Щетинки, которые оканчиваются обычными человеческими ладонями, ухватываются за скобы, пытаясь повыше подтянуть колоссальную тварь. Распахивается зев, усыпанный зубами, что-то шевелится в густых потеках слизи.

– Равнение на флаг! – Кронштейн вбивает очередной огненный плевок в пасть трахофоры.

Сохранять равновесие почти невозможно. Одной рукой Сворден вцепился в скобы аварийного выхода, а другой держит напарника, вошедшего в раж. Дасбут мотает из стороны в сторону. В корпус уже не бьют молотом, а мнут его в могучих пальцах, словно он сделан из пластилина.

Огненное облако расширяется, заполняя пространство между людьми и трахофорой, в пронизанной черными жилами багровой тучи возникает стремительное движение, и Сворден опрокидывается навзничь, утягивая за собой Кронштейна.

Рвется огненная завеса, выпуская насаженную на длинное, бугристое сочленение пасть, отверстую в жадном броске к добыче. Клацают изогнутые крючья клыков, разлетаются огненные брызги напалма, с шипением вбуравливаясь в стылую толщу гноища. Сверху бьет автоматная очередь. Пасть дергается и разлетается ошметками.

Сворден с головой погружается в гноище. Омерзительная слизь заклепывает глаза и уши, просачивается сквозь крепко сжатые губы в рот, и на смену багровой мгле вдруг приходит кристальная ясность восприятия.

Все вокруг пронизано светом. Океан света. Бездна света. Невероятная прозрачность, взгляд ничем не ограничен. Она сродни абсолютной тьме, но не порождает мучительного желания всматриваться в пустоту, пытаясь хоть за что-то ухватиться взором. Абсолютная тьма рождает иллюзию света, без которого не может существовать. Абсолютный свет не нуждается ни в каких примесях тьмы – он просто есть.

Неизъяснимое наслаждение подчинения таинственным течениям, в которых дрейфует тело. Это не полет и не головокружительное падение, а растворение в мировом потоке жизни, слияние со всеми и с каждым. Так покоится личинка, дожидаясь взрыва метаморфоза.

Бездна света неоднородна. В ней имеются точки сгущения тепла и сил, что рождает дремотное движение волн. В расслабленности, отрешенности нет ни капли беспокойства, отчаяния от столь полной отдачи себя во власть могучих и равнодушных сил. Покой и растворение, растворение и покой.

Но самое удивительное происходит в восприятии самого себя, точно некто вывернул наизнанку прихотливую запутанность привычных нор, по которым столь долго бегали суетливые мысли, рождая своей предсказуемостью поддельную точку Я – скопища мусора и обглоданных костей чувств.

Исчезло Я ограниченной телесности, надоедливой повторяемости поступков, ощущений, чья сила и глубина одобрена и откалибрована жалкими сотнями тысячелетий предшествующих поколений, и возникло Я пространственной и временной беспредельности, сравнимого с мощью сгущений абсолютного света, в чьих объятиях покоится тело.

– Он грезит.

– Разбуди его.

– Он грезит, – повторяет голос.

– Так разбуди его!

– Он видит что-то чудесное.

– Сейчас мы все увидим что-то чудесное, кехертфлакш!

Заколдованное слово окончательного пробуждения. Сворден открыл глаза. Голова покоилась на чьих-то костлявых коленях. Ледяные, скользкие пальцы касаются щек. Появилось лицо – поначалу расплывчатое, неясное, как будто всплывающее из толщи мутной, грязной воды. Волосы неопрятными сосульками, кожа, испещренная пятнами. Пятнистая!

– Ты что тут делаешь? – одними губами спросил Сворден. Память тщится сохранить осколки минувших грез, но они тают, оставляя лишь пятна сожаления в море усталости.

– Пошла за тобой, – улыбнулась Флекиг.

– Врет тварь, – ткнул болтом ей в щеку Кронштейн. – Церцерсис послал присматривать. Суши днище, трахофора!

– Сам такой, – улыбка превратилась в злой оскал.

– Хо-хо-хо, – болт неумолимо приближался к ноздре Свордена.

Сворден оттолкнул руку Кронштейна и сел. То, что он поначалу принял за головокружение, оказалось болтанкой. Дасбут раскачивался с кормы на нос и, к тому же, заваливался на один борт. В их компании обнаружился еще один новоприбывший – в проеме люка в обнимку с огнеметом сидел Патрон и замазывал новые ожоги вязкой дрянью, черпая пальцем из банки.

– Дотла еще не сгорел? – поинтересовался Сворден.

– Не-а, – огнеметчик потрогал почерневшие остатки носа и осторожно потер стекла темных пенсне, с которыми не расставался, хотя не мог их носить. Затем вновь приделал пенсне проволокой к кожаному шлему.

Флекиг схватила Свордена за локоть:

– Он не хотел за тобой в трюм спускаться.

– Не-а, – согласился Патрон.

– Всем отсекам доложить о неисправностях! – объявил Кронштейн. Дасбут трянуло. – Дерьмовые у нас дела.

– Сорвались? – спросил Сворден, хотя и так ясно – дасбут погружался все глубже. Механизмы кряхтели и сипели, сдерживая чудовищное давление.

– Нахлебались гноища по самые уши, – сказал Кронштейн. – Патрон, ты чего сюда приперся? Подыхать?

– Не-а.

– Ну, тогда мы в безопасности, – Кронштейн с такой силой прикусил болт, что из уголка рта потекла струйка крови. – Раз Патрон сюда притащился, да еще со своей дерьмокидалкой, то лучше места в гноище не сыскать.

– Может... э-э... Башка нас выведет? – предположила Флекиг.

– Заткнись уж, доска с дыркой, – Кронштейн сплюнул и встал, держась за скобы.

Что-то заскрипело, заскрежетало, а затем принялось мучительно выдираться с оглушительным хрустом.

– У нас кок служил, – сказал Кронштейн, – так он точно так зубы щипцами драл. Настоящий мастер.

– Не-а, – подал голос Патрон, закончив пользоваться раны. – Не кок. Электрик. И не щипцами, а разрядником. Зубы вместе с зенками вылетали!

Флекиг вскочила на ноги, сжала пальцы в кулаки, зажмурилась и завизжала.

– Не парь кость, – сказал Кронштейн, дождавшись паузы в визге Флекиг. – Кок был, кок.

– Не-а, электрик.

Хруст сменился астматическим сипением.

– Открыть кингстоны! – Кронштейн выпрямился и отдал честь. – Команде приготовиться к затоплению! Переходник сорвало.

– Жила у нас приبلуда, – сказал Патрон и мечтательно зажмурился, – так у нее такие кингстоны имелись – полное затопление! И без всяких переходников рубку срывало.

– Мы так и будем подыхать? – всхлипнула Флекиг.

– Сколько у нас времени? – спросил Сворден.

– Ни хрена нет у нас времени, – сказал Кронштейн. – Сейчас зацепимся за топляк, встанем раком и уйдем вниз иглой.

– А если дырку прожечь?

– Что скажешь, Патрон? – Кронштейн повернулся к огнемечкику. – Твоей дерьмокидалки на хорошую дырку хватит?

– Не-а, – помотал головой Патрон. – Ее на две хорошие дырки хватит.

Сворден попытался представить происходящее с дасбутом. Лодка набрала гноище и теперь продавливала жидкий грунт, чтобы окончательно погрузиться в бездну. Вокруг них пока находился слой топляка – дасбутов, нахлебавшихся гноища, но все еще соединенных с кладбищем кораблей.

Сорвавшийся дасбут никогда не тонул один – гигантское сооружение цеплялось за себе подобных, порождая цепную реакцию. Хрупкое равновесие в топляке нарушалось, мянжки-пробки выбивало, пробойны расширялись, и все больше лодок отрывалось от архипелага.

Если пробить дыру в месте временной сцепки тонущего дасбута и топляка, то можно перебраться на лодку, с уцелевшим переходником, а оттуда перейти на более безопасный уровень.

– Такое получается только в бреду, – сказал Кронштейн, выслушав Свордена. – Особенно если накануне пришили твоего лучшего корешка.

– Слушай, что Башка говорит! – разъярилась Флекиг. – У самого-то кумпол железками набит, а туда же! – она вскочила на ноги, выдернула из зубов Кронштейна болт и затолкала ему в ноздрю. Механик со стоном упал на колени. Флекиг гордо выпрямилась, пальцы сжались в кулаки:

– Есть возражения? – спросила она у Патрона.

– Не-а, – огнемеччик поправил шлем, чтобы пенсне закрывали глаза.

– Я тебя... – Кронштейн кое-как вытащил окровавленный болт из носа, с отвращением осмотрел железку, стиснул ее в ладони. – Я тебя... Я тебя такими пятнами разрисую...

Флекиг с ноги залепила каблуком механику в лоб. Кронштейн принял удар, но устоял, схватил руками ботинок девчонки и резко повернул.

– Хватит! – Сворден перехватил падающую Флекиг и оттащил ее подальше от Кронштейна. Тот на четвереньках кинулся вслед за обидчицей.

Сворден запнулся и тяжело упал на спину, все еще прижимая яростно дрыгающую руками и ногами девушку. Не обращая внимания на удары, Кронштейн тянулся к ее горлу. Сворден впервые видел механика в таком бешенстве. У Флекиг обнаружился талант первостатейной стервы.

Все происходило как во сне. Одежда цеплялась за тысячи выступов, крючков, кранов, кронштейнов, откуда-то сверху падали провода, липкой паутиной опутывая руки и ноги, обматываясь вокруг горла тугой петлей, палуба содрогалась в мучительных приступах кашля, оглушительный скрип вгрызался в барабанные перепонки.

– Дифференциал на корму! – заорал Патрон.

Каким-то чудом Свордену удалось стряхнуть с себя сцепившихся Флекиг и Кронштейна, перевернуться на живот и выбраться из витков проводов. Ухватившись за трап, он посмотрел назад.

Распахнутые люки между отсеками позволяли видеть дасбут почти до самой кормы. Коридор, освещенный рядами тусклых аварийных ламп, выписывал странные петли. Казалось, неведомый великан ухватил лодку за хвост и нетерпеливо дергает ее то вверх, то вниз, то из стороны в сторону. Двойной корпус, собранный из металлокерамики, не мог вести себя как резиновая труба или агонизирующая личинка, которую птица выковыряла из земли.

С визгом вылетали скрепы и пулями впивались в облицовку, створы шкафов с оборудованием, шины гидравлики и электроснабжения. Лопались плафоны. Трубы отплевывали вязкую черную жидкость. По стенам сочилась вода, а из трещин выдавливалась густая жижа, и в ней ворочалось нечто белесое – какие-то отвратные плети, останки и целые экземпляры мерзкой живности, населяющей гноище.

Дифферент увеличивался. Держась за трап, Сворден дотянулся до провода, на котором повисли Флекиг и Кронштейн. Они изо всех сил старались выпутаться из огромного мотка, который все быстрее сползал к корме.

Патрон тем временем ухитрился уцепиться за скобы лаза, что вел через шхеры на первую палубу дасбута. Тяжеленный огнемет тянул его назад, трубка с насадкой раскачивалась толстым хвостом, и вообще огнеметчик напоминал уродливую крысу, попавшую под лучевой удар.

Сворден нащупал упор для ног, ухватился за кабель и начал тянуть его на себя, стараясь вытащить девушку и механика из образовавшегося мотка.

– Помогайте! Толкайте! – Сворден пытался перекрыть предсмертный рев гибнущего дасбута.

Флекиг заработала ногами. Кронштейн кончиками пальцев дотянулся до аварийного рундука, вцепился в рукоятку, но тут нечто мелькнуло в воздухе и опуталось вокруг запястья механика бледной лентой. Лицо Кронштейна побелело, рот раззявился в ужасном, но не слышном за плотной завесой грохота, крике. Кожа руки, опутанной живой лентой, запузирилась, точно ее облили кислотой. Механик отпустил кабель и медленно покатился вниз. Сворден рывком вытащил Флекиг и прижал к себе.

Страшный удар в корму резко изменил ситуацию. Нос дасбута нырнул, на какое-то мгновение дифферент вообще исчез, и Сворден ухитрился отодрать от себя вцепившуюся Флекиг, чтобы втолкнуть ее на трап.

Патрон снова прыгнул на палубу, замахал руками, удерживая равновесие, присел, ухватил Кронштейна за грудки и поставил на ноги.

Дасбут замер. Грохот стих, уступив место тихому звону радиационных счетчиков да журчанию прибывающей воды. В густой пелене внезапной тишины ощущался грозный ход неминуемой катастрофы. Несколько мгновений покоя перед окончательным обрушением лодки в бездну.

– Наверх, – почти прошептал Сворден, встретившись взглядом с Патроном. – Встретимся там.

Кронштейн оглянулся через плечо и покачал дымящейся ладонью.

Сворден не стал медлить и начал взбираться вслед за Флекиг. Ноги девушки постоянно срывались с узких ступенек трапа, и Свордену приходилось подхватывать ее, не позволяя упасть. Казалось, одного вот такого падения достаточно, чтобы выбить дасбут из неустойчивого равновесия.

Воздух насыщался миазмами гноища, в нем возникли какие-то темные точки, которые от соприкосновения с кожей лопались перезревшими нарывами, выпуская облачка обжигающей дряни. В трещинах шевелились те самые белесые нити, источая прозрачную жидкость – кислоту, судя по дымящейся палубе. Лужи гноища медленно просачивались в дренаж, оставляя в решетках обломки человеческих костей.

Лампы аварийного освещения тускнели, уступая место багровому туману. Он клубился под потолком, выбираясь из вентиляционных щелей многочисленными щупальцами.

– Башка, – прошептала Флекиг и нащупала руку Свордена. – Там... Там...

– Нет там никого. Закрой глаза и не смотри, – ногти Флекиг впились ему в ладонь. – Не смотри! – Он схватил ее за волосы, развернул к себе, но оказалось уже поздно – выкаченные глаза, раскрытый в немом крике рот, из которого с бульканьем выдавливается рвота, дрожь такой силы, что он с трудом удерживал девушку в руках.

Сворден пригнул Флекиг к палубе. Девушка билась и вырывалась, но он крепко держал ее, сам пытаясь разглядеть в кровавом мраке то, что ее испугало.

Пелена послушно отступала, обнажая дно реальности, усеянное бледными завитушками, похожими на моллюсков без раковин. Огромные головы, крошечные конечности, теребящие обрывки пуповин, – скопище нерожденных созданий, что возятся в вязкой грязи колонией червей в гниющей ране.

Шлеп! Шлеп! Голые ступни безжалостно ступают по моллюскам, превращая их в слизь. Руки, достающие почти до палубы, загребают головастых созданий, подносят к широкому рту. Зубы впиваются в мягкие черепа, рвут, жуют их еще живыми. Кровь и мозги стекают по подбородку, шее и расползаются по голому телу. Длинные грязные волосы не дают рассмотреть лицо, лишь глаза свирепо блестят сквозь завесу косм, усеянных насекомыми.

– Колокольчик, – шепчет Флекиг. – Колокольчик.

Останавливается. Замирает. В какой-то нечеловеческой и оттого неудобной позе – отвернув левое плечо назад, выставив правую ногу, скособочившись так, что под кожей протянулись и напряглись жилы, удерживая тело от падения. Отчетливо проступили раны, будто тело сначала разбили на множество кусков, а затем неряшливо склеили.

Флекиг тянет к нему руки. Пытается ползти, но Сворден крепко держит ее.

– Колокольчик...

Пахнет стылой зимой и безлюдным пространством – таким огромным, что готово вместить любых странников, принять в ледяные объятия, только бы обрести тех, кто готов созерцать вечный пейзаж с пустынным берегом и ледяной горой, похожей на зуб.

– Я виновата, – всхлипывает Флекиг. – Ужасно виновата. Грязная. Уродливая. Гнилая.

Сворден опустился на колени и прижал ее к себе.

– Сворден, – донесся шепот из-за спины. – Сворден.

Он обернулся и увидел Патрона.

– Где Кронштейн?

Патрон неопределенно покачал головой. Перехватил поудобнее огнемёт.

Сворден потряс Флекиг за плечо. Палуба опустела – ни зародышей, ни чудовищ. Лишь ставшая привычной картина полуразрушенного дасбута.

– Грязная... Уродливая...

Патрон осмотрел раструб огнемёта, осторожно снял пальцем капельку напалма, растер, понюхал.

– Здесь, – показал Сворден. – Режь здесь.

Патрон поплевал на ладони:

– Посторонись! – перехватил наконечник поудобнее, прижав его к животу, оскалился.

Из раструбы потянулась блестящая ниточка слюны – огнемёт предвкушал пиршество. Щелкнуло зажигание, и ослепительное жало вонзилось в бортовую перегородку. Во все стороны брызнул расплав. По краям растущей дыры вспыхнуло пламя и начало расползаться по панелям и коробам дымными ручейками.

Взвыла сирена. Разошлись отверстия автоматического пожаротушения, и вязкая пена потекла прямо на Патрона, чья одежда уже потрескивала от высокой температуры. Огнемётчик расхохотался.

– Сиди здесь, – Сворден отпустил Флекиг и встал. Закрывая лицо от жара, протиснулся между хохочущим Патроном и переборкой и пробрался в отсек, откуда появился огнемётчик.

Это оказался пост главного энергетика. Почти все пространство отсека занимал планшет электроснабжения с многочисленными переключателями, вокруг которого теснились шкафы управления реактором. В единственном уцелевшем кресле скорчился Кронштейн, выставив вперед поврежденную руку.

Кожа с пальцев и ладони почти вся сошла – отслоилась струпьями, обнажив мышцы. В мешанине глубоких ран нечто шевелилось – множество тонких, витых нитей, отчего казалось будто рука механика живет отдельной от тела жизнью.

– Помоги наложить жгут, – попросил Кронштейн и показал ножом, что сжимал в здоровой руке, где. – Зараза...

Сворден кортиком взрезал рукав куртки механика и туго перемотал запястье.

– Всем свободным от вахты перейти в зону кубриков! Вахтенной смене стоять согласно курсовой задаче “три”! – прохрипел Кронштейн. – Давай!

Сворден перехватил покрепче поврежденную руку механика и одним ударом отсек ладонь. Кишащий червями кусок мяса упал на палубу. Обрубок кровоточил, и Сворден обмотал его бинтами. Получилась толстая культя.

За время ампутации ни один мускул не дрогнул на лице механика. Он безучастно смотрел за действиями Свордена, и даже привычный болт в уголке рта торчал неподвижно.

Запнув обрубок под планшет, Сворден помог Кронштейну подняться.

– Идти можешь?

– Пожар в третьем отсеке, – пробормотал Кронштейн. – Спасательному расчету локализовать место возгорания!

Патрон утирал пот, рассматривая проплавленную дыру. Противопожарная пена пузырилась на ее раскаленных краях. Отсек заполнился оглушительным треском остывающей металлокерамики.

– Раз! – сказал Патрон и осторожно подул на наконечник огнемета.

Сворден заглянул в получившийся проход, но ничего необычного не заметил – все те же металлические коридоры еще одного топляка. Тем временем Флекиг достала из аварийного рундука раздвижные сходни. Они с Патроном закрепили секции и протиснули их в дыру.

– Боевому расчету прекратить борьбу за живучесть и покинуть дасбут! – скомандовал заплетающимся языком Кронштейн. Болт выпал у него изо рта и закатился в отверстие дренажа.

Сворден подергал сходни. Они почти не нагрелись, однако от дыры продолжал накатывать такой жар, что даже в холодном отсеке от него перехватывало дыхание.

Прикрывая лицо, Сворден быстро пробежал сквозь отверстие и осмотрелся. Оглянувшись и помахал сидевшему на корточках Патрону. Тот помог взобраться на сходни Кронштейну, а затем Флекиг.

Слой ржавчины покрывал все металлические поверхности топляка. Пластиковые панели покоребились и местами осыпались. Аварийный свет еле пробивался через плотные клубы пыли, которая сыпалась из щелей пожаротушения. Внутренний корпус отслаивался струпьями, обнажая ребра шпангоутов.

– Ну и древность! – высказался Патрон.

– Нужно рвать отсюда, – поежилась Флекиг. – Здесь мертвяками воняет. Да, Башка?

– Это от нас воняет, чучело, – Кронштейн нянчил культю.

Сворден принялся. Попахивало и впрямь чем-то непривычным – смутно знакомым и беспокоящим, как мучительное воспоминание, не до конца утопленное в омуте забвения.

Дасбут качнуло. Из проделанной дыры выплеснуло гноище, словно из вскрытого нарыва. Все вскочили на ноги и замерли. Лодка, из которой они пришли, медленно опускалась. Отверстие постепенно перекрывалось находящим бортом. С хрустом ломались остывшие нити металлокерамики.

Кронштейн выпрямился и приложил ладонь к голове. Флекиг вцепилась в Свордена.

Поток гноища усиливался.

– Уходим, – сказал Сворден.

Они навалились на люк и загерметизировали отсек.

– Этот топляк тоже долго не выдержит, – Кронштейн постучал по трубам. – Гидравлика сохла, помпы забиты.

– Гиблое место, – Патрон поводил из стороны в сторону наконечником огнемёта. – Не нарваться бы на пакость.

Копхунд ожидал их перед трапом. Он сидел на нижней ступеньки и что-то выкусывал между пальцев. Огромные глаза светились. Лоб собирался в могучие складки, точно тварь о чем-то глубоко задумалась. Зверь из всех сил прикидывался человеком, и это ему почти удавалось.

За спиной копхунда скорчилось маленькое костлявое существо. Оно держалось тонкими лапками за перила. Голое тельце покрывала плотная сеть кровотокащих царапин. Оно принадлежало к человеческой расе, но прикидывалось зверем.

Копхунд посмотрел на людей и оскалился. Толстые губы отвернулись, обнажив крепкие клыки. Слюна стекала по подбородку. Тварь заурчала и внезапно пролаяла:

– Nennen Sie ihre Name, Nummer der Einheit und Zuschreibungshafen! Nennen sie Name von eurem Kommandant. Nennen sie Namen von euren Oberoffiziere! Der Widerstand gegen Besatzungstruppen wird laut Kriegsgesetzen bestraft!

Сидящее позади существо заскулило и наделало лужу.

Все те же шершавые слова знакомого языка, понимание которого то появлялось, то исчезало.

– Пакость, – пробормотал Патрон.

– Успеешь? – одними губами спросил Сворден.

– Не-а...

Не отрывая глаз от копхунда, Сворден взял за плечо Флекиг и толкнул ее вперед. Девушка споткнулась и упала перед тварью на колени.

Копхунд, казалось, не обратил на это никакого внимания. Он продолжал тяжело смотреть на стоящих, поводя нижней челюстью, будто разминаясь перед очередной порцией непривычных для его речевого аппарата фраз.

Девочка за его спиной вытянула шею, сделала шаг вперед. Копхунд зарычал.

Не успеть, понял Сворден. Ни за что не успеть. Узкий проход. Низкий потолок. Путаница проводов и труб. Мгновения достаточно, чтобы тварь повернула башку и раскромсала ребенка. Не прыгнуть, не пошевелинуться. Лишь круглые глаза взирают с мрачной усмешкой.

Zeitnot. Слово одиноко всплыло из бездны.

Дальше события пошли вскачь.

Флекиг протянула руки и вцепилась в горло копхунду. Кронштейн рванул повязку, фонтан крови брызнул твари прямо на морду. Патрон щелкнул зажигалкой, и потоки огня растеклись по обшивке отсека.

Сворден прыгнул, отводя руку для удара.

Копхунд исчез. Это казалось невероятным, но даже сейчас, когда время замерло, обратившись в стеклистую массу, большеголовая тварь ухитрялась перемещаться еще быстрее. И не только перемещаться.

Расстановка фигур полностью изменилась. Флекиг отлетела к переборке. Ее ноги ниже колен превратились в лохмотья. Медленно падал Кронштейн, с удивлением провожая взглядом оторванную руку. Безголовое тело Патрона продолжало заливать отсек огнем.

Что-то почти нежно коснулось плеча Свордена, но этого оказалось достаточно, чтобы его закрутило, завертело, ужасная боль хлестнула по коленям, и он влетел в паутину кабелей, покрытых липкой дрянью.

Воздух продолжал густеть, сжимая людей в вязких объятиях. Огонь погас, но обезглавленное тело Патрона все еще сохраняло вертикальное положение. Сворден видел, как над остатками шеи возникло неясное роение, словно стая мух налетела на свежую мертвечину. В

роении образовались устойчивые завихрения, которые уплотнились, обрели студенистую консистенцию.

Метаморфоз завершился, и над замершим телом Патрона, укутанным в пелену широких лент, распахнулась пульсирующая глотка в обрамлении щупалец. Щупальца впились в плечи и грудь мертвеца, напряглись, набухли, отрывая тело от палубы и запихивая в глотку. Хруст раздираемой плоти затопил отсек.

Полупрозрачная пелена позволяла видеть, как прокатывались волны по жрущей глотке, как тысячи зубов-крючьев впивались в добычу, вырывая из нее кровоточащие куски, как струи крови высасывались ползающими среди этих крючьев червями, отчего их тела раздувались, чернели, они отрывались от кровоточащих ран и мощными глотками пропихивались куда-то внутрь пасти вслед за кусками человечины.

Копхунд вновь сидел на своем месте и все так же что-то выкусывал между пальцев. Перепачканные в крови губы растягивала довольная ухмылка.

Тощая девочка потрепала тварь по загривку, отчего та довольно заурчала. Ребенок спустился с трапа, зажмурил глаза, упал на колени, ужасно выгнулся назад, словно пытаясь достать до палубы головой, и вытянул вперед руки. Маленький рот разинулся – ни дать, ни взять – птенец, требующий свою долю корма.

– Вдали от бурь бушующих над ним во тьме пучин, под бездной вышних вод извечным сном, безмолвным и глухим спит Кракен крепко, – внезапно ясным голосом сказал Кронштейн.

Копхунд повернул в его сторону башку, но механик оставался неподвижным, привалившись к переборке. Кровь с журчанием вытекала из громадной прорехи на месте левого плеча.

– Редкий луч блеснет в бездонной глубине, укрыта плоть боков, гигантских губок вечною броней, и смотрит вверх на слабый свет дневной из многих потаённых уголков, раскинув чутко сеть живых ветвей полипов исполинских хищный лес...

– Прекрати, – прохрипела Флекиг. – Прекрати, – она сползла на палубу, ухватилась за решетки дренажа и подтянулась. – Тварь, маленькая, гадкая тварь, – широкая черная полоса тянулась тянулась за ней.

Сворден напрягся, но стеклистая масса не отпускала, липкие плети сильнее стиснули тело, растянули руки и ноги. В каждое колено вгрызлось по сверлу – большому, ржавому сверлу, они нехотя крутились от работающего с переборами мотора. Сворден закричал, но в разинутый рот немедленно втиснули что-то настолько стылое и мерзкое, отчего дыхание перехватило, и тело скрутил приступ отчаянного удушья.

Слезы заливали глаза, но никакие мучения не могли затмить картину происходящего. Она рождалась в голове, всплывая из черной бездны изуродованной памяти неясной тенью, обретая плоть в промозглом чреве проржавелого дасбута.

Коленопреклоненный ребенок, который протягивал в мольбе руки, внезапно оборачивался не менее жуткой тварью, чем ее большеголовый сопровождающий. Дитя жадно заглатывало полупереваренную кровавую жижу, что стекала из возникшего ниоткуда хобота.

Ползущая, истекающая кровью Флекиг, содрогалась не от боли, но от сладострастных мук, пронзающих искалеченное тело, заставляя вновь и вновь цепляться за палубу, сдирая ногти и кожу, превращая пальцы в кровоточащие обрубки. Жертвенная агония обращалась в бесстыдство наслаждения.

И даже лишенный рук полумертвец ухитрился бессовестно залезть в потаенные глубины памяти Свордена, чтобы вырвать оттуда:

– Он спит давно, морских огромных змей во сне глотая, но дождется дня, наступит час последнего огня и в мир людей и жителей небес впервые он всплывёт – за гибелью своей...

Копхунд поднялся, подошел к девочке, толкнул ее лапой в спину, заставив встать на четвереньки. Длинный язык прошелся по выступающему позвоночнику и ребрам. Копхунд надвинулся, прижался брюхом к тощему тельцу и принялся совокупляться.

Глава третья

Туск

– Господин Ферц! Господин Ферц! – в дверь каюты стучались.

Ферц потер глаза. От бессонной ночи в них будто снега насыпали. Хотелось зевнуть и потянуться. Потянуться и зевнуть.

– Господин Ферц!

– Кехертфлакш! – пробормотал во сне Канерлак, нащупал стоящий на столе ботинок и запустил им, не просыпаясь, в дверь. Движения были отработаны до совершенства и не требовали пробуждения. Если бы вестовой на свою беду отодвинул дверь и заглянул в каюту господ офицеров, то ботинок угодил бы ему в голову.

Ферц сел на койке и пошевелил пальцами ног. Нащупал бутылку, понюхал и сделал глоток. Вестовой не унимался.

В каюте царил обычный разгром. Скудный свет налип грязной пленкой на скомканной одежде и постельном белье, на разбросанных и растерзанных чьей-то пьяной рукой журналах и книжках пахабного содержания, на тарелках с недоеденной дрянью с камбуза, чью команду еще вчера заочно приговорили к мучительным пыткам и медленному расчленению, на упаковках с пайком, таким сухим, что вставал поперек горла, а малейший глоток воды немедленно превращал его в стремительно разбухающую в желудке клейкую массу, что, в общем-то, и спасло коков от немедленного растерзания, но обрекло интенданта на еще более жуткие пытки. Сухим пайком же.

С верхней полки возникла лохматая голова:

– Ферц, это вроде тебя.

– Слышу, слышу, – пробормотал Ферц и прикрикнул в сторону двери:

– Уймись! Сейчас выйду.

Вестовой затих, только слышалось поскрипывание сапог, когда он переминался с ноги на ногу.

Цоцинелл потянулся к бутылке, сделал глоток, пролил часть на Ферца.

– Что с интендантом?

– Это случилось уже без меня, – сказал Ферц.

Цоцинелл повозился, зашуршал бумагами, которые держал под подушкой, выругался.

– Одного бланка не хватает!

Ферц натянул ботинки, зашнуровал.

– Проверь пистолет, – жалобно попросил Цоцинелл. – И у Канерлака проверь, а?

Ферц проверил. Чисто. Обоймы полны.

– Значит, мы его не расстреляли, – сделал глубокомысленное заключение Цоцинелл. – Неужели в пыточную запихали?

– Кишка тонка, – сказал Ферц. Мундир оказался мятым. Кто-то использовал его как подушку.

– А?

– Кишка тонка у вас против интенданта, говорю. Такую крысу за хвост не схватишь.

Цоцинелл спустился вниз с вместилищем документов и принялся раскладывать бумажки на койке Ферца.

– Контрразведка, – покачал тот головой, пристегнул кортик. – Радуга в сапогах. Крысы штабные, а не радуга.

Цоцинелл невидяще смотрел на Ферца, шевеля губами, видимо пересчитывая бланки строгой отчетности.

– Без бумажки и прыщ не сковырнем. А еще пайком недовольны, – пистолет в кобуру. – Что выслужили, тем и кормят.

– Точно, одного не хватает, – Цоцинелл пнул храпящего Канерлака. – Эй, чучело, куда бланк дел?!

Кобура не застегивалась. Ферц вытащил пистолет. Внутри обнаружилась скомканная бумажка.

Цоцинелл отложил вместилище и крепко ухватился за шиворот Канерлака:

– Куда... дел... бланк... урод... – на каждом слове он встряхивал спящего, но тому было все равно. Можно даже сказать, что Канерлаку и вовсе стало хорошо, судя по довольной ухмылке.

– Расстрельный список не досчитался? – поинтересовался Ферц, изучая обнаруженную в кобуре бумажку.

– Куда... дел... расстрельный... список... – Цоцинелл замер. – Где?

– Вот, – помахал Ферц бумагой. – Все по форме, как и надо. Приказом Высшего Трибунала. За неисполнение приказов. Тяжкие последствия. Приговорить. В кратчайшие сроки.

– Кого? – выдохнул Цоцинелл.

– Ну, у нас троих еще есть время в запасе, – Ферц скомкал лист и перекинул Цоцинеллу. Тот судорожно разгладил его на колене.

– Ладно, – сказал Ферц. – Вы как хотите, а я пошел сдаваться расстрельной команде.

– И главное – все правильно заполнил, – тоскливо сказал Цоцинелл. – Не придраться.

Вестовой стоял навытяжку. Сапоги блестели даже в тусклом бортовом освещении, а идеально подогнанная и отглаженная форма ласкала взор полным уставным соответствием. Выпяченную грудь украшали семиугольные значки отличника боевой и моральной подготовки. Выкаченные от усердия глаза даже не моргали.

Ферц мрачно оглядел вестового с ног до головы, но так и не нашел к чему бы прицепиться. Как в расстрельном списке. В солдате не оказалось ничего достойного сурового наказания, кроме подчинения приказу вышестоящего начальства. А так хотелось кого-нибудь прирезать!

– Господин Ферц, господин Зевзер приказал вам явиться в каюту три А дасбута Ка двести тридцать семь! – отрапортовал вестовой.

– А где звания, сынок? – со зловещей ласковостью поинтересовался Ферц. – Или нас тут уже всех в банщики разжаловали?

– Никак нет, господин Ферц! – проорал вестовой. На лбу проступили крупные градины пота. – Согласно приказу господина Дзевзера запрещено обращаться к господам офицерам по званию!

Ферц с некоторым разочарованием покрутил обнаженный кортик, но не придумал ничего лучшего, чем срезать заусенец. Вестовой шутя уделывал раздраженного контрразведчика неумолимым следованием Уставу и приказам.

– И за что же нам такая привилегия?

– Не могу знать, господин Ферц! Осмелюсь предположить – конспирация, господин Ферц!

Дверь каюты напротив отъехала. Из темноты возникла заспанная рожа, прищурилась на тусклый свет и пробормотала:

– Еще раз крикнешь – кожу заживо сдеру.

Ферц вздохнул:

– Ладно, пошли.

– Уроды, – покачала заспанная рожа. Дверь захлопнулась.

Ферц взялся за кремальеру и тут до него дошло:

– Какой дасбут, сынок?

– Ка двести тридцать семь, господин Ферц, – вестовой опасливо покосился на закрывшуюся дверь.

– Кехертфлакш! Что их туда понесло? – Ферц пошел по коридору. Вестовой затопал сзади. Почти что уставным топотом. Идеальный солдат, кехертфлакш. – Это ведь флагман Группы Ц? Когда их перебросили?

– Так точно, господин Ферц. Флагман Группы Ц, господин Ферц. Время переброски мне неизвестно, господин Ферц.

– Курить есть, солдат?

– Так точно, господин Ферц.

Ферц остановился.

– Давай.

Вестовой замялся.

– Осмелюсь напомнить, господин Ферц, что корабельным распоряжением строго запрещено...

– Кехертфлакш!

Вестовой протянул пачку. Сигареты оказались дрянными – “Марш Дансельреха”. Отравы для крыс, а не сигареты.

– Давить интенданта, – пробормотал прикуривая Ферц.

Кивая встречным, Ферц и вестовой поднялись на первую палубу, а оттуда – на носовую рубку. Там, кутаясь в доху, стоял кап два и рассматривал в бинокль дасбутов.

Свет с трудом просачивался сквозь узлы и переходы туска. Черная вода парила, еще больше скрадывая гигантские тени дасбутов. Ферц нащупал очки и нацепил их на нос. Кораблей действительно прибавилось. Особенно бросалось в глаза появление флагманской глыбы, что нависала над окружающими дасбутами гигантской скалой.

– Тоже вызвали? – спросил кап два.

– Тоже?

– Командир уже там, – объяснил кап два.

– За каким, кехертфлакш, они явились? – Ферц придавил окурок. – Обычная операция по зачистке. Они бы сюда еще флот Д пригнали.

– Стоит на рейде, – сказал кап два.

Ферц потер щеки, надеясь проснуться.

– Вторжение с материка?

– Это тебя надо спросить, – усмехнулся кап два. – Вы же у нас контрразведка. Проспали врага?

– Никак нет. Враг, как обычно, остановлен на дальних подступах к Дансельреху. Разгромлен и позорно драпает, бросая технику и добывая раненых.

– Ну-ну, – кап два снова припал к окулярам. – Катера так и шныряют. Может, очередной заговор раскрыли?

– Так точно. Интенданта против флота. Интенданта приговорили к немедленному расстрелу, но эта крыса ухитрилась подменить бланки. Пришлось распороть брюхо героям-контрразведчикам.

– Весело живете, радуга в сапогах.

– Обхохочешься, кехертфлакш.

Ферц вслед за вестовым спустился на палубу, поплотнее завернулся в дежурную доху и побрел к катеру, ошвартованному аж у кормовой рубки. Под ногами то и дело хрустел мусор – обломки костей и черепов. Вестовой вышагивал строго по уставу – так, чтобы носок сапога на подъеме находился на уровне нижнего края ремня впереди идущего.

– Эй, кехертфлакш, вестовой, – позвал Ферц.

Вестовой остановился, вытянулся и повернулся назад – как и полагается через левое плечо.

– Да, господин Ферц!

– Крюс кафер, – поправил Ферц.

– Так точно, господин... – вестовой запнулся. – ...господин крюс кафер. Разрешите напомнить, господин... крюс кафер...

Ферц вытащил изо рта сигаретку, подул на нее, разжигая огонек, и ткнул вестовому в щеку. Тот взвизгнул, отшатнулся, но Ферц перехватил его за шиворот и пододвинул к себе:

– Еще раз, чучело уставное, услышу обращение не по званию, нос откушу и глаза высосу. Понял?

– Так... точно... господин... крюс... кафер...

Ферц поверх очков внимательно посмотрел вглубь выкаченных от страха глаз вестового, ощупал его карманы, достал пачку сигарет, прикурил новую.

– Так, солдат, слушай вводную. Доблестный экипаж дасбута Дансельреха в результате коварного предательства оказался захвачен материковыми вырожденками. За ледовым подкреплением кормовой рубки расположилось звено пулеметчиков и не дает доблестным морякам Дансельреха добраться до аварийного люка, чтобы прорваться внутрь дасбута и освободить выживших. Твоя задача – доползти до пулеметной точки, забросать врага гранатами, а если не удастся подавить огонь, то героически пожертвовать своей жизнью – собственным телом лечь на пулемет. Выродки должны захлебнуться в своей крови. А если своей крови им на это не хватит, то тогда и твоей! Вводная ясна, солдат?

– Так точно, господин крюс кафер!

– Приказ ясен?

– Так точно, господин крюс кафер!

– Приступайте к выполнению. Ложись!

– Осмелюсь напомнить, госпо...

Ферц кулаком сбил вестового с ног.

Враг действительно попался коварный. Вестовому долго не удавалось доползти к пулемету хотя бы на расстояние броска гранаты, не говоря уж о том, чтобы героически залить вырожденков потоками чистейшей имперской крови. Чтобы усложнить задачу и приблизить ее к боевым условиям, Ферц неотступно следовал за ползущим вестовым и отвешивал тому пинки, изображая взрывы гранат и прямые, но не смертельные, попадания пуль в живучее имперское тело храброго солдата.

– Давай, солдат, – подбадривал господин крюс кафер, – враг не дремлет! Тяжело в учении, легко в бою! Пуля – дура, штык – молодец!

Пробираясь среди выступов палубы, мусора и экскрементов, вестовой поначалу тяжело дышал, взвизгивая от очередного попадания офицерского сапога по ребрам, затем хрипел, лишь вздрагивая под градом тычков, а потом и вообще засипел, заклекотал, как идущий ко дну дасбут, однако продолжал упорно цепляться за резиновое покрытие палубы, медленно передвигаясь в сторону кормы.

Ферцу полевые занятия вскоре наскучили, и он уселся на выступ ракетного люка, наблюдая как среди отбросов ворочается то, что осталось от вышколенной штабной крысы.

Дело кончилось тем, что из-за кормовой рубки появилась темная фигура, ошалевший от непрерывной череды атак вестовой сделал попытку подняться и кинуться с кортиком на врага, горя желанием побыстрее избавиться от своей жизни, а заодно и от мучений, но сил осталось лишь встать на четвереньки и жалобно взвыть.

– Ферц, кехертфлакш, долго еще развлекаться будешь?!

– Боевая готовность и боевой дух – превыше всего! – отчеканил Ферц, но сигарету погасил, встал, поднял за шиворот вестового и подтащил его к вахтенному.

Тот осветил их фонариком, поморщился:

– Эта вонючая крыса мне весь катер перепачкает. Развели тут скотобойню!

– Дасбут... должен... устрашать врага... не только видом... но и запахом... – пробормотал вестовой.

– Дерваль! – одобрительно встряхнул вестового Ферц. – Благодарю за службу, солдат!

– Отмыть бы его, – с сомнением принялся вахтенный.

– Так точно, господин вахтенный офицер! – отчеканил Ферц, развернул вестового лицом к борту и отвесил могучий пинок. Вестовой без плеска вошел в черную воду.

– Кехертфлакш! – вахтенный напряженно уставился на маслянистую поверхность, в которой отражались бледные вспышки далеких взрывов. – Утонет!

– Ну так спасай, – зевнул Ферц.

Вахтенный посветил фонарем. По воде пошла рябь, появилась голова.

– Эй, солдат, гребь к корме!

– Такое не тонет, – заметил Ферц. – Откуда их только берут?

– Воспитателем себя возомнил, господин крюс кафер?

– Так точно, господин кафер! – Ферц лениво приложился пальцами к виску. – Поддержание высокого морального духа – главнейшее оружие контрразведки. Предательство легче предупредить, чем ликвидировать его последствия.

На катере воспитательный зуд Ферца слегка ослаб, и он даже любезно предложил продрогшему солдату его же сигареты, которые господин крюс кафер весьма предусмотрительно оставил у себя перед случайным падением за борт зазевавшегося вестового.

Господин крюс кафер даже одобрительно высказался об уровне тактической и полевой подготовки господина вестового и позволил себе слегка потрепать бравого солдата по плечу, предусмотрительно натянув кожаные перчатки, однако пригласить в теплую каюту дрожащего бойца не соизволил, так как места там имелось аккуратно для господ офицеров, которые отнюдь не жаждали сидеть рядом с мокрой штабной крысой и обонять стекающие с нее нечистоты.

В каюте на койке разлегся Эфиппигер, курил и разглядывал банку с заспиртованной головой, поставив ее себе на живот. Пепел он стряхивал в банку же.

Ферц уселся напротив и некоторое время наблюдал, как отчаянно чадающий окурок силится поджечь горючую жидкость, разбрасывая во все стороны искрящиеся крошки табака. Пара искр уже метко угодила в банку, но воспламенения пока не происходило.

– Сгорим, – наконец соизволил заметить Ферц.

– Ерунда, – сказал Эфиппигер.

– Как воюем? – продолжил беседу господин крюс кафер, на что Эфиппигер, используя крепчайшие выражения, вежливо выразился в том смысле, что как стучим, так и воюем.

Под столом завозился копхунд.

– Стучите плохо, – посетовал Ферц. – Хреново, надо сказать, стучите. Никакого рвения при выполнении патриотического и воинского долга. Может, бумаги у вас не хватает? – озабочился внезапно господин крюс кафер.

Глубоко затянувшись, используя непонятные непосвященному идиоматические обороты и игру слов, Эфиппигер подтвердил, что бумаги действительно не хватает, поэтому грязные зады приходится обтирать чем попало, например, камнями.

Подхватив тему, господин крюс кафер выразил свою неосведомленность в столь необычном способе удаления оставшихся экскрементов и попросил поподробнее рассказать ему о революционном методе поддержания гигиенически-санитарным норм в полевых условиях.

В ответ Эфиппигер подробно описал процесс от начала до конца, ничего не скрывая, рассказал господину крюс каферу о некоторых тонкостях выбора необходимых камней в зависимости от свежести съеденных перед этим консервов и прочих привходящих обстоятельствах (как то – лимит времени, характер окружающей местности, оперативно-тактическая обста-

новка и пр.), а так же поделился своими собственными секретами о наиболее экономных и эффективных траекториях движения камней, углах их вхождения и положения пальцев для наилучшего удержания столь необычных гигиенических средств.

– Сам скоро узнаешь, – пообещал Эфиппигер. – И как жопу подтирать, и как доносы писать.

– Не доносы, а добровольные рапорты, – поправил Ферц. – Мы не работаем с доносами. С кляузами пускай разбирается суд чести, а наше дело – следить за чистотой помыслов, за боевым духом, за благородством ярости. Мы – духовники матросов и солдат. Мы берем мерзких подонков, грязными червями кишащих в злочных притонах, и превращаем их в совершеннейшие инструменты, счищаем с них ржавчину и грязь, обнажая сверкающее лезвие воли и разума. Мы – радуга в сапогах, первая и последняя буква Дансельреха, сильнейшие из сильных, мудрейшие из мудрых.

Эфиппигер сел и отставил банку на стол. Консервированная голова уставилась на Ферца выпученными глазами.

Тут до Ферца кое-что дошло:

– Что ты там сказал насчет моего близкого знакомства с особенностями полевой жизни?

– Контрразведка, – презрительно загасил окурок в банке Эфиппигер. – Сами ни хрена не знаете, а все туда же – шпионов ловить. Думаешь, тебя в штаб вызвали очередное звание присвоить за то, что в бане на мыле подскользнулся?

Ферц пожал плечами и достал окончательно измятую пачку “Марша Дансельреха”. Протянул ее Эфиппигеру, но тот лишь брезгливо поморщился.

– Трагическая проблема нашей службы в том, что мы не можем знать больше того, что знают наши информаторы, – Ферц выпустил аккуратное колечко дыма и стряхнул пепел в банку. – Даже пыточная машина не может извлечь из наказуемого то, в чем он не осведомлен. Хотя... Хотя некоторые утверждают, что в процессе резки по живому невыносимая мука открывает в воспитуемом способность извлекать информацию прямо из мира, этакое третье ухо, которым мы и прослушиваем благонадежность подданных Даесельреха.

Эфиппигер тяжелым взглядом смотрел на витийствующего господина крюс кафера. Пальцы его возлегли на сдвинутой чуть ли не в промежность кобуре и слегка подрагивали.

– Припоминаю, – невозмутимо продолжал Ферц, – что одно время получила распространение безумная идея совместить эффективность пыточной машины с агрегатом глубокого ментососкоба и толковать полученные из мозга испытуемого образы. Но работы, несмотря на перспективность, как-то сошли на нет. И знаешь почему?

Эфиппигер покачал головой. Копхунд приоткрыл налитые кровью глаза. Ферц хохотнул:

– Все подсознание испытуемых оказалось забитым дерьмом и совокуплениями! У любого! Одно дерьмо и сплошные совокупления! Причем не просто так, а с вывертом... Какая уж тут информация!

– Пристрелить бы, – вздохнул Эфиппигер, обращаясь, судя по всему, к проснувшемуся копхунду. Зверь шевельнул маленькими полукруглыми ушами в том смысле, что да, не мешало бы.

– Не любите вы нас, – пробурчал господин крюс кафер. – Не любите. Хотя оно и понятно. Кто же любит собственную совесть? Постоянно пыхтит, покоя не дает, по ночам мучает. Захочешь чего-то эдакого, а она уж тут как тут – устав читает. Захочется, например, господину... м-м-м... ну, хотя бы Эфиппигеру позаимствовать на армейском складе пару “шквалов”, чтобы толкнуть выродкам из гноища, – обратился Ферц к внимающему копхунду. – Мелочь, конечно. Полное дерьмо эти “шквалы”, если уж честно, но выродкам выбирать особо не из чего. И вот наш господин Эфиппигер подделывает документ, а может и не подделывает, а просто подпадает господина младшего интенданта до скотского состояния, в котором не то что акт приемки-выдачи, но и приказ о собственном расстреле подпишешь. И, оп-ля, получает со склада

эти несчастные “шквалы”. А совесть-то не дремлет! И у пьяного господина младшего интенданта совесть не дремлет, и у господина Эфиппигера совесть не дремлет.

Ферц вздохнул:

– Но если у господина Эфиппигера совесть – это всего лишь чувство легкого неудобства, легко заглушаемое чувством глубокого удовлетворения от весомой пачки купонов, то у господина младшего интенданта совесть овеществилась и приняла вид крепкого молодца с тяжелыми сапогами. И если у господина Эфиппигера совесть приучена лишь что-то там неразборчиво шептать ему на ухо во сне, то у господина младшего интенданта совесть приучена крепко его обрабатывать все теми же тяжелыми сапогами по ребрам, по ребрам. В результате, измученный муками совести господин младший интендант пишет покаянное письмо в ближайший отдел контрразведки и просит принять все меры, чтобы и у господина Эфиппингера совесть не только заговорила в полный голос, но и обзавелась чем-то более действенным – ну, там, железной палкой, например...

Уголки губ копхунда растянулись, обнажив желтоватые клыки.

– Понимает, – с удовлетворением отметил господин крюс кафер. – Одобряет.

Эпиффингер выхватил нож и ударил. Ферц отклонился ровно настолько, чтобы широкое лезвие скользнуло по предплечью и вонзилось в переборку. Мгновенный ответ, но кортик зажалось между пластинами бронежилета. Эпиффингер ослабилась, шевельнулся, ломая острие.

– Ты мертв, солдат, – предупредил Ферц.

Эпиффингер ухватился за край стола, голова запрокинулась, и на шее раскрылся идеально прямой разрез, как будто еще один зев, откуда вниз обрушился густой поток крови.

Крупные капли упали на морду было задремавшего копхунда. Тот открыл глаза, слизнул их языком, вытянул башку и принялся лакать из кровавой лужи.

Ферц с сожалением осмотрел испорченный кортик. Со ломанным лезвием он теперь никуда не годился, но выброси его и придется ходить с пустыми ножнами, нарушая уставные требования. А когда еще сволочь господин интендант сподобится выдать замену?

– Ну, ты здесь приберешься, – сказал Ферц копхунду. Тот в ответ грозно взрыкнул и ухватил тело за голень.

Смотреть на процесс питания твари не хотелось, и Ферц выбрался на палубу. Закутанный в одеяло вестовой сидел на корме и наблюдал как суденышко пробирается между покатыми стенами бортов дасбутов.

Громадный залив, что глубоко врезался в тело туска, теперь оказался забит кораблями. Зона перегиба, где мировой поток Блошланга вновь возвращался в тело Флакша, вонзаясь в материковую плиту, чтобы затем растечься по бесконечной поверхности, во всех лощинах определялась как наиболее опасная для судоходства из-за непредсказуемости гравитационных градиентов. Достаточно посмотреть на то, что здесь творилось с суши, чтобы стараться избегать без крайней нужды заходить в здешние воды.

– Неплохое местечко, – сказал Ферц.

От неожиданности вестовой вскочил, путаясь в одеяле:

– Так точно, господин крюс кафер.

– А знаешь, солдат, сейчас достаточно небольшого заряда, чтобы лишить Дансельрех части его флота?

– Так точно... То есть, никак нет, не знаю, господин крюс кафер.

– Ты чего орешь, как на параде? – поморщился Ферц. – И какого нас сюда всех занесло?

– Вооруженный мятеж воспитуемых, господин крюс кафер, – осмелился предположить вестовой. – Поганные вырождаки растоптали оказанное им доверие и милосердие...

Ферц поморщился.

– Ты, солдат, я гляжу, совсем очумел после купания. Чтобы два флота сосредоточили в здешнем мелководье ради кучки выроdkов со содранной кожей? Не вздумай об этом прошептывать какому-нибудь моряку, солдат.

– Я слышал... – неуверенно начал вестовой.

– Ну?

– Ходят слухи, что материковые выроdkи прокопали ход с той стороны мира, господин крюс кафер.

Ферц поперхнулся, закашлялся, застучал себя в грудь кулаком.

– Прокопали... – сипел он и снова закашлялся.

– Так точно, господин крюс кафер, прокопали могучими горнопроходческими машинами, секрет которых коварно украли у лучших умов Дансельреха. Но чудовищный план оказался раскрыт, и сейчас два флота Дансельреха готовятся нанести последний удар бронированным кулаком по ползучей гадине материковых выроdkов.

– Кехертфлакш, – простонал, давась от смеха, Ферц. – Тебе, солдат, только в флотской самодеятельности выступать придурком разговорного жанра, – но тут же стал серьезным, посулов, шагнул к вестовому, ухватил за грудки, приподнял над палубой и прошипел в испуганное лицо:

– Кто сказал? Где сказал? Когда сказал?

– Писарь... секретного... отдела... – прохрипел вестовой.

Ферц отпустил вестового, и тот упал – ноги не держали. Господин крюс кафер закурил и облокотился на поручень, наблюдая как катер, вывернув из лабиринта бледных туш, прямым ходом направляется к флагманскому дасбуту, который айсбергом возвышался над окружающими его лодками.

– Эй, солдат, – позвал Ферц.

– Слушаю, господин крюс кафер, – сипло ответил вестовой.

– Приказываю тебе подробно написать о ваших разговорах с писарем секретного отдела, вспомнить – где и когда они происходили, кто выступал их зачинщиком...

– Он, господин крюс кафер, он...

– ...в каких выражениях говорилось о непобедимости материковых выроdkов и как при-нижалась несокрушимая мощь флота Дансельреха...

– Так точно, господин крюс кафер, говорилось...

– ...кто из среднего офицерского состава присутствовал на этих беседах, а так же свои соображения – кто из высшего офицерского звена мог негласно их провоцировать...

– Простите, господин крюс кафер, но... Что значит – негласно... про-во-ци-ро-вать... Я не совсем понял, господин крюс кафер.

– Это значит – быть замешанным в заговоре против Дансельреха, – отчеканил Ферц, повернувшись к вестовому.

От ужаса у того в глазах, наконец-то, возник проблеск понимания:

– Так точно, господин крюс кафер!

– И теперь полностью от тебя зависит, солдат, – удастся ли пресечь заговор, отрезать ядовитой змее голову и растоптать кованым сапогом ее коварное тело.

Совсем я его запугал, решил Ферц. Как бы он и вправду чего не учудил. Например, решил бы пристрелить меня... Ферц снова отвернулся от вестового и покрепче ухватился за поручни. Нет, такой не решится... Такой по прибытии тут же усядется за вдохновенный донос, потев и портя воздух от усердия. Или побежит к своему куратору, докладывать как господин крюс кафер из соперничающей конторы пытался перевербовать господина вестового, и что господин вестовой для вида согласился, но сам тут же примчался сюда и надеется, что сможет оказаться еще полезней как двойной агент...

– Не вздумай своему слухачу на ушко шептать, солдат, – сурово бросил через плечо господин крюс кафер. – У меня руки длинные. Из-под воды достану и кожу на ремни пушу, понял?

– Так точно, господин крюс кафер, понял!

Катер направился не к носовой рубке, а развернулся и двинулся вдоль флагманского дасбута к корме, где и ошвартовался. Ферц вслед за вестовым поднялся на палубу и спустился в люк.

Жизнь внутри кипела. По отсекам носились сосредоточенные адъютанты в парадной форме и с папками подмышками, сутились вестовые, разыскивая по каютам мирно храпящих господ офицеров, а злобные псы-ординарцы отбивали кулаками их попытки нарушить сон своих командиров.

По такому случаю люки между отсеками оставались распахнутыми, но моряки, озверевшие от пустопорожней, по их мнению, суеты, все равно каждый раз дергали кремальеры, герметизируя отсеки.

Ферц шел за вестовым, пока они не уперлись в один из таких запертых люков. Перед ним переминался адъютант в отутюженной форме, шитой золотом, увешанной чуть ли не до пупка какими-то юбилейными значками. Он колотил кулаком по металлокерамике, бестолково дергал за ручку, вертел головой, выискивая подмогу.

Вестовой кинулся открывать, но Ферц пригвоздил его к месту железной хваткой за плечо.

– Эй... Как тебя... – адъютант изображал потуги памяти, из которой силился извлечь столь незначительное звание Ферца. – Кафер... Да, кафер, немедленно открыть дверь!

Ферц состроил рожу потупее и осмотрелся, вытирая тыльной стороной ладони слюни с подбородка:

– Дверь... э-э-э... кхм... мэ-э-э... да.... где?

Вестовой с открытым ртом наблюдал за невероятным преобразованием господина крюс кафера в потомственного придурка из утилизационного дока.

– Господин адъюнк-адъютант, скотина! – прошипел адъютант. – Почему не по уставу обращаешься к вышестоящему по званию, урод?!

Бессмысленная и унижительная борьба с люком требовала излить накопленные запасы раздражения на кого-нибудь побезобиднее. На подвернувшегося кстати кафера, например.

– М-э-э-э... – как можно жалостливее застонал Ферц, изображая неутоленное желание выслужиться перед мундиром в значках. – Разрешите доло... Обра... Разрешите обратиться, господин адюкта... господин камер-юнк... адъюнк...

– Господин адъюнк-адъютант, – еще раз повторил мундир. Столь небывалая благосклонность наверняка объяснялась особой гордостью за недавно полученное звание. Сколько унижений пришлось претерпеть, какие хитрые комбинации провернуть, сколько задниц вылизать, причем далеко не всегда чистых, прежде чем заветный приказ не ушел в Адмиралтейство! А каких усилий потребовало сопровождение драгоценной бумажки по запутанным канцелярским лабиринтам, где бесследно исчезали, точно дасбуты в гноище, и более серьезные документы!

– Так точно, господин адью... диктант... – от невероятных потуг кафер бешено заворочал глазами.

– Эй, вестовой!

– Да, господин адъюнк-адъютант! – отчеканил вытянувшись в струнку вестовой, но пальцы господина крюс кафера сильнее впились в плечо, и вестовой вдруг ослаб, накренился, как лишенная такелажа лодка.

– Вот как надо обращаться к высшему по званию, солдат, – адъютант удовлетворенно перевел пылающий начальственным гневом взор на дуркующего Ферца.

– Я тебе не солдат, крыса штабная! – прорычал в бешенстве Ферц.

– Что... Что... – пролепетал адъютант, ощутив на шее стальную хватку пальцев Ферца. – Да как ты сме... – пискнул мундир.

– Я – моряк! Моряк! Понял, чучело?! – проревел озверевший господин крЮс кафер в выцветшее от ужаса лицо адъютанта. – Повтори, урод!

– Мо... мо... мо... – начал икать в такт звона значков мундир.

Ферц вцепился зубами в покрытый бисеринками пота кончик носа адъютанта, стиснул челюсти до боли в скулах, рванул со звериным рычанием. Адъютант заверещал смертельно раненым зверьком, отлетел на поёлы. Кровь ручьем текла из откусанного носа. Ферц сплюнул окровавленный кусочек и пинком отправил его к адъютанту:

– Подбери, солдат. Авось пришьют.

Из неприметного закутка стуча когтями и тяжело дыша выбрался копхунд – судя по поблекшим глазам, отсутствию зубов и свисающему из пасти желтому языку – экземпляр весьма древний. Зверь оттолкнул горячим как утюг боком Ферца, пошевелил носом, забитым гноем, подошел к валявшемуся куску адъютантского мяса, лизнул его, задумчиво постоял, полуприкрыв глаза, осторожно подобрал и принялся жевать.

– Пошли, – сказал Ферц вестовому, тычком выводя его из оцепенения.

Люк распахнулся, и в отсек заглянул моряк:

– Кто колотил?

– Вот он, – кивнул Ферц. – Нос люком прищемил, бедолага.

– И что с ним теперь делать? – моряк с сомнением посмотрел на адъютанта, сидящего у рундука, зажимая ладонями рану. Сквозь пальцы толчками выплескивалась кровь, которую слизывал копхунд.

– Хочешь – пристрели, а хочешь – в лазарет, – Ферц перешагнул через каммингс и втащил за собой вестового. – А можно и так оставить – как праздничный обед.

Копхунд, словно услышав, осторожно куснул адъютанта за колено. Адъютант завыл.

– Я его все-таки в лазарет, – решил матрос. – Сдохнет – вонять будет, а этот дурашка только значками подавится.

Каюта 3 “А” оказалась штабом адмиралтейской контрразведки, временно переоборудованным из кают-компания. Часть столов подняли и прикрепили к переборкам, высвободив место для оборудования по глубокому зондированию и бурению. Металл резаков блистал непривычной чистотой, а резина загубников ошеломляла гладкостью – еще ни один испытуемый не прошел сквозь растопыривший лезвия механизм по штучному и конвейерному производству достоверной информации.

Около машины возились наладчики, что-то подкручивая и подтягивая в сложном механизме, отчего та недовольно пыхтела и шевелила сверкающими пластинами изголодавшимся насекомым. Наладчики уверенно запускали в ее внутренности руки, прикрытые от запястья до плеча защитными пластинами с глубокими царапинами, подсвечивали фонариками, что-то бормотали, проворачивая настроечные шестерни.

Главный техник стоял рядом и прикладывал медный слухач к клацающим узлам. При этом он размахивал из стороны в сторону свободной рукой, всем своим одухотворенным видом напомнив Ферцу нечто весьма знакомое, но в данном месте совершенно неуместное.

Начальник отдела оперативных изысканий Комиссии контрразведки Адмиралтейства штандарт кафер Зевзер расположился за соседним столом и, зажав могучий лысый череп мосластыми ладонями, наблюдал за отладкой пыточной машины. Морщинистые веки без ресниц изредка опускались на круглые темные глаза, и в помещении становилось ощутимо теплее. Стиснутые в неприметную ниточку бесцветные губы иногда распускались, как будто расходились края плохо сшитой хирургами раны, обнажая крупные кривые зубы.

В дальнем углу оборудовали кодировочную, где на крюках развесили упакованные в тетраканителен освежаванные и утыканые проводами тела, что дергались в такт поступающим

сигналам, брызгая кровью и вырисовывая закрепленными в держателях руками пиктограммы ментальной связи.

Около стены притулились мешки и ящики с амуницией, где на корточках сидел человек с двумя узкими полосками растительности на выбритом черепе, в форме без знаков различий, и довольно ловко снаряжал обоймы. Ферц заметил, что стоило ему войти в каюту, как ухо у бритого шевельнулось, он напрягся, точно изготовившись к смертельному прыжку, краешек рта потянулся вбок, и между губ сверкнуло нечто металлическое.

Штандарт кафер Зевзер глаз на Ферца не поднял, соизволив лишь шевельнуть мизинцем, подзывая крюс кафера к себе.

Ферц оттолкнул вестового в сторону пыточной машины и, чеканя шаг, приблизился к столу.

– Разрешите доложить, господин штандарт кафер...

Зевзер перевел один глаз на Ферца. Второй продолжал следить за наладчиками. Ферц заледенел. Уголок рта господина штандарт кафера оттянулся, словно изготавливаясь выплюнуть смертельный яд, но Зевзер неожиданно приторно-ласково спросил:

– Отдохнул, сынок?

Ферц покачнулся.

– Хорош ли улов? – продолжил вопрошать господин штандарт кафер, бессменный руководитель КомКонтра по прозвищу Душесос.

Ферц открыл рот, но второй глаз Душесоса оторвался от созерцания пыточной машины и окончательно раздавил крюс кафера. Ферца перемололи меж жерновов, а прах втерли в землю.

– Сколько посеяно – доброго, вечного? – один глаз Зевзера уставился в лоб Ферца, а второй скользким щупальцем спустился к ногам. В полном согласии с миром, где Душесос являлся единственным властелином, тело господина крюс кафера зажали с двух сторон стальными клещами и растянули, превращая в туго натянутую струну – достаточно шевельнуться, чтобы разорваться пополам.

– Сколько совершено необратимых поступков? – продолжил интересоваться Зевзер. Глаза поменялись местами – теперь правый смотрел вниз, а левый – вверх, отчего Ферца словно перевернуло ногами к потолку.

Мир превратился в стальной полый шар, ошетилившийся внутрь лезвиями, крючьями, иглами, между которыми угораздило застрять господину крюс каферу. Безжалостная рука взвела пусковой механизм, и гигантская пыточная машина начала проворачиваться вокруг собственной оси, все глубже впиваясь в тело Ферца режущими, рвущими, вспарывающими приспособлениями.

– Нужно найти одного человека, – внезапно сказал Зевзер, закрыв глаза.

Ферц постарался отдышаться. Воздух с силовым усилием процеживался сквозь сведенную судорогой гортань, словно нечто ужасно терпкое застряло в ней – по неосторожности проглоченный кусочек, так и не пожелавший скатиться в желудок.

Мир постепенно приходил в норму. Больше всего хотелось оттянуть пальцем узкий воротник мундира, но Ферц позволил себе только крохотное движение головой. Руки оставались прижаты кулаками к бедрам, оттопырены в локтях, подбородок выпячен, каблуки сведены. Идеальная поза отменного служаки. Демонстрация полного и беспрекословного подчинения любому приказу начальника КомКонтра. Если бы Ферцу приказали лечь в пыточную машину для испытания ее готовности к работе, то он не раздумывая козырнул бы, четко развернулся на каблуках и с чувством исполненного долга отдался на растерзание изголодавшихся по работе ножей.

– Найти его нужно быстро, – продолжил Зевзер. Не открывая глаз он потянулся куда-то в стол и положил перед собой папку. – Еще вчера.

Ферц непонимающе сосредоточил взгляд на покрытой бледными веснушками лысине Душесоса.

– Найти его нужно было еще вчера, – соизволил пояснить Зевзер, и Ферца продрал мороз – господин штандарт кафер НИКОМУ и НИКОГДА не соизволял ничего пояснять. Поясняли его заместители, поясняли его помощники, поясняли, кехертфлакш, оперативные сводки и стенограммы допросов. Зевзер ТОЛЬКО приказывал. Закрыв глаза и выплевывая слова бесцветным тоном, в котором, тем не менее, ясно различался лязг запущенной на полных оборотах пыточной машины.

– Сегодня – уже поздно, завтра – очень поздно, послезавтра – непоправимо, – Зевзер монотонно то ли процитировал, то ли сказал собственные слова. – У тебя один день, найти и ликвидировать этого человека.

Ферц дернул подбородком, подтверждая – приказ ясен и, несмотря на абсолютную невыполнимость, будет исполнен.

– Этот человек – Нава, кодировщик штаба группы флотов Ц. Откомандирован в качестве спецсвязного в исследовательское подразделение. По имеющейся информации, вчера подразделение попало в засаду. Нава пленен. Поскольку он владеет кодами флотской группировки, есть вероятность их взлома. Вопросы? – Зевзер приподнял тяжелые морщинистые веки, но взгляд был устремлен на лежащую перед ним папку.

– Насколько достоверны сведения, что Нава жив? – Ферцу показалось, что воздух в каюте выкачали и на каждое слово приходилось делать вдох – глубокий, до боли в грудной клетке, но не освобождающий от мучительного удушья.

– Абсолютно, – Зевзер сцепил пальцы. Ферцу показалось, что длинные, заточенные ногти Душесоса внезапно полиловели, затем почернели, и из-под них проступили темные капли.

– Сколько человек в моем распоряжении?

– Двое, – веки поднялись, и взгляд начальника КомКонтра пресек и так затянувшийся диалог. – Все необходимые документы здесь, – оттянувшийся мизинец скользнул по папке.

Как в кошмарном сне, где по какой-то причине всегда приходится идти навстречу невыносимо жуткому, что притаилось во мраке, Ферц сделал шаг вперед, протянул руку, пальцы прижали рыхлую обложку вместительных документов, отчего по телу побежали мурашки, и осторожно подтянул папку к краешку столешницы.

– Иди работай, – сказал напоследок Зевзер и перевел взгляд на механиков.

Прижимая папку к груди, Ферц развернулся на каблуках и шагнул к двери.

Там его уже ждал тот двуполосочник, что снаряжал магазины. Он смотрел на Ферца и щерил стальные зубы:

– Поступаю в ваше распоряжение, господин крют кафер, – отрапортовал с металлическим клянцаньем железнозубый. – Унтекифер, господин крют кафер.

– Господин штандарт кафер, машина приведена в рабочее состояние и готова к проведению калибровки! – бойко отрапортовали сзади.

– Приступайте.

Последнее, что видел в кают-компании Ферц, – выкаченные белые глаза вестового, которого техники общими усилиями устраивали поудобнее в сложной системе ремней и держателей пыточной машины.

– Катер нас ждет, – сказал Унтекифер. – Госпо...

– Проще, – махнул папкой Ферц.

– Так точно, Ферц, – железнозубый подхватил две сумки с амуницией и пошел вперед, весьма ловко перебираясь из отсека в отсек со столь громоздкой ношей.

Из-за двери донесся истошный крик, перешел в звериный вой и оборвался. Ферц двинулся вслед за Унтекифером. Идти пришлось недолго. Унтекифер провел Ферца по кратчайшему пути через только ему ведомые шхеры флагманского дасбута.

– Кто еще идет с нами? – спросил Ферц в спину железнозубого.

– Фехлер – радистом.

– Ты его знаешь?

– Пару раз ходили в одной связке. Надежное мясо, – Унтеркифер повернул голову к Ферцу и привычно ослабил.

– А ты?

– Что я?

– Надежное мясо?

Унтеркифер клацнул зубами:

– Чересчур костляв. Но таких, как Наваха, за завтраком парочку разгрызаю.

– Был с ним знаком?

Тамбур-шлюз распахнулся, и они оказались перед трапом.

– Нет, не был. Где они – адмиралтейские крысы, и где мы – крысы подводные, – Унтеркифер ухватился за перекладыны, но подниматься не стал, а сделал какое-то странное движение головой, отчего рот растянулся точно резиновый, кожа лица собралась складками, как маска, готовая сползти с черепа, сверкнула сталь, и вот уже Ферц держит в руке вырванный из трапа кусок металлокерамики.

Унтеркифер двумя пальцами вправил челюсть, пошевелил подбородком, убеждаясь, что механизм встал на свое место.

– Дайте мне приказ, и я прогрызу мир насквозь, кехертфлакш, – залихватски подмигнул железнозубый.

Ферц постучал куском перекладыны по переборке, удостовераясь, что здесь обошлось без фокусов.

– И еще, Ферц, – сказал Унтеркифер. – Раз меня поставили с тобой в одну связку, то дело с этим Навахом смердит как тысяча дохлых дервалей. Даже как две тысячи дохлых дервалей.

Фехлер сидел на корточках на палубе, курил и смотрела на катер, где сутились пара моряков, готовясь к отплытию. Увидев Ферца и Унтеркифера, радист сделал глубокую затяжку, отчего “Марш Дансельреха” вспыхнул десятком разлетающихся искр.

Ферц оглядел радиста, увешанного сушеными побрякушками, уставился тому в район переносицы и неумело-ласковым тоном поинтересовался, довольно скверно копируя неподражаемого Зевзера:

– Сколько раз Блошланг проходил, моряк?

Радист немедленно вспотел:

– Ни разу, господин крюс кафер!

Ферц взял за нос одну из сушеных голов с особенно мерзким оскалом, поводил ею из стороны в стороны, точно ожидая, что кусок мертвечины все же соизволит перестать корчить гнилую плоть и примет подобающее испуганное выражение, какое и положено иметь поверженному врагу при виде торжествующего имперского моряка.

– Хорош, а, Унтеркифер?

– Так точно, господин крюс кафер. Красавчик.

Ферц взгляделся в мертвую рожу и с деланным изумлением произнес:

– А ведь я его знаю! Точно, знаю. Бронетех-мастер группы “Огненная голова” Беггатун-сорганхинтерлиб собственной персоной. Храбрец, хоть и солдат! – Ферц выпрямился, щелкнул каблуками и отдал честь.

Ошеломленный радист как величайшую драгоценность держал на вытянутых руках сушеную голову бронетех-мастера, пока Ферц стоял перед ним на вытяжку, мыча государственный гимн Дансельреха.

Закончив с почестями, Ферц с кровожадной задумчивостью посмотрел на радиста:

– Что будем делать, моряк?

– Захоронить в пучине с торжественным залпом из табельного оружия, – предложил Унтеркифер.

– Он хоть и “Огненная голова”, но солдат, сухопутная крыса, – резко ответил Ферц.

– Тогда предать земле. С коротким залпом из табельного оружия.

Радист, выпучив глаза и раскрыв рот, смотрел на совещающихся. Мерзкая ухмылка бронетех-мастера стала еще омерзительней.

– У нас задание, моряк, – соизволил напомнить господин крюс кафер. – А мы не похоронная команда. Жри! – рявкнул Ферц.

– Так точно, господин крюс кафер! – рявкнул в ответ Фехлер, то тут смысл приказа дошел до радиста. – Осме...

Ферц протянул руку и ухватил Фехлера пальцами за кадык:

– Приказ понятен, моряк?

– Так точно, господин крюс кафер, – еле слышно просипел радист. Голова бронетех-мастера подрагивала в его руках, точно заходила в мерзейшем смехе.

Сжимая крепче пальцы, Ферц пристально вглядывался в глаза Фехлера и, наконец, дождавшись нужного ему выражения, ослабил хватку.

– Я слышал, в Южных морях живут вырожденки, которые считают, что пожирая тело отважного врага, они становятся такими же храбрыми, – сказал Унтеркифер.

Ферц отпустил радиста:

– В таком случае, моряк, тебе повезло. Бронетех-мастер был достойным врагом. На его счету не один сожженный десант. Хитрый был засранец. Сколько людей пришлось положить, прежде чем заполучить его башку!

Фехлер вцепился в почерневшую губу бронетех-мастера.

– Дело у нас пойдет, моряк, – одобрительно похлопал радиста по плечу Ферц. – Набирайся отваги.

Унтеркифер скинул амуницию в катер и спустился вслед за Ферцем. Учитывая сложность и срочность задания, командование расщедрилось на редкостную рухлядь – катер чем-то напоминал высушенную голову бронетех-мастера – не формой, конечно-же, но гнилым видом. Глубокие язвы ржавчины покрывали корпус, защитная броня зияла множеством сквозных отверстий, а пробковое покрытие палубы, судя по всему, неоднократно горело, прогоркло воняя теперь напалмом и крошась под подошвами ботинок. Резкий свинцовый привкус ядерного движка казался незначительной мелочью.

Ферц посмотрел на дозиметр и достал из кармана пузырек с таблетками. Горечь настроение не улучшила.

– Этот танк плавать умеет, моряк? – спросил Унтеркифер моториста.

– Да кто его знает, господин кафер, нас только сегодня сюда прикомандировали.

– Три тысячи дохлых дервалей! – Унтеркифер посмотрел на мрачно жующего таблетки Ферца. Щелкнул стальными челюстями.

– Давай карту, – сказал Ферц и сплюнул за борт.

Они спустились в каюту вместе с рулевым, расстелили кроки с прихотливым узором туска и какое-то время молча их созерцали – вот центр мира, вот Блошланг, который гигантской петлей выходит за пределы Дансельреха, чтобы затем вернуться в точку перегиба, обрушивая поток уже по ту сторону Флакша. А в перегибе суша и воды перемешивались в кехертфлакш знает что, неопрятными лохмотьями больше напоминая перегнившую плоть, где не существовало выверенных фарватеров, и приходилось с большой осторожностью двигаться по узким и широким каналам между полосками земли.

– Последний сигнал от группы пришел вот отсюда, – показал Унтеркифер. – Похоже здесь они и попали в засаду. Искать нужно рядом.

– Его могли утащить куда угодно, кехертфлакш, – Ферц похлопал папкой по столу.

– Не могли, – сказал Унтеркифер. – Он здесь.

Ферц посмотрел на железнозубого, но задал совсем другой вопрос:

– Сколько туда нужно добираться?

– Сутки.

– Путь в один конец.

– Как обычно.

– Кехертфлакш!

– Четыре тысячи тухлых дервалей, – согласился Унтеркифер.

Ферц прижал пальцами веки, всматриваясь в темноту, отпустил, потер виски.

– Если бы приказ исходил не от Зевзера...

Унтеркифер щелкнул челюстями, ослабил, обнажив стальные клыки:

– Но приказ исходит от Зевзера, господин крюс кафер.

– Ладно, отправляемся.

Унтеркифер сложил карту и вышел, а Ферц остался сидеть, рассеяно перелистывая вместилище документов. Глаза скользили по извивающимся буквам, но те извивались столь отвратительно, точно попав под лучевой удар, и мозг отказывался извлекать из обреченных уродцев хоть каплю смысла. Рыхлая бумага официальных бланков и доносов, рапорты топтунов и отчеты соглядатаев – вехи человеческой жизни, обреченной на неминуемую забвение. Сколько бы таких вот бумажек не копилось в архивах Адмиралтейства, но ни одна сволочь не вспомнит...

Ферц потряс головой. О чем это он? Тянуло проблеваться – горечь засела в горле.

Зашумела турбина. Катер затрясся мелкой дрожью. Каюта наполнилась гулом. Папка начала сползать к краю, и Ферц еле успел ее подхватить. Хотелось подремать, но нечего и думать прикорнуть внутри этого камнедробительного агрегата. Оскользываясь на трясущихся ступеньках трапа, господин крюс кафер выбрался на палубу.

Они медленно двигались вдоль флагманского дасбута, их сопровождали слепящими прожекторами. Гладкий белесый бок блестел как туша дерваля, поднявшегося из бездны и заснувшего на поверхности черных вод.

Ферц надел очки и увидел бредущего по палубе древнего копхунда, чье тело покрывали редкие клочки шерсти. Он раскачивал огромной башкой из стороны в сторону, а задние ноги его подкашивались, но тварь упрямо пробиралась по выступам ракетных шахт и катапульт.

Ферц пнул оставленные на палубе сумки, присел на корточки, расстегнул пуговицы и вытащил первую попавшуюся машинку. Привел ее в боевое состояние, отщелкнул оптику, заглянул в глазок. Перекрестье нащупало огромный круглый глаз копхунда, из черноты которого всплывало беловатое пятно бельма. Ферц выстрелил, и башка твари взорвалась темным фонтаном. Обезглавленное тело отлетело куда-то вглубь палубы.

Господин крюс кафер заложил машинку за плечи, крепче ухватился за ствол и приклад, потянулся. Желание убить кого-нибудь еще слегка отпустило. Ферц посмотрел на Фехлера. Тот сидел на палубе, прижавшись спиной к бортику. Радист равнодушно жевал длинную полоску дубленой кожи.

– Больше жизни! – подбодрил его Ферц. – Смелость бронетех-мастера пребудет с тобой!

Катер обогнул нос флагманского дасбута и погрузился во влажную глинистую тьму. Сверху потекло – из антрацитовых бездн туска спадали полотнища воды. Струи, потоки и водопады, перехлестывали через края каналов и срывались вниз. Они разбивались о стальной навес, прикрывающий палубу катера от носа до кормы, заключая пылящую посудину в непроливаемый кокон.

Унтеркифер стоял рядом с рулевым и всматривался в навигационный экран, усыпанный блестками дасбутов и еле заметной пылью перемещающихся между ними катеров.

Вода затекала под козырек навеса и по ржавым руслам устремлялась к дренажным решеткам. Ферц натянул капюшон.

– Как в Стромданге, – оскалился Унтеркифер.

– Так точно, господин кафер, – немедленно отозвался промороженным голосом рулевой и даже сделал попытку встать по стойке смирно и щелкнуть каблуками разбухших от влаги ботинок. Унтеркифер времени на воспитательную работу не жалел.

– Ходил в походы?

– Никак нет, господин кафер!

– Штурвал держи, моряк, – лязгнул Унтеркифер. – Слышал, Ферц?

– Ты о чем?

– Необстрелянное мясо нам с тобой нагрузили.

– Мясо оно и есть мясо.

– Не скажи, крют кафер. Вот было у нас дело...

Продолжить Унтеркифер не успел – где-то наверху вспыхнул ослепительный свет, и мир замер. Застыли потоки воды. Воздух приобрел леденящую прозрачность, взгляд потерял спасительную опору вязкой тьмы и соскользнул вниз по чаше бухты к бледным тушам дасбутов, как никогда похожих на стаю разомлевших от кормления дервалей. А откуда-то сверху ниспало сияние, в расплывчатой белизне которого различались темные червоточины.

По червоточинам скатывались яркие шары, выдавливались на поверхность сияния, отрывались, набирал скорость, превращаясь в тонкие прочерки молний, и впивались в тела дасбутов. Навстречу им устремлялись огни перехватчиков, и там, где встречи все таки происходили, беззвучно расплывались черные пятна.

Ферц видел, как корпуса дасбутов содрогались от попаданий, как в палубах возникали страшные прободения, откуда фонтанировали огонь и дым, но молнии продолжали впиваться в избранные жертвы, все глубже вбивая их в воду.

Тяжелый гул взрывов продавил вязкое тело тишины. Обжигающий ветер лизнул борт катера, и тот мгновенно окутался едким паром. Маслянистая гладь бухты с треском порвалась, принимая в чрево обломки перехватчика. Волна ударила в днище, катер нырнул носом, принимая порцию ледяной воды.

Ферца опрокинуло на спину, поволокло, но он успел ухватиться за выступ палубы. Фехлер с залитым кровью лицом держался за поручни, все еще сжимая зубами кусок высушенной плоти господина бронетех-мастера.

– Так держать! – свирепо лязгнул сквозь грохот взрывов Унтеркифер. – Кехертфлакш!

Катер завалился на правый борт, словно специально открывая Ферцу вид на ужасающее зрелище – взрыв дасбута.

Он взорвался весь и сразу – от носа до кормы, вместе с клубами огня и дыма выплевывая металлические внутренности – раскаленные ошметки палуб, трапов, люков, труб – то искореженные до неузнаваемости, то странным образом уцелевшие почти до полной неприкосновенности. Обе рубки с неповоротливостью ракет оседлали могучую волну пламени, приподнялись над вывернутым наизнанку корпусом дасбута, но потеряли равновесие, накренились и вновь опрокинулись в бушующий огненный шторм.

Черный смерч дыма потянулся вверх, обволакивая зону перегиба липкими щупальцами, делая видимым спутанный клубок полос земли и водных потоков, которые парили в вышине без всякой опоры, закручиваясь вокруг колоссального столба Стромданга, что расширяющимся основанием уходил по ту сторону мира, а вершина его терялась в мареве чудовищной рефракции.

Ударная волна хлестнула катер, тот нехотя перевалился на другой борт. Стылый язык вновь облизнул Ферца с ног до головы, ухватился крепко за лодыжки, дернул, а когда ладони уже почти соскользнули с перил, хватка ослабела, и катер выровнялся.

Свинцовый привкус в воздухе стремительно усиливался. Казалось, лижешь аккумуляторные решетки, вот только дозиметр от подобного занятия отнюдь не примет столь угрожающий цвет. Не вставая с палубы, Ферц достал из кармана флакончик и вытряхнул в рот еще порцию таблеток.

– Все на месте? – просипел он от сводящей горло горечи.

– Все, – лязгнул Унтеркифер.

– Фехлер!

– Здесь, – подтвердил радист.

Откинулся люк в машинное отделение и оттуда показалась голова моториста, вся в глубоких ссадинах и графитовой смазке.

– Что случилось?

– В ходе коварного нападения материковых выродков героически погиб один из дасбутов Группы флотов “Ц” Дансельреха, – Ферц встал, выпрямился – ладони на бедрах, локти слегка растопырены, подбородок смотрит слегка вверх. Щелчок каблуками с одновременным прижатием двух пальцев левой руки ко лбу – последняя дань уважения погибшим морякам.

Моторист тоже козырнул, насколько позволял люк, и исчез в машинном отделении.

– Фехлер, срочно нужна связь с Зевзером, – приказал Ферц.

– Задание останется в силе, – сказал Унтеркифер. – Не стоит беспокоить господина штандарт кафера по пустякам. Моя рекомендация.

Ферц усталился на Унтеркфира, но тот в ответ еще больше растянул губы, так и не разжав их. Зверская гримаса должна была изображать миролюбивую улыбку, догадался господин крюс кафера.

– Радист, ты слышал приказ? – Ферц опустил руку на кобуру.

– Радист, господин крюс кафер отменяет свой приказ, – проскрежетал Унтеркифер.

Из каюты выбрался копхунд – огромная молодая тварь, чьи круглые глаза мрачно отражали багровый свет пожара. Тварь пошевелила полукруглыми ушами, наморщила лоб и растянула губы, точно пытаясь скопировать ухмылку Унтеркифера. Громадные клыки не уступали стальным челюстям кафера. Зверь процокал к правому борту, положил огромную голову на бортик и замер неподвижно непреодолимой преградой между Ферцем и Унтеркифером.

– Что за... Кехертфлакш! – железнозубый оттянул пальцем ворот комбинезона.

Ферц почти нежно схватил Унтеркифера из-за спины, двумя пальцами впившись тому в глаза, а кортиком подцепив челюстное крепление. Кефер попытался дернуться, но так и не нащупал изъяна в блоке. Пальцы еще глубже втиснулись во впадины, готовясь выдавить глазные яблоки. Ферц повернул кортик, и стальная челюсть с противным хлопаньем выскочила из гнезда. Тросики и шестеренки натяжения заклинило, отчего весь механизм неловко перекосило. Унтеркифер застонал.

Катер продолжал взбираться по чаше бухты, оставляя внизу озаренные багровым пламенем дасбуты. Из-за чудовищных астигматизмов в точке перегиба особых подробностей разглядеть не удавалось. Двигались какие-то темные и светлые пятна, нечто обрушивалось вниз или наоборот – взлетало вверх, но копхунд продолжал в полной неподвижности созерцать происходящее, будто и впрямь мог проникать взором сквозь оптические флуктуации туска.

– Что ты знаешь такого, чего не знаю я? – прошептал зловеще Ферц на ухо Унтеркиферу.

Лишенный возможности хоть что-то произнести членораздельно Унтеркифер замычал.

– Не хочешь говорить? – с деланным сожалением уточнил господин крюс кафера.

Оставалось сделать крохотное движение – сущую мелочь, вполне вместившуюся в мгновение, а то и в полмгновения, но Ферц не успел. Он даже не заметил никакого движения – вот он только что стоял, готовясь удавить Унтеркифера, а вот теперь лежит на палубе, прижатый лапой копхунда, чья пасть широко разявилась, готовясь сомкнуться на лице господина крюс кафера.

Рядом присел Унтеркифер, ножом и пальцами помогая стальным челюстям вернуться на свое место. Надсадно выл моторчик, звенели тяги. Под глазами кафера расплывались темные пятна. По подбородку стекала кровь.

Глава четвертая

Лес

Языки огня лизали веточку с нанизанными ядовитыми грибами. Сворден Ферц осторожно взял пальцами импровизированный шампур и понюхал ярко-оранжевые шляпки, похожие на мясистые тушки какого-то местного зверька.

– Будете это кушать? – растерянно спросила Шакти. Она сидела перед компактной полевой кухней и ждала завершения цикла. Должна была получиться гречневая каша с мясом.

– Мы все это будем кушать, – хохотнул Наваха, тряхнув длинными до плеч волосами. – Закон местного гостеприимства – накорми гостя до отвала поганками.

– Если их хорошо прожарить, то вполне можно есть, – вежливо сказал Кудесник. С его плеча вспорхнула колченогая птаха, неловко махнула растрепанными крыльями и уселась на палочку с жареными грибами прямо перед лицом Свордена Ферца.

– Брысь, птица, – Сворден Ферц дунул на это нелепое существо, но птаха еще крепче вцепилась в палочку, нахохлилась, недовольно зыркнула бусинами глаз и клюнула один из грибов.

Лишь Планета ничего не сказал, неподвижно всматриваясь в костер. По его черным очкам-консервам и лысине перекатывались багровые отсветы. Он смахивал на идола, которого местные аборигены вытесали из громадного сухого куска дерева и вкопали здесь, на поляне, для пущей грозности обрядив его в валявшиеся по всему лесу остатки военной амуниции – следы некогда сгинувшей армии.

Птаха вцепилась клювом в гриб, лапки ее разжались, и она повисла на веточке, махая крыльями. От неожиданности Сворден Ферц чуть не выпустил шампур. Гриб разломился, и птаха с добычей все так же неуклюже вернулась на плечо Кудесника. Тот приоткрыл рот, принимая половинку трофея, пожевал, проглотил.

– Отравы еще многовато, – вежливо высказал свое мнение и соорудил такую уморительную рожу, что все со смеху покатались. Кроме Планеты, конечно же, на которого чары Кудесника никак не действовали.

Мировой свет окончательно угас. Между деревьев там и тут разгорались светильники, разбавляя мрак ночи сиянием розовых нераскрывшихся бутонов. Один из таких светильников вырос на поляне среди нагромождений взорванного давным-давно бункера, чьи огромные блоки с торчащими во все стороны арматурины покрылись плотным одеялом мха.

– Похож на фонарный столб, – сказала тогда Шакти, когда они только вышли на эту поляну.

– Кто похож? – не понял Наваха.

– Он еще и светится, – объяснил Сворден Ферц. – Вон, видишь бутон на самом верху? Там и светится. Сильнейший люминофор.

Теперь же светильник и впрямь еще больше походил на старинный фонарный столб. По странной случайности эти растения образовали ровные ряды, и казалось, что от поляны, где разместилась экспедиция, расходятся узенькие улочки, быстро теряясь в гуще леса.

– Здесь, наверное, когда-то был город... – тихо сказала Шакти.

Сворден Ферц достал из мятой пачки сигарету, прикурил от уголька. В рассеянном свете ночи дымок приобрел неожиданно ярко-розовый оттенок. Грибы уже скворчали, топорщились, будто живые.

– Вряд ли, – сказал Наваха.

– Что – вряд ли? – Шакти не поднимая глаз следила за полевой кухней. Устройство, в искусственном желудке которого путем сложных реакций и готовилась каша, никаких запахов не испускало, лишь бодро подмигивало огоньками.

– Не было здесь никакого города. Это очень древний лес.

– А руины?

– Беспорядочное нагромождение камней, – поправил Нава, почти дословно процитировав отчет предыдущей полевой партии.

– А вы как думаете... Кудесник? – Шаки немного запнулась, все еще не привыкнув к колоритной личности аборигена.

Кудесник задумчиво продолжал пережевывать гриб, пока обеспокоенная птаха не долбанула его по мочке уха. Тот встрепенулся, отвел пальчиком птаху подальше от уха.

– Если вы этого хотите, то город обязательно отыщется, – улыбнулся абориген, демонстрируя редкие зубы.

– Что вы имеете в виду?

– Мир создан так, чтобы в нем могли появиться люди. Люди создают мир так, чтобы сделать возможным в нем свое появление.

– Не понимаю, – растерялась Шаки. – Какая-то странная логика.

– Антропный принцип, – пробурчал Планета. – Неужели не слышала?

Сворден Ферц стряхнул пепел в костерок, принялся. Грибы на подходе – пара минут и от яда ничего не останется.

– Я слышала об антропном принципе, – почти съязвила Шаки. – Но он звучал как-то по иному. И причем тут вообще это принцип?

– А тебя никогда не удивляло, что восемьдесят три процента открытых нами рас относятся к тому же гуманоидному фенотипу, что и мы? – спросил Нава. – Почему вселенная устроена так, чтобы в ней появились мы и похожие на нас разумные существа, с которыми мы можем достигнуть взаимопонимания?

– Но ведь есть еще семнадцать процентов рас совершенно иного фенотипа? Поэтому не надо думать, что вселенная крутится только вокруг нас!

– Это вполне укладывается статистическую погрешность. Да и отсутствие возможности контакта с негуманоидами еще окончательно не доказано ни теорией, ни практикой. Если наше существование определяется одними и теми же фундаментальными законами, то и в сфере сознания...

Спор приобрел глубоко специализированный характер. Даже Кудесник откровенно заскучал от такого обилия узкоспецифических терминов из самых дремучих дебрей высшей ксенологии.

– Пустынные варвары говорят, что на границе леса водится необычный зверь, – Кудесник говорил очень тихо, почти шепотом, но каждому из сидящих на поляне казалось, что тот шепчет ему прямо на ухо. Чудилось, закрой глаза и почувствуешь горячее дыхание аборигена. – Его называют Тот, Которого Не Видно. Очень древний зверь. Он живет с тех времен, когда мир еще не свернулся вокруг мирового света. Он настолько древний, что у ныне живущих нет таких глаз, чтобы увидеть его, и нет такого носа, чтобы унюхать его, и нет таких ушей, чтобы услышать его, и нет таких рук, чтобы нащупать его. Но и этот зверь не обладает такими глазами, чтобы увидеть нас, таким нюхом, чтобы учуять нас, таким слухом, чтобы услышать нас, такими лапами, чтобы нащупать нас. Ему кажется, что он бродит по пустыне и нет вокруг ничего, что может утолить его жажду и его голод. Он очень голоден. Очень. Но говорят, что все-таки найдется такой человек, который сможет узреть зверя...

Колдун замолчал. Надолго. Даже птаха, до того слушавшая его, склонив потешно голову набок, прикрыла глаза-бусины и закачалась в полудреме.

Планета продолжал смотреть к костер. В уголке рта его дымилась сигарета, хотя Сворден Ферц готов был поклясться – еще мгновение назад ее там не было. Нава точил самодельным костяным ножом палочку и бросал стружки в угасающий костерок. Стружки сворачивались в спирали и отчаянно дымилась. Огонь еле тлел, отплевывая в небо плотные клубы. И только

Шакти не отрываясь смотрела на Кудесника. С самого начала знакомства тот производил на нее гипнотическое воздействие.

– И... Что дальше?

– Как только человек увидит зверя, тогда и зверь увидит человека. И все умрут, ведь зверь очень-очень голоден, – улыбнулся Кудесник.

– Если вселенная – чей-то сон, то это сон человека, – кажется процитировал Планета.

– Каша готова, – сказала Шакти.

Как всегда Кудесник отказался от посуды и принял полагавшуюся ему порцию в ладонь, сложенную лодочкой. И здесь имелась еще одна загадка – помещалось туда удивительно много. Шакти опрокинула в подставленную руку два полных половника, прежде чем Кудесник сказал “Спасибо”, вернулся на свое местечко на замшелом валуне и принялся кушать, аккуратно направляя в рот гречку двумя деревянными щепочками. Кусочки мяса, которые он не ел, доставались птахе.

Сворден Ферц взял тарелку и понюхал. Для походной киберкухни пахло совсем не плохо. Шакти ухитрилась отрегулировать процесс так, что металлического привкуса, свойственного этим капризным устройствам, почти не чувствовалось.

– Вкусно, – сказал он. – Киберкухня сработала идеально. А вот у нас однажды был случай, когда в лагерь вместо полевой кухни забросили полевую стиральную машину.

– Это как? – поинтересовался Наваха.

– Сидели мы тогда на Расвунчоре, связь – отвратительная, сплошные флуктуации нейтринного поля, интендантская служба на ушах стоит, как всегда при первом десантировании, а у десятка голодных мужиков – только сублимированные полуфабрикаты и стиральная машина...

– И как же вы? – всплеснула руками Шакти.

– Пришлось готовить в стиральной машине, – пожал плечами Сворден Ферц. – Как оказалось, некоторые режимы стирки близки процессам варки и тушения. Ха, по первому разу получилось такое, что даже у нас аппетит пропал, но потом мы догадались отключить режим отжима и глажки.

– Не представляю, как такое возможно, – призналась Шакти, а Наваха ухмыльнулся.

– К концу второй недели опытным путем мы даже придумали несколько рецептиков – пальчики оближешь! – вошел в раж Сворден Ферц. – Как сейчас помню: “Мясо по-расвунчорски в режиме стирки цветного белья с отбеливателем”...

– У этой байки вот такая борода, – показал Планета.

– Так это выдумка? – грозно свела брови Шакти.

– Предание, – с трудом сдерживая смех поправил Наваха. – Старины глубокой.

Сворден Ферц виновато пошевелил носом.

– А я вам почти поверила, – с осуждением сказала Шакти.

Использованную посуду сунули в утилизатор и принялись укладываться. Свордену Ферцу выпало дежурить первому. Он закутался в одеяло от пронизывающего ветерка и уселся у костерка, подбрасывая в него щепочки и искоса поглядывая на пеленгатор. Где-то далеко-далеко в лесу нечто двигалось, вело обычную звериную ночную жизнь, но “золотой петушок” оставался спокоен, не обнаруживая в тайной возне леса угрозы для экспедиции.

Планета и Наваха уже спали, когда Шакти перестала ворочаться с боку на бок, сбросила с себя одеяло и села:

– Не могу заснуть.

– Бывает, – зевнул Сворден Ферц. – У нас есть снотворное...

– А куда делся Кудесник? – оглядела поляну Шакти.

– Пошел погулять. Подышать свежим воздухом.

– Тут где-то водоем.

Сворден Ферц принялся. Определенно пахло водой – не рекой, а ручейком или даже озерцом.

– Вон там.

– Отлично, – Шакти встала, разворошила короткие волосы руками. – Пойду окунусь.

Сворден Ферц поперхнулся, закашлялся, несколько раз ударил себя кулаком по груди, пытаясь избавиться от першения, пока Шакти не хлопнула его пару раз по спине.

– Спасибо... но... не... стоит...

– Экий вы скучный, – усмехнулась Шакти. – Дама изъявила желание ночного моциона, а кавалер не понял намека.

– Виноват-с, сударыня, одичали-с.

– Угостите этой вашей сигареткой, что ли.

Пришлось встать, достать пачку. Шакти внимательно осмотрела палочку, набитую мелко нарезанной сушеной травой, осторожно понюхала, поморщилась, взяла в рот.

– Если не хочешь... – начал было Сворден Ферц, но Шакти нетерпеливо защелкала пальцами. Пришлось дать прикурить.

Шакти затянулась и, даже не поперхнувшись, осторожно выпустила дымок в слабо фосфоресцирующее небо. Присела на корточки, зажала сигарету в зубах, протянула к костерку руки, словно пытаясь согреть их. Огонь робко осветил лицо с кокетливой родинкой на верхней губе, заплесал в серых глазах, окрасил выующиеся каштановые волосы багрянцем.

– Я думала моя карьера навсегда закончена, – сказала она очень тихо. Будто разговаривала сама с собой. – И всю оставшуюся жизнь проведу в музее, описывая артефакты внеземных культур.

– Почему? – Сворден Ферц присел рядом, ощутив тепло ее плеча.

Шакти помолчала, вытащила изо рта сигарету, повертела ею, словно размышляя – бросить ее в костер или докурить, снова сделала глубокую затяжку.

– А вы будто не знаете.

– Не знаю, – признался Сворден Ферц. – Ей богу, не знаю. Я здесь уже черт знает сколько времени, а тут ваша экспедиция как снег на голову. И все быстрее, и все впопыхах...

– Слышали об операции “Колыбель”? – прервала его Шакти.

– Н-нет, – мгновение поколебался Сворден Ферц. – И что за операция такая?

– А, неважно... Теперь уже все неважно, – бросив окурок в огонь, Шакти поднялась и пошла прочь. Туда, откуда пахло водой.

– По... – начал было Сворден Ферц, но осекся, так как на границе света и тени Шакти остановилась, стянула с себя всю одежду и шагнула вглубь леса.

Ничего не оставалось, как плюнуть, подхватить карабин, одеяло, скомканные майку, шорты и, напоследок пнув “золотого петушка”, отправиться вслед за женщиной.

Когда-то здесь взорвалось нечто очень мощное, оставив в земле огромную, идеально круглую воронку. Постепенно она заполнилась водой, искореженные деревья обросли мхом, как и вывороченные из земли громадные каменные блоки. Неохватные стволы вздымались вверх, переплетались ветвями, а с них к воде спускались лианы.

Свинцовый привкус почти не ощущался, но глыбы оказались горячими – даже сквозь подошву ботинок это ощущалось. В промежутках между блоками и кое-где вокруг озера виднелись каменные изваяния – не то абстрактные скульптуры, не то скульптурные абстракции.

– Я здесь, – помахала рукой Шакти почти с середины озерца. Мокрые волосы облепили голову, из воды виднелись бледные плечи, похожие на русалочки.

– Не замерзни, – проворчал Сворден Ферц, устрояясь на глыбе, которая краем скрывалась в озере.

– А тут вовсе и не холодно, а очень даже тепло.

– Ага.

– Окунись.

– Что-то не хочется.

Шакти засмеялась, нырнула и вынырнула почти у самых ног Свордена Ферца. Встала из воды во весь рост, встряхнула мокрыми волосами. Сворден Ферц отвел глаза, пытаясь сосредоточиться на рассматривании одной из нелепых статуй, напоминающей огромноголового зверя.

– Здешние девушки красивее?

Сворден Ферц пожал плечами:

– Н-нет... Наверное, нет...

– Почему?

– Загаженная биосфера... Война... Радиация... – перед мысленным взором вдруг возникло лицо аборигенки – той самой, первой – тощего, мосластого создания с пергаментной кожей, редкими волосиками и слезящимися глазами. Селедка, силой волшебного порошка и заклинания “мутабор” превращенная в подобие человека. – А ты его знаешь давно?

– Да, – она сразу поняла о ком идет речь. – Мы воспитывались в одном из корневых интернатов, у нас даже был один Учитель, пока...

– Пока...?

– Не важно. Уже ничего не важно... Ты быстро догадался.

Сворден Ферц не ответил, теперь не отрываясь разглядывая нелепую статую. Чем-то она его внезапно обеспокоила, и даже не обеспокоила, а окатила ледяным страхом. Он подтянул карабин поближе.

– Пожалуй, еще окунусь, – сказала Шакти.

– Одевайся, – как можно спокойнее попросил Сворден Ферц.

– Что?

– Одевайся, но не слишком торопись. Не делай резких движений, – господи, только бы она не начала задавать ненужных вопросов, а еще хуже – паниковать.

Теперь их разделяло только нагое женское тело. Тварь пока колебалась – нападать или нет, и Сворден Ферц чувствовал, что чаша весов голода, злобы, хищного инстинкта медленно перевешивает любопытство, опаску, осторожность огромноголового зверя. Позиция оказалась взаимно невыгодной – зверю предстояло еще вскочить на высокий валун, и уж оттуда совершить смертельный бросок, а вот Свордену Ферцу ужасно мешала Шакти, которая продолжала смотреть на него широко раскрытыми глазами, заслонив большую часть сектора стрельбы.

Сворден Ферц очень медленно поднял карабин и поудобнее устроил его у плеча. Шевельнул большим пальцем, включая автоматику, и пот еще обильнее проступил на лбу от количества обнаруженных целей. Они повсюду!

Шакти беззвучно шевельнула губами, словно хотела что-то сказать, но так и не смогла произнести ни единого звука. Дуло карабина почти упиралось ей в грудь, а у Свордена Ферца где-то на втором или даже на третьем уровне сознания вдруг возникла нелепая мысль, что здешние аборигенки не могут идти ни в какое сравнение с холеными плодами гедонистической цивилизации, как нельзя сопоставить жалкие, сморщенные, отвислые молочные железы с бесстыдно выпертыми сосками с этой вот упругостью, подтянутостью, аккуратностью и при всем том – целомудренностью крошечных намертий, предназначенных, кажется, лишь для эстетического наслаждения, а не для запихивания в жадно раззявленные рты уродливых порождений так называемой любви.

Шакти шагнула вперед. Теперь дуло карабина устроилось у нее на плече. Еще шаг, еще. И вот она прижимается к нему, руки смыкаются вокруг его талии, и Сворден Ферц, башней возвышающийся над хрупкой фигуркой, ощущает дрожь ее тела.

Это не возбуждение, нет. Скорее, ПРОбуждение. Запах чего-то полузабытого, но такого родного. Теплота и мягкость щедро выплескиваются на него, обволакивают влажным коконом. Дыхание далекого, но огромного мира, к которому он прикован физически и духовно пупо-

виной рождения. Зброшенный в пекло ада скиталец, вдруг ощутивший на щеке осторожное касание прохлады, возвещающей о скором конце его мук.

Близость женщины растворяет плотную накипь одиночества, размягчает коросту на кро-
воточащей душе, очищает от налета спасительного цинизма, врачует раны огрубевшего сердца. Он задыхается. Пот заливаает глаза. Руки сводит судорогой.

Озверевший мир, с которым он почти примирился, огрызающийся злой щенок, которого он тшил приручить, клоака пороков и грехов, где он увяз в безнадежье отыскать хоть кро-
шечный осколок драгоценности настоящего человека, мир, уничтоживший наивного гедони-
ста предательством и смертями, но взамен подаривший странное освобождение от пут и кан-
далов Высокой Теории Прививания, что беспощадно культивирует каждый росток души, этот мир вдруг начал подаваться, отчаянно скрипя, как несмазанный механизм, отступать, взмы-
вать куда-то вверх ветхой декорацией, где среди душных портьер когда-то и происходило чудо
преображения человека воспитанного, человека совестливого, человека заботливого, человека
сострадающего, человека, отягощенного еще тысячами и миллионами свойств, в просто чело-
века – без всяких свойств и коннотаций.

Оружие выскальзывает из рук и с глухим стуком падает на омшелый камень. Ладони
стискивают хрупкие плечи, еще теснее прижимая к себе эту мягкость, эту нежность, это тепло,
этот уют. Он глубже, еще глубже вдыхает свежий запах волос, приправленный медовым аро-
матом яркого солнца, чистого неба, луговых трав, и из него, помимо воли, рвется совсем уж
неожиданное, наивное и даже, быть может, жалкое:

– Мама... мама... мама...

– Да, мой колокольчик, да... – тихий шепот в ответ, принимающий его таким, каким он
когда-то был – наивным и чистым.

Подкашиваются ноги или сам он жаждет преклониться пред алтарем женщины, так долго
ждавшей своего блудного сына – скитальца по проклятым мирам, чьи кривые зеркала уже
почти примирили его с собственным искаженным отражением, почти заставили поверить –
именно таков он и есть – упырь, сосущий проклятую кровь из чумных больных во имя их же
выздоровления, но вместе с заразой лишаящий бессильных мира сего и самой жизни, превра-
щая в ходячих мертвецов, потому что чума и есть их единственный способ существования.

Ибо нет у них такого алтаря с нежной кожей, что шелком переливается под щекой, дви-
жущейся вниз, ибо нет у них таких сосцов, что двойней молодой серны пасутся между лили-
ями, ибо нет у них живота ее, что как круглая чаша, в котором не истощается амброзия, и нет
чрева ее – вороха пшеницы, обставленный лилиями, а есть только капище с нечистой, прыща-
вой кожей, грудью, похожей на выпотрошенные тушки с жесткими и бесплодными сосками,
торчащими как иссохшие сучки некогда плодоносящего дерева, впалым животом и выпираю-
щим крестцом проклятьем ожившей мумии, с бесстыдством лона, напоминающим опаленную,
треснувшую от жара землю...

Возвращались молча. Сворден Ферц все время оглядывался – ему казалось, что откуда-
то из-за деревьев за ним продолжают наблюдать огромноголовые звери с тускло желтеющими
круглыми глазами. Шакти растирала покрытые гусиной кожей предплечья. В лагере ничего не
изменилось – Планета и Навахи посапывали в своих мешках, а “золотой петушок” спокойно
перемигивался, подтверждая отсутствие какой-либо опасности.

– Там кто-то был? – неожиданно спросила Шакти. Она уже засунула ноги в спальник и
вытирала полотенцем волосы.

– Мне показалось... – неуверенно сказал Сворден Ферц. Черта с два – показалось! Но
пугать Шакти не хотелось. Огромноголовые твари. Целый выводок огромноголовых тварей.

– У него всегда хорошо получалось с собаками, – тихо и словно бы не к месту произнесла
Шакти. – Вообще со зверями. Но в приюте почти не было другой живности, только собаки,

одичавшие собаки... Они часто выходили из леса – какие-то огромные, страшные, четырехугольные. Шерсть клочками, клыки. Выходили и смотрели. На нас.

Хотелось курить. Ужасно хотелось курить. И еще – женщину. Любую. Пусть даже Селедку, но только бы избавиться от привкуса неловкости, от нелепого поклонения совершенному творению десятков тысячелетий горизонтального прогресса.

– Но щенки ничего не боялись. У них, наверное, еще не стерлась генетическая память о служении человеку. Они мохнатыми шариками катились к нашей детской площадке... Девчонки ужасно пугались, визжали, мальчишки пытались отогнать собак палками, и лишь он хотел с ними подружиться. Подкармливал котлетами, и сам оставался голодным. Трепал за уши и терпел их укусы... Его за это дразнили сукиным сыном... А он не обращал внимания. Он ни на кого не обращал внимания...

– Надо спать, – Сворден Ферц поворошил носком ботинка остывшие угольки. Тонкая струйка дыма устремила в бледно-молочное небо.

Шакти не ответила. Она уже спала, как-то ужасно неудобно съжившись почти на голой земле. Сворден Ферц подошел к ней, осторожно пригладил забавно торчащие во все стороны волосы, хотел кончиком пальца тронуть кокетливую родинку, но передумал, осторожно приподнял спящую и подтянул под нее спальник.

– Тот, Кто Охотится в Ночи и Пьет Кровь Своих Врагов, – сказал Кудесник. – У них здесь логово.

Планета взял планшет и постучал ногтем:

– Под нами огромные пустоты. Может они там и прячутся? Дьявол!

– Они очень опасны? – спросила Шакти, а Навахи хмыкнул.

– Что будем делать? – поинтересовался Сворден Ферц.

Планета задумчиво почесал лысый череп:

– Бросить все вот так на полпути... Scheiße!

– Так как они выглядят? – спросил Навахи.

– Похожи на собак, но с огромной головой и выпученными глазами, – терпеливо в который уже раз повторил Сворден Ферц.

– А может это и есть собаки? Местная разновидность? Собаки-мутанты?

– Они умеют разговаривать, – сказал Кудесник.

– Лаять? – повернулся к нему Планета.

– Разговаривать. По-человечески. Попадают такие твари, которые могут делать это почти как люди. Иногда они заманивают людей в лес, изображая из себя заблудившегося или раненого.

– Ерунда, – сказал Планета, не давая тягостной тишине ни мгновения на появление. – Местные попугаи. Имитируют человеческую речь, а дикарям кажется, что звери с ними разговаривают. Суеверия!

– Не знаю, что такое суеверия, – вежливо возразил Кудесник, – но предполагаю, что это такое ваше название для несуществующих вещей, в которые верят люди. Эти звери – не суеверие. И то, что они могут говорить, – тоже не суеверие. Не повторять слова за человеком, а говорить как человек.

Голос Кудесника оставался ровным, но птаха на его плече демонстрировала высшую степень раздражения – скакала туда-сюда, выдирала клочки шерсти из одежды, хватала за ухо хозяина, широко разевала клюв и клекотала.

– Новая разумная раса? – спросила Шакти.

– При обнаружении на планете любых следов разумной деятельности следует немедленно эвакуироваться, по возможности уничтожив все следы собственного там пребывания, – процитировал Навахи злополучное дополнение к Уставу. – Значит, эвакуация?

– Следов разумной деятельности большеголовых мы еще не обнаружили, – поправил Сворден Ферц. – И вряд ли обнаружим, кроме каких-нибудь нор.

– А может это – они? – вскинула голову Шакти.

– Кто – они? – Планета тяжело посмотрел на нее.

– Ну...

– Они не были собаками, – отрезал Планета.

– Насколько мне помнится, еще ничего не доказано... И вряд ли когда будет доказано, – поправил Наваха.

– Эти твари, к тому же, опасны, – сказала Шакти. – Они могут в любой момент напасть на нас...

Кудесник вдруг хохотнул, словно услышал нечто забавное. Птаха присела, растопырила крылья, вытянула шею и широко разинула клюв. Сворден Ферц никогда не видел как смеются птицы, но, наверное, они делают именно так.

– А что вы тогда почувствовали? – поинтересовался Наваха у Свордена Ферца.

– Сложно описать... Какой-то очень неясный эмоциональный фон. И злоба, и голод, и желание напасть, и... что-то еще... – Сворден Ферц бессильно защелкал пальцами, но не мог подобрать нужного слова.

– Зависть, – вдруг сказала Шакти. – Когда мы стояли обнявшись, в них вдруг появилась зависть.

– Хм... Может они вам завидовали, – пробурчал Планета.

– Вряд ли. Они ведь звери, они не могли в полной мере оценить эротические отношения представителей чуждой расы.

– Могли или не могли? – Планета живо обернулся к помрачневшему Навахе.

– Я не знаю какого рода эротическим отношениям стали свидетелями гипотетические представители неизвестной разумной расы, – сухо ответил Наваха.

Планета требовательно посмотрел на Свордена Ферца.

– Мы стояли... ну, почти обнявшись.

У Свордена Ферца возникло стойкое ощущение, что его помимо воли хотят затащить в какую-то весьма запутанную сеть взаимоотношений между Планетой, Шакти и Навахом. Причем, если Планета делал это почти открыто, Шакти играла на недомолвках и откровенно передергивала, то Наваха, изображая из себя нечто вроде уязвленной жертвы, на самом деле прекрасно понимал все ходы своих коллег. На мгновение Свордену Ферцу показалось, что каким-то чудом он перенесся в почти родную атмосферу Адмиралтейства со всеми его интригами, заговорами, временными союзами, полунамеками, подставами и провокациями, цена которым не только завоеванный статус, а сама жизнь.

Спектакль, вот что это. Выездное представление странствующей группы скоморохов, разъезжающих по невидимым фронтам борьбы за спрямление чужих исторических путей, прикрываясь легендой поиском сокровищ давным-давно сгинувшей сверхцивилизации.

Даже Кудесник, кажется, догадался. Ни разу в своей жизни не видевший спектаклей, представлений, концертов, он словно по капле воды узрел не только существование океанов, но и живность, населяющую их глубины. Вон как его птаха заходится.

– Мне нужен полный ноэматический разбор ваших переживаний, – вдруг хлопнул ладонями по голым коленкам Наваха. – Сворден, вы ведь владеете феноменологической методикой? Хотя бы по Прусту?

– Что-то такое помню, – неуверенно признался Сворден Ферц.

– Не беспокойтесь, я дам вам подробную инструкцию. А Шакти тогда займется разбором по Гуссерлю-Брентано. Как более подготовленная. У нас ведь будет время? – Наваха посмотрел на Планету.

Как оказалось, писать отчет об интроспекции следовало строго от руки – обычным стилем на обычной бумаге. Сворден Ферц покорно принял из рук Наваха то и другое, а вдобавок еще и отпечатанную таким же древним способом брошюру со скучным названием “Методические указания к осуществлению феноменологического Пруст-анализа нетипологических интенциональностей в полевых условиях”.

Усевшись под деревом и прислонившись спиной к грубой, морщинистой коре, он полистал методичку. Шакти пристроилась с другой стороны, и Сворден Ферц, продираясь сквозь дебри полевой феноменологии, слышал как она шуршит бумагами, как скрипит по листу отворачивательно сваренное стило, как написанное стирается, перечеркивается, вымарывается, а потом скомканный лист отлетает в сторону.

Белое, непаханное пространство лежащей на коленях бумаги пугало. Предстояло заполнить его сотнями слов, тысячами закорючек, запечатлеть в суждениях акты сознания, и даже не сознания, а души – мельчайшие флуктуации нескончаемого потока чувств, переживаний, которые захлестнули так, что заставили преклониться перед лоном, точно алтарем. Можно назвать это как угодно, хоть “анализом нетипологических интенциональностей”, но суть не менялась – предстоял тягостный стриптиз души, собственноручное глубокое ментоскопирование, выворачивание Я во имя сомнительного торжества полевой ксенологии.

Нужно сосредоточиться на главном, убеждал он себя. В конце концов, что такого необычного случилось? Такие вещи происходили от века и будут происходить во веки веков, аминь. Мужчина и женщина – что может быть зауряднее? Физическое тяготение тел при общем непротивлении душ. Разумная дань природному инстинкту продления рода в крайне неблагоприятных условиях.

Окажись на месте каштановокудрой красотки с кокетливой родинкой на верхней губе преклонных лет дама, высушенная до костей вредными испарениями внеземных культур, пришлось бы им сейчас двигаться прихотливыми путями похотливых структур сознания, счищая с нозыса-ноэмы впечатления мертвую шелуху суждений или торжество ксенологии было бы достигнуто менее жертвенно и не столь откровенно?

Кстати, почему именно она? Что могло не сработать в сложном механизме *Verbindungskommission*, чтобы вместо лучшего полевого специалиста-практика, не одну собаку съевшего на исследованиях материальных следов Вандереров, сюда попала серая мышка-кладовщица паноптикума вещей не выясненного назначения, а попросту говоря – материальных экскрементов декаднствующих цивилизаций, почти без остатка стертых из вселенских коллекторов рассеянной информации? К тому же имеющую самые нелестные характеристики по результатам участия в присно памятной операции “Колыбель”? И почему здесь они оказались вместе с Навахом? Что могло свести в крошечной точке вселенной давно разошедшиеся мировые линии их судеб? Случайность? Предопределенность, которая есть не что иное, как обращенная вспять все та же случайность?

Сворден Ферц посмотрел на поляну, где Навахи колдовали над инерциальным передатчиком, Планета лежал на земле, задрал ногу на ногу и покачивая тяжелым ботинком, а Кудесник чем-то подкармливал свою птаху. Не хватает только стяга с болтом – не дать, не взять – экспедиция Следопытов на привале.

Послышалось шуршание – Шакти перебралась поближе, почти коснувшись его локтем. Сворден Ферц подсмотрел – в отчете она продвинулась не дальше его.

– Не знаю, что писать, – призналась она. Постучала стилем по бумаге, пытаясь выправить его заусенцы. – Ужасное стило. Ужасная ситуация. У меня дар создавать ужасные ситуации. Если бы кто-то замыслил нечто ужасное, то без меня он не обошелся.

– Между вами... – начал было Сворден Ферц, но осекся, почувствовав как на него обрушился ледяной ветер. На какое-то неуловимое мгновение ему вдруг привиделась какая-то совсем уж невозможная картина – свинцовый расплав океана, пустынный берег с похожим на

пожелтевший зуб айсбергом, который вломился туда тысячи лет назад и так и намерен просто-
ять там еще тысячи лет, в унылой, жухлой дали возвышаются неприятные горы, над которыми
торчат нечто совсем уж невероятное – узкие, длинные хлысты, похожие на тараканы усы, если
можно вообразить себе такого колоссального таракана.

– Спрашивай, – Шакти выводила по бумаге линии. – Если хочешь...

Только она этого не хотела – Сворден Ферц ясно слышал как где-то глубоко внутри себя
она кричит: “Молчи! Прошу тебя – молчи!”

Навах оторвался от передатчика и посмотрел в их сторону. Сворден Ферц виновато опу-
стил очи долу. Навахи укоризненно покачал головой.

– Смешно, – сказала Шакти. – Смешно и мерзко. Во имя интересов человечества, про-
гресса науки и всеобщего счастья нужно рассказать – почему ты разделась догола на глазах
у мужчины. Почему завлекла его в лес, почему обнималась с ним... Если бы только расска-
зать... Нужно описать малейшие оттенки собственных переживаний, разложить их по полоч-
кам, классифицировать, налепить ярлыки. Как в музее. Холодным скальпелем разума препа-
рировать душу. Еще раз обнажиться. Перед всеми, а не перед тем, кого ты хочешь...

Больше она не произнесла ни слова, начав писать, зло и яростно покрывая бумагу плот-
ной вязью закорючек, отчеркивая наиболее важное и вымарывая второстепенное. Она словно
вступила в сражение с гораздо более сильным противником, поставив свой шанс победы не на
точный расчет, не на хитрость, а на отчаяние и безнадежность. Ее лоб и верхнюю губу покрыли
крохотные капельки пота. Заправленная за ухо прядь волос выбилась и свисала по щеке. Серые,
почти прозрачные глаза блестели, а в уголках собирались предательские слезы, которые при-
ходилось вытирать дрожащими пальцами.

Белобрысый сероглазый мальчуган присел напротив него и взял исписанные листы
бумаги. Нахмурился, зашевелил губами, читая про себя отчет.

– Плохо, очень плохо, – вынес вердикт, но затем, кажется, немного смягчился. – Вот это
хорошо – озеро, ночь, романтика, зорька, а все остальное – плохо. Как-то вяло, без огонька.

Мальчуган встал, вздохнул, потянулся, как после не слишком трудной, но весьма надо-
едливой работы, хлопнул по башке стоящего рядом зверя – еще очень молодого, не заматерев-
шего.

– А тебя-то кто просил вмешиваться, дурашка? – ласково спросил мальчуган.

– Мне... Мне... – зверь замылся, и Свордену Ферцу показалось, что таким образом тот
излагает свое, звериное мнение на зверином языке, но огромноголовое собакообразное вдруг
совершенно ясно произнесло с извиняющимися нотками:

– Мне показалось, так будет лучше. Незвестность сближает, маэстро.

Мальчуган передернул плечами и сунул зверю под нос пачку листов:

– Незвестность сближает, незвестность сближает, – передразнил он. – Найди хоть одно
подтверждение столь спорному тезису!

Зверь прищурил глаз, а другим посмотрел вверх. Могучие складки собрались на огром-
ном лбу. И внезапно до Свордена Ферца дошло, что зверь кривлялся. Даже умение говорить
этой невероятной твари произвело не такое сильное впечатление, как умение действовать в
том же эмоциональном поле, что и человек.

Ни одна из гуманоидных и уж тем более негуманоидных рас не обладала подобным уме-
нием: вот так, сразу устанавливает эмоциональное взаимопонимание – пожалуй, самое труд-
ное, что только может быть в Контакте. Если теорема Пифагора являлась вселенским инвари-
антом – своего рода опорой для cogito-Контакта, то для seel-Контакта подобных инвариантов
не существовало и существовать не могло. Но зверь легко преодолел пропасть.

– Маэстро, мы ведь только начали. Всегда есть возможность переиграть по новому.

Мальчуган взял зверя за нижнюю челюсть, пристально уставился в золотистые глаза. Зад-
ние лапы подвернулись, и зверь как-то неловко сел на траву.

– Уж не этого ли ты добиваешься, хитрюга?

Хитрюга потупился. Длинным языком облизал пересохший нос.

– Дай-ка подумать, – мальчуган перехватил зверя за маленькие уши, потряс из стороны в сторону. – Дай-ка подумать. Ага! Вот оно что! Собаки-то тебе чем не угодили? Миленькие одичавшие создания?

– Мерз-з-з-кие твари, – буквально прошипел зверь. В неуловимое мгновение он преобразился из хитрована-увальня в пышущего злобой хищника. Губы его растянулись, обнажая плотный ряд острейших зубов.

Но мальчуган несколько не испугался, наоборот – рассмеялся.

– Ну, ну, мелкий ревнивец. Разве тебе мало всемогущества? Вечных скитаний? Бесконечного веселья? А может тебя превратить в созвездие Гончего Пса? Пара пустяков! Посветишь с десяток миллиардов лет, на своей шкуре узнаешь вкус космологической постоянной.

– Не люблю я светиться, – буркнул зверь.

– Знаю, знаю, – махнул рукой мальчуган. – Вы любите быть с сильными, да? Человечество кстати подвернулось вам под лапу, и вы его охотно сопровождали по всей вселенной, пока не появились мы.

– А кто не хочет быть на стороне сильного? – пробормотал зверь и принялся вылизываться. – Съешь ты или съедят тебя.

– Глубокоуважаемый Псой Псоевич, да вы мыслитель! – покатился со смеху мальчишка. – Понабрался ума-разума в небесных сферах и хрустальных чертогах!

Зверь промолчал, лишь зыркнув из-под сморщенного лба.

– Утомительный уровень, – пожаловался мальчуган, обмахиваясь бумажками. – Постоянно забываешь ради чего вновь напялил личину. Ты не в обиде? Назначал встречи, назначал, а сам не приходил, не приходил. Слишком уж интересно в тех мирах. Мирах, – повторил он, склонив голову набок, словно пробуя слово на вкус. – Мирах... Ужасно бедный и блеклый язык. Все равно что объяснять тонкости квантовой механики по-неандертальски...

Зверь кашлянул, мальчишка прикрыл ладошкой рот:

– Прости-извини. Не хотел тебя обижать. Отвыкаешь от всех церемоний, от роскоши человеческого общения... – последние слова он произносил, едва сдерживая рвущийся наружу смех. На глазах аж слезы выступили.

– Нечего на рожу пенять, коли зеркало криво, – заявил глубокоуважаемый Псой Псоевич. – Демидур, сотвори себя сам.

– Ты еще про медведя вспомни с велосипедом, – посоветовал мальчуган. – И вообще – это наши внутренние дела. Сами откровенно разберемся.

– Маэстро, – зверь постучал лапой по земле. – Отвлекаетесь, маэстро, отвлекаетесь.

– Я думаю, думаю.

– Извините за мое собачье мнение, маэстро, но с самками вы что-то перемудрили. Вот у нас...

– Оставь свое собачье мнение при себе. И уволь от подробностей ваших брачных обрядов. Со своей мамой я разберусь как-нибудь сам.

– Зачем это вам, маэстро? Там! – зверь задрал морду вверх. – С вашими масштабами! Возрастом! Возможностями! А может вам сине-зеленые водоросли не нравятся? Давайте и их заодно переделаем. В буро-малиновые?

Мальчуган задумался.

– Глупость, конечно, – признался он. – Латать прошлое человека, которого лишь очень относительно можно назвать мной самим... Вновь и вновь возвращаться, мучая тех, кто еще помнит забавную гусеницу, которая давно превратилась в бабочку...

– И я о том же, – проникновенно сказал зверь.

Мальчуган уселся, скрестив ноги, еще раз полистал бумаги:

– Встреча в чуждом мире – хорошо, экспедиция к артефакту – хорошо, бывший дружок... хм... Хорошо или плохо? – почесал затылок. – Вспомнить бы... Или спросить? Ты как думаешь, глубокоуважаемый Псой Псоевич?

Зверь отвлекся от выкусывания свалевшихся клочков шерсти с лап и ядовито заметил:

– Она несомненно будет рада. Столетняя разлука как ничто другое укрепляет чувства. Но не тело.

Мальчуган аж передернулся, покраснел.

– Рип ван Винкль какой-то, – продолжал изливать порции желчи Псой Псоевич.

Мальчуган щелкнул пальцами, и зверь исчез. Растворился без следа.

– Утомительный уровень, – опять пожаловался мальчуган. – Эмоции, гармоны. Как я отвык от всего такого! Ты не обижайся, но это как если бы тебя вот сейчас в подгузнике, спеленутого по рукам и ногам снова засунуть в колыбель. И поить грудным молочком. И петь колыбельные. И заново учить говорить.

Он вернулся к бумагам, но тут же вновь отвлекся.

– И на Псою не обижайся. Зверь – он и в космологических масштабах зверь. Собственные тараканы в башке. Собаки ему, видите ли, не нравятся. Надо сделать так, чтобы они одичали! И чихать, что они с человеком вот уже сорок тысяч лет. Как пожилые в тепле сорок тысяч лет, так теперь и в лесу сорок тысяч лет проживут. Хи-хи. Управляемая эволюция! Сингулярный прогресс! Новая сигнальная! Скажу тебе по секрету – управлять эволюцией гораздо легче, чем заставить двух примитивных существ полюбить друг друга. Никто до меня не пытался. Да и зачем? Кому там, – мальчуган ткнул пальцем вверх, – может понадобится формула любви? Гравитация – это понятно. Слабое взаимодействие – тоже понятно. А вот любовь – непонятно. Но я добыю, добыю! – он стукнул кулаком по земле. – Вот увидишь, увидишь...

Сворден Ферц очнулся от того, что его трясли за плечо. Все тело задеревенело от неудобной позы, в которой и сморил сон. Перед ним сидела Шакти и внимательно рассматривала.

– Ты во сне слюни пускаешь, как маленький ребенок, – заявила она.

Подбородок и впрямь оказался мокрым.

Странное ощущение – словно из одного сна тут же, не просыпаясь, провалился в другой. Все вокруг заполняло мягкое желтоватое сияние. Пахло чем-то ужасно знакомым, но здесь абсолютно невообразимым – как если бы полуразложившийся труп благоухал ладаном.

– Похоже на янтарь, да? – Шакти наклонилась и погладила ладонью пол. Сворден Ферц отвел глаза от свободного выреза ее майки. – Предположение, в общем-то, подтверждается.

– Предположение? – он все никак не мог прийти в себя.

– Развалины – никакие не развалины, а сложный комплекс, возведенный предположительно Вандерерами, – Шакти приблизила лицо к лицу Свордена Ферца, словно собираясь сообщить ему что-то по секрету. Взяла его руку, приложила к груди, которая оказалась небольшой и поместилась в ладони. Сердце отчаянно стучало.

– Я не прошел кондиционирования, – пробормотал Сворден Ферц.

– Ну и что? – прошептала Шакти, почти касаясь губами его губ.

– Я могу тебя напугать... оскорбить...

– Все так запущено?

– Нет... Не в этом дело...

– С девяти лет я была вещью, меня не испугать сексуальными паттернами дикарей племени мумба-юмба.

– Какой вещью?

– Личной и исключительной. Но строптивой. Которую лупили почти каждый день...

Сворден Ферц сжал пальцы. Шакти прикусила губу. Он было ослабил хватку, но она затрясла головой:

– Нет... Продолжай...

- Это ненормально.
- Что устраивает двоих, вполне нормально... Я ведь была полной дурой... Строптивой дурой... Хотела освободиться... Я и сейчас дура...
- Почему?
- Разве можно новому любовнику рассказывать о старых? Лучше сделай со мной то, что здесь делают с аборигенками...
- Это будет больно и неприятно. Оскорбительно.
- Короткий смешок:
- Высокая Теория Прививания убила физическую любовь. Она много чего сгубила, но этого человечество ей точно не простит...
- О чем ты?
- Нельзя оставаться воспитанным в постели. Настоящая любовь всегда запретна. У тебя случалась запретная любовь?
- Нет.
- А я слышала, что некоторые из вас вступают в связь с аборигенками. Так романтично! Боги, спустившиеся с небес, чтобы устроить на свой лад жизнь примитивных народов, и рыже-кудрые красотки, делящие с ними постель, в надежде понести героическое потомство. Извечный миф.
- Тебе больно?
- Делай со мной все, что хочешь. Меня правильно воспитали. Назло учителям и докторам. Назло Высокой Теории Прививания. Только я это не сразу поняла. Мне казалось, что он испортил мою жизнь.
- Если не хочешь...
- Но тебе ведь надо знать.
- Надо?
- Разве ты теперь не женишься на мне?
- Злая шутка.
- Злая. Я вообще злая. С тех самых пор, как все открылось. По-дурачки. Набежали психотерапевты, наставники, охали, ахали, строчили диссертации, пичкали таблетками. А Учитель со мной ни разу с тех пор не заговорил. Представляешь? Я единственный человек в Ойкумене, который больше не имеет своего Учителя. Ох...
- Ты не кричишь.
- Да. Я доступная, но в постели нема как рыба. Легкое побочное действие терапии.
- А по-моему ты очень даже разговорчивая.
- Навет и диффамация. Утехи требуют тишины. Особенно здесь. В этом месте никто и никогда не занимался утехами.
- Откуда знаешь?
- Я же специалист по внеземным культурам. Забыл? Посредственный, конечно. Можно сказать, некудышный, но все же...
- Чересчур сурово.
- Зато справедливо. А ведь я во всем винила себя. Вот дура. Думала, что его сделали специалистом по спрямлению чужих исторических путей из-за меня. Сослали в космос. Сделали все, чтобы он никогда не вернулся. Хотя в нем с детства проклеывался зоопсихолог. Поэтому и собаки к нему липли. Дикие, страшные...
- Так ты за ним в космос полетела?
- Ага.
- Сумасшедшая.

– Вещь. Вещь не может обходиться без хозяина. Вещь решила стать космонавтом, разыскать его в Периферии, снова принадлежать ему. Самое смешное, что это ей почти удалось... К несчастью, некоторые мечты сбываются.

– И что?

– Короткая встреча на перекрестке дорог... Он учился орудовать мечом, чтобы успешнее спрямлять чьи-то там пути, а она готовилась к участию в очень гуманной, но опять же никому, кроме человечества, не нужной операции. Дура. Дура. Дура.

– ...

– Нет, молчи, – теплая ладонь прикрывает рот. – Ничего не говори. Когда женщина рассказывает о старых любовниках, новым лучше помолчать... Заткнуться... Как сейчас помню тот день... Величайшие дюны во вселенной. Океан. И он. Бог. Властелин того мира, который навеки сгинул. Первое, что увидела вещь, – он так и не вывел шрам. Самое яркое воспоминание – он, еще мальчишка, стоит бледный, из вспоротой костяным ножом руки хлещет кровь, а он улыбается и спрашивает: “А теперь?” И представляешь, вещи стало приятно. Нет, не так. Вещь вдруг ощутила, что она – вещь. Во веки веков. Она вновь обрела смысл собственного существования. Хозяин вправе поменять вещь, но вот сама вещь не в состоянии поменять хозяина...

– ...

– Я же сказала – молчи. Хозяин вправе... Но вещь опоздала. Из хозяина сделали блестящего специалиста по спрямлению чужих исторических путей, но некудышного спрямителя своей собственной судьбы. Одной ногой он уже был там – в темном, грязном, зачумленном мире, он даже с дурацкими мечами не расставался, таскал их повсюду. И его совершенно не интересовали выброшенные вещи... Он же не антиквар, ха-ха-ха. Даже любовником он оказался посредственным... Видишь, какая я стерва? Но уж лучше быть стервой, чем ненужной вещью.

– ...

– В результате вышло как вышло. Брошенная вещь почти провалила важнейшую операцию человечества, и ее запихнули подальше – к таким же выброшенным вещам так и не понятого назначения, где она бы и прозябала до своего полного износа, если бы не чудо... Хотя, почему чудо? Параграф музейного устава, гласящий, что музейные экспонаты не выдаются никому, даже господу богу, на руки, и если кто-то, даже господь бог, пожелает с ними поработать, то для этого ему придется явиться в музей, продемонстрировать соответствующий уровень компетенции и получить в свое полное распоряжение необходимую аппаратуру, интересующий его экспонат и любые консультации специалистов. И небольшое примечание: в случае необходимости вывоза экспоната в место своего бывшего местонахождения, музей готов рассмотреть прошение о его выдаче, если соответствующая необходимость будет веско мотивирована, и обеспечить его сопровождение музейными специалистами. Вот это и есть чудо...

Странные тени чудились внутри стен, светящихся тусклым золотом окаменевшей смолы. Словно и здесь миллионы лет назад неведомые создания увязли в субстанции колоссального строительства, что развернули неведомые чудовища во имя неведомой цели. Увязли, оцепнели, окаменели ценными мушками, пялясь мертвыми фасеточными глазами в пустоту времен, что протекли с тех пор, когда в здешних коридорах вновь появились разумные существа.

– Очень похоже на брошенные приполярные города, – сказал Навах.

– Похоже, да не совсем, – Планета присвистнул. – Отсюда они ничего не успели демонтировать. Можно прибавить свет?

– Да, конечно, – Навах ткнул клавишу, и пронизывающее сияние заиграло на потеках и гранях.

– Мы живем во тьме, иначе нам был бы не нужен свет, – пробормотал Планета.

Иллюзия пустоты исчезла. Странное ощущение, но казалось, что свечение ламп медленно впитывается в губчатую поверхность множеством ручейков, которые сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее растекаются по древним, пересохшим световым руслам, заполняя до того невидимые полости и каверны, распадаясь на сверхчистые радужные потоки, чтобы затем причудливо перемешиваться попарно, по три, по четыре, создавая бесчисленные вариации цветов и оттенков на зависть художнику-хроматисту, а в конце концов все-таки опять слиться в тончайшие нити ослепляющего белого света – точно координатные линии, нанесенные на псевдосферу наглядной демонстрации аксиом неевклидовой геометрии.

– Потрясающе! – только и смог промолвить Навах, сжимая кулаки так, что ногти почти до крови впивались в ладони. – Жаль, Кудесник отказался сюда спустаться!

– Кудеснику кудесниково, а Наваху навахово, – усмехнулся Планета.

Навах не обратил на слова Планеты никакого внимания. Он был потрясен. Он был очарован. Ему вдруг показалось, что каким-то чудом оказался за кулисой вселенной и вместо примитивного и унылого механизма, творящего поддельные чудеса на сцене, вдруг узрел если не самого творца, то зримые следы его подлинного присутствия. Ему хотелось все потрогать, ко всему прикоснуться, точно маленькому ребенку. Ему внезапно захотелось нарушить царящую здесь тишину совсем уж несурзанным криком: “Счастья! Всем! Даром! И пусть никто не уйдет обиженным!”

Навах повернулся к Планете, и тот увидел, что щеки специалиста по спрямлению чужих исторических путей, железного человека, мастера скрадывания и имперсонации мокры от слез, как у расчувствовавшейся барышни:

– У меня совершенно дурацкое ощущение, будто я вернулся домой, – он положил руку на сердце. – Чудовищный приступ ностальгии... Никогда и нигде не испытывал ностальгии, но это, наверное, она и есть...

Планета внимательно всматривался в лицо Наваха.

– Я ведь даже не имею права на подобное открытие... Я понимаю. Я все понимаю. Я лишь оказался в нужном месте в нужный час... Никудышный специалист, который всю жизнь мечтал стать зоопсихологом, а оказался совершенно непригодным... – он закрыл лицо руками, став похожим на стеснительного ребенка. Преображение оказалось настолько стремительным и подлинным, что Планета вздрогнул.

– Как же я хотел вернуться из тех миров, – глухо пробормотал Навах из-за ладоней. – Все бросить. Всех предать. И вернуться на планету. И никогда не покидать ее. Еще бы немного, и я бы сорвался. Я бы побежал сломя голову. Через всю вселенную. Туда, откуда раздается зов...

– Зов? – переспросил Планета. – Какой такой зов, Навах?

Не открывая лица, Навах пожал плечами. Опустил руки, и совершенно трезвым голосом, без единого следа возбуждения сказал:

– Фигура речи. Просто фигура речи.

– С тобой все в порядке?

– Со мной все в порядке, – Навах сделал стремительный шаг вперед и ухватил Планету за ворот куртки. – Зачем я здесь? Зачем?!

Планета изобразил широкую улыбку ничего не понимающего человека:

– Навах, о чем ты?

– Почему меня притащили сюда?! Почему среди сотен специалистов по Вандерерам выбрали именно меня, к Вандерерам никакого отношения не имеющего?! Почему в экспедиции оказалась еще и она?!

– Кто она?! – заорал Планета. – Ты вообще в своем уме?! Возьми себя в руки! Мальчишка!

Навах повернул кулак так, чтобы ткань еще больше натянулась, глубже впиваясь в горло Планеты. Планета побагровел, захрипел. Навах приблизил к нему лицо и жутко осклабился,

точно изготовившись вцепиться зубами в пористый потный нос. Планета дернулся, Навах отлетел и упал на спину. Но тут же вскочил, чтобы оказаться в жестких объятиях Планеты.

– Успокойся, только успокойся, – прошептал ему на ухо Планета. – Мы сейчас с тобой оба успокоимся и поговорим. Мы будем спокойны, как два носорога, договорились?

– Мы будем спокойны, как два носорога, – подтвердил Навах и обмяк.

Планета разжал руки и отступил.

– Ты чертовски шустр, мой мальчик. И чертовски догадлив.

– Что вы хотите сказать?

– Добро пожаловать домой, мой мальчик.

Навах упал на колени, зажал уши руками и жутко закричал.

– Ее здесь нет, – Шакти продолжала ощупывать сложенную грудой амуницию. – Почему-то ее здесь нет...

Сворден Ферц не мог обернуться, потому что перед ним стояло давешнее собакообразное и насуплено взирало на него исподлобья. Не шевельнуться под пристальным взглядом выпученных глаз.

Зверь изготовился к прыжку. Это чувствовалось по взбухшим мышцам и странному покачиванию тела. Иногда кошки совершают подобные движения, прежде чем взмыть в воздух и обрушиться на добычу.

И еще очень мешала похожесть твари на собаку. Даже огромная голова, светящиеся глаза с тарелку и многочисленные зубы, как у акулы, не могли ослабить сбивающее с толку ощущение, будто перед ним стоит пусть и уродливый, но все-таки пес – из славного рода псовых, что когда-то, очень давно, сопровождали человека, служили человеку, делили с ним кров и пищу, прежде чем загадочно исчезнуть, бросить бывших хозяев во имя свободы леса, из которого они когда-то явились к первобытному костру за куском мяса в обмен на службу.

Малейшее движение, и нить ожидания оборвется, взведенные пружины мышц вытолкнут массивное тело с несуразно огромной башкой, сотни зубов вопьются в тело, кромсая и разрывая на куски, а он, обездвиженный и анестезированный болевым шоком сможет лишь наблюдать за кровавой трапезой чудовищной твари.

Как нередко бывает в моменты истончения жизни, когда вдруг начинает приоткрываться последняя дверь, ведущая в смертельное ничто, даже самому мужественному разум услужливо подкидывает успокаивающие ощущения нереальности, вычурной театральности, нелепой клоунады, которые будто бы и есть подлинное содержание происходящего. И тогда хочется, преодолев боль, добродушно улыбнуться, протянуть руку врагу своему, вызывая к примирению.

– Ее нет! – в отчаянии воскликнула Шакти.

Зверь ослабил и сел. Вернее будет сказать, что его задняя часть вдруг повалилась набок, словно парализованная, одна лапа оказалась придавлена, а вторая весьма неловко выпрямлена в сторону. Иногда так сидят мягкие игрушки, сшитые неумелой рукой.

Сворден Ферц шагнул назад, схватил Шакти за руку.

– Помоги мне найти... – она осеклась, когда Сворден Ферц дернул ее к себе. – Что, что?

– Смотри, кто пожаловал, – прошептал он одними губами, хотя зверь больше не выказывал никакой агрессивности.

– Кто? – спросила Шакти, разглядывая лицо Свордена Ферца и кусая губы.

– Там... Там... – он еще крепче сжал ее ладонь, болью пытаясь отвлечь от поиска того, что она потеряла.

Кстати, а что это было?

Мысли потекли в два уровня. Так в У-образной трубке уравниваются две различные по плотности жидкости после неудачных попыток вытеснить друг дружку и смирившись наконец с тем, что более плотная опускается вниз. Точно так же, как порой за внешней шелухой

повседневных забот и мимолетных впечатлений совершается тяжелая, неблагодарная работа подлинных чувств и настоящей жизни.

– Я ничего не вижу...

Зверь еще больше осклабился, шевельнул огромным влажным носом, невероятным образом напомнив кого-то очень знакомого.

– Там пустой коридор... – и как бы в ответ зверь принялся шумно и яростно чесаться, распространяя не вяжущийся с живым созданием запах разогретой смолы.

Сворден Ферц еще сильнее сжал ее ладонь, удерживая Шакти рядом с собой.

– Пусти. Мне больно.

– Пусти-пусти, – почти весело посоветовал зверь, на мгновение перестав чесаться. – Нужно поговорить.

Жутко захотелось проснуться. Вырваться из липкого абсурда безостановочного безумия, когда строгий сценарный сюжет последовательно и логично сменяющих друг друга эпизодов без всякого перехода, предупреждения, знамения обращается необъяснимым хаосом, где привычка к пониманию тщится выискать пусть извращенный, но все же смысл.

– Это на него похоже, – сообщил зверь доверительно. – Заварить кашу, а потом все бросить. Как хочешь, так и расхлебывай. Не специально, конечно, не специально. Обратная сторона всемогущества – беззаботность.

– Что тебе надо?

– Мне? – искренне изумился зверь, если только звери могут быть неискренними. – Ничего! Я тут, так сказать, мимо пробежал, решил заглянуть на огонек... Впрочем, если честно, давно наблюдаю за ним во всех мирах и хотел бы предупредить... Он и впрямь все забывает. Мнит из себя всемогущего, а сам забывает. Для бога это непростительно, а? Трудно быть богом. Мир ведь не заведешь как часы, чтобы тикали и тикали. Его надо творить и творить – каждую секунду, каждое мгновение. Поэтому ты на него особо не полагайся, и не надейся, что кривая вывезет. В ста мирах не вывезла, почему же здесь все должно сложиться иначе? – Зверь клал зубы, точно сболтнул чего-то лишнего. – Имей в виду. Судьбу не переиграешь. Золотых шаров на всех не напасешься.

Зверь внезапно встал на задние лапы, шагнул вперед, покрепче ухватил Свордена Ферца за плечи и потряс. Хотелось оттолкнуть от себя навалившуюся тушу, отдышаться от забившего нос запаха разогретой смолы, но тело одеревенело, отказываясь подчиняться даже столь страстному желанию, потому что несмотря на кошмары вдруг расхотелось выныривать на поверхность сумрачной реальности, куда его настойчиво продолжали тянуть чьи-то руки.

Сворден Ферц отпихнул одеяло и сел. Рядом стоял Планета.

– Тише. За мной.

Вязкая темнота окутывала все вокруг, а память отказывалась подсказать, где же они находятся. Неприятное и раздражающее ощущение потери ориентации. Словно плотный косяк рыб, из юрких тел которых сложено Я, вдруг разбился, рассеялся вторжением огромного хищника, широко раззявившего пасть, и, чтобы окончательно не сгинуть в едкой темноте его желудка, на какое-то время приходится поступиться столь привычным самосознанием, превратившись в судорожное метание рыбок-мыслей – крошечных искорок, из которых и должно сложиться единство воспоминания о том, кто отважился пересечь океан сонного забвения.

– Вот, держи, – Планета сунул Свордену Ферцу сумку с чем-то громоздким и тяжелым внутри. – За мной. Бегом.

И они побежали.

Обряженный в странный развевающийся плащ, Планета походил на демона. Он несясь с невообразимой для его лет и здоровья скоростью по извилистым коридорам сооружения, возведенного предположительно Вандерерами с непроясненной (пока) целью.

Тускло блестящая облицовка стен, похожая на окаменевшую смолу, создавала иллюзию освещения, но даже если вплотную поднести к желтым панелям руку, то вряд ли можно разглядеть хотя бы кончики пальцев. Если во вселенной существовали запасы тьмы египетской, то значительная их часть сосредоточена здесь – во чреве колоссального сооружения, брошенном в незапамятные времена неведомыми чудовищами.

Приходилось напрягать зрение, слух, обоняние, чтобы не отставать от Планеты, который, казалось, парил, а не бежал, крыльями раскинув полы плаща, чей шелест и служил единственным надежным ориентиром в таинственной погоне.

Ручки сумки врезались в плечо, тяжелый ящик стучал по спине, как бы напоминая о своем присутствии почти что дружеским, но уже раздражающе-надоедливым похлопыванием. Только через некоторое время до Свордена Ферца дошло, что его ноша еще и горяча, как утюг, и лишь ткань сумки предохраняет тело от ожогов, хотя щедрое тепло все же просачивается наружу, обдавая поясицу жарким дыханием.

Коридоры вздувались в обширные помещения, помещения сужались в коридоры, а те вновь вздувались и вновь опадали, будто это и не развалины, не загадочный артефакт, а нечто до сих пор еще живое, сохранившее толику когда-то вложенной в него жизни – не настоящей, конечно же, а вот такой – спроектированной, возведенной, раскинувшей во все стороны щупы, через которые поглощалась почти вечная энергия тепла, воды и ветра.

А древняя регулярность пустот внезапно стала разрушаться возведенными в хаотичном порядке странными скульптурами, словно бы многомерными геометрическими абстракциями, воплощенными во все том же неизменном материале, похожем на окаменевшую смолу.

У Свордена Ферца возникло сильнейшее ощущение уже виденного, будто все это когда-то и где-то уже случалось, что он не первый и даже не второй раз бежит по бесконечным коридорам, краем глаза ухватывая нелепые и мучительные для понимания не то произведения искусства, не то научные модели, бежит туда, куда необходимо успеть, ибо от этого зависит чья-то жизнь, бежит, понимая, что ему ни за что не успеть и вот сейчас грянет роковой выстрел, а затем еще и еще...

Ему хочется схватить демона смерти за кожистые крылья, задержать его бег, давая несчастному слуге все-таки совершить свою попытку бегства в Самарру, но тут же понимает всю бессмысленность своего порыва, ведь именно в Самарру они и спешат, ибо там назначено роковое свидание слуги давно сгинувших господ со своею погильею.

Похоже на сон. Очень похоже на сон. Пусть окажется только сном, кошмарным, надоедливым сном, что снится на одном боку, но стоит на мгновение вынырнуть из него, набрать воздуха реальности, не позволяющего окончательно заплутать в лабиринтах сознания, перевернуться на другой бок, как циркуляция безумия уступает место воплощению желаний – пиршеству фрейдистских толкований.

Сон всегда отличает внутреннее отсутствие памяти. Он – та глубина, глубже которой ничего не сможет быть, и поэтому воспоминания, желания, страхи в нем тотчас претворяются в ожившие образы, кружащие вокруг назойливым хороводом странных, абсурдных вещей – теми пресловутыми вазами-мирами с заключенным внутри прахом впечатлений, похожих на иссохших вампиров. Нужна свежая кровь самой жизни, пролитая в них, дабы оживить самую жизнь.

Если он не в силах догнать летящего демона, почти не касающегося носками ботинок пола, хотя он точно знает, что демону – дьявол знает сколько лет, что сердце демона требует электрической подпитки стимуляторов, а выработавшая свой ресурс печень – глотания таблеток, то означает ли это лишь кошмар сновидения, а не кошмар неодолимой судьбы? Как и где нащупать, найти ответ, от которого зависит не какой-то там эфемерный выигрыш, чувство глубокого удовлетворения от собственной удачливости, а вся дальнейшая жизнь, здесь и сейчас поставленная под огромный знак вопроса?

Все так реально, рельефно – цвета, запахи, текстура, даже внезапно пересохшее горло – все они вопиют о своем подлинном существовании. Чет или нечет? Орел или решка?

Планета внезапно остановился, и Сворден Ферц чуть не налетел на него.

– Здесь.

– Что это?

Исчезли пустоты и тишина огромных помещений, оставленных загадочной расой космических скитальцев. Громоздкие сооружения заполняли все вокруг нечеловеческой регулярностью неевклидовых объемов и плоскостей, и приходилось силой удерживать взгляд, по привычке следующий путями земных склонений и тут же теряющий опору, воспринимая нечеловеческую гармонию хаосом мельчайших деталей. Так можно разглядывать таинственные знаки нерасшифрованной письменности, даже не представляя, что скрывается за вычурными пиктограммами – буквы, слова, фразы или сама неуловимая материя мысли, но догадываясь о величии запечатленных в них событий.

– Сначала его называли саркофагом, – ответил Планета. Дыхание с клекотанием вырывалось из глотки, выдавая ветхость ночного демона. Пр-р-роклтая старость...

– Сначала? – переспросил Сворден Ферц.

– Да. Артефакт обнаружили почти сразу после открытия этого мира. Установили принадлежность развалин Вандерерам и даже не стали обследовать. Решили, что они пусты... Как обычно, – в слабом свечении Сворден Ферц видел сползающие по лицу Планеты крупные капли пота, неприятно похожие на слизней. – Самым важным находкам, как всегда, не придают особого значения. Рутинка. Понимаешь? Рутинка освоения неизвестного. Выйдя в космос, человечество оказалось в магрибском подземелье, набитом золотом и драгоценностями. Мы стоим перед их сверкающей кучей и не знаем что схватить первым. Мы даже не обращаем внимания на старую лампу, которая, стоит только ее потерять, подарит нам такое могущество, что... – Планета поперхнулся, зажал рот, переломился, и Сворден Ферц еле успел подхватить его за локоть, чтобы не дать упасть.

Планета вытряхнул из склянки таблетку, разжевал. Сморщился:

– Нет ничего лучше, чем снадобье на основе гнилой печени зверя Пэх из соанских лагун...

– Шутить изволите, шеф?

– Прокол он и есть прокол. Нелепый и досадный. Десятки лет угробить на чужую кровавую кашу, не подозревая, что вот тут, рядом тикает бомба для всей Ойкумены. Совсем из головы вылетел у меня найденный артефакт, а когда здесь высадилась экспедиция, то было уже поздно, что либо предпринимать... Хотя, почему поздно? Все нити сплелись вот здесь, – Планета показал сжатый кулак. – Здесь. Контролируемый кризис, внезапная операция имперских легионов, десант Дансельреха, кровожадные ублюдки из устья Блошланга... Мало ли способов принести на алтарь науки еще несколько десятков жертв? Никто бы и слова не сказал... Никто бы и не подумал... Но нет. Нашлись более неотложные дела, чем какие-то раскопки на вверенной территории!

Планета ударил кулаком по лежащему перед ним продолговатому ящику, извлеченному из сумки, и бешено посмотрел на Свордена Ферца.

Сдаёт старик, пришла в голову тоскливая мысль. Сдаёт на глазах совершенно невероятными темпами. Словно гранитная плита, дотолё массивная, надёжная, пролежавшая вечность, которая вдруг начинает трескаться, крошиться от накопившейся в ней усталости противостояния ветрам, жаре, стуже, тысячам и миллионам человеческих ног, поднимающихся к храму. А ведь было время...

Точно прочитав мысли Свордена Ферца, Планета так же внезапно успокоился. Ощерил зубы в злой усмешке. Мол, не дождетесь, черти, мне ещё рановато в ад – не все грехи человеческие на душу взяты, не вся скверна собрана, не все проклятые тени переправлены через Стикс.

- Это – эмбриональный архиватор.
- Архиватор? – не понял Сворден Ферц.

– Хорошее словечко, да? Неведомые чудовища сорок тысяч лет назад пришли сюда и основали генную библиотеку, чтобы терпеливо дожидалась – когда же внутрь заглянут считающие себя разумными существа, дабы скопировать их код, разобрать по составляющим, каталогизировать, а затем еще раз сложить и выдать собственную эмбриональную импровизацию аж в тринадцати экземплярах! Тринадцать орущих, пачкающих пеленки, но совершенно здоровых как бы человеческих младенцев. Если не считать того, что появились они из недр фабрики по производству проблем вселенского масштаба.

Планета тяжело опустился на приступок и, не снимая ладони с раскаленного ящика, точно опасаясь, что тот исчезнет, одной рукой покопался за пазухой, вытащил измятую пачку сигарет, вытряхнул, вытянул одну губами за фильтр, посмотрел на Свордена Ферца. Тот достал спички.

– Может, все обойдется? – попытался он если не утешить, то как-то отвлечь Планету от мрачных мыслей, избородивших лоб глубокими морщинами. – Мало ли какие совпадения случаются? Закон больших чисел – если уж выбрались на просторы вселенной, то готовься к исполнению самых невероятных ожиданий.

– Утешаешь? – Планета глубоко затаился и выдул дым в пол. – Утешай, утешай. Случайность... Как было бы здорово! Случайно открыли мир, случайно запустили машину, оставленную сверхцивилизацией десятки тысяч лет назад, случайно решили все же принять ублюдков в семью, случайно подружка одного из ублюдков оказалась хранительницей зажигателей. Мириады случайностей – это уже железная детерминированность, не находишь? Как там наш уважаемый Кудесник толковал? Видит горы и леса и не видит ни хрена? Прозорливец.

– Что такое зажигатели? – спросил Сворден Ферц. Нестерпимо захотелось курить.

– Бери, – Планета протянул пачку. – Не здешнее дерьмо, а земной табак... Пришлось восстановить небольшое производство для пристрастившихся специалистов по спрямлению чужих исторических путей.

– Спасибо, – вкус разительно отличался от дансельреховской отравы. Все равно что мед по сравнению с навозом.

– Зажигатели, черт их подери, – Планета забарабанил пальцами по ящику. – Знаешь сказку о Кошмее Бессмертном? Ну, чья смерть – в сундуке, в утке, в зайце, в яйце, на кончике иглы? Вот это про них. Про ублюдков. Иногда мне кажется, что весь здешний невозможный мир создан лишь с единственной целью – защитить артефакт и его порождения. Я не говорю даже о физике, я имею в виду цивилизацию, не вылезающую из вяло текущей глобальной войны все исторически обозримое время. Воюют долго, жестоко, без какого-либо смысла и цели, даже номинальных, и ухитряются при этом не стереть себя окончательно, как-то управлять разрухой, прогрессировать, особенно в вооружениях. Разве такой мир может существовать? Его придумали, понимаешь? Его кто-то когда-то придумал – до нас и без нас. Вот поэтому у нас ничего здесь тоже не получается! Ни примирения, ни замирения, ни позитивной реморализации.

– Мрачная сказка, – честно признался Сворден Ферц, обхватил себя руками, почувствовав легкий озноб. Ему вдруг показалось, что у стен появились глаза – тысячи глаз, которыми они рассматривают двух нежданных гостей – не как люди, а именно как стены – тяжело и немо. – А зажигатели, значит, и есть пресловутая иголка? А посмотреть-то на них можно?

Планета подтолкнул ящик к Свордену Ферцу:

- Да сколько угодно.
- Здесь?
- Здесь.
- Так значит она... Сотрудник отдела предметов...
- Догадливый.

– Это невозможно! Она здесь ни при чем! Она...

– Остынь, – холодно пробурчал Планета. – Не будь бабой. Надоели уже эти истерики.

Странное, почти неестественно чистое, как бы пропущенное через призму, а не замутненное действительностью чувство потери, пустоты, куда нечего поместить, потому что ничего больше не осталось. Кто-то ледяной рукой сжал сердце, и пронизывающая боль неожиданно показалась облегчением, ведь она лучше, чем непроглядная тьма абсолютного вакуума.

– Я все сделаю сам, – сказал Планета и вытер пот со лба рукой с зажатым пистолетом. – Ты только подстрахуешь. Надеюсь, навык еще не потерял?

Сворден Ферц вцепился ногтями в гладкую крышку ящика и сдвинул ее в сторону. В аккуратных гнездах покоились продолговатые предметы, на вид сделанные из грубого, необработанного металла. Каждый имел собственную маркировку – расплывчатый значок, более похожий на язву ржавчины, начавшей поедать непонятные штуковины.

– Осторожнее! – каркнул Планета, но не обращая на него внимания, Сворден Ферц ухватился за одну из них и потянул из гнезда. Она оказалась невероятно тяжелой и какой-то неустойчивой, словно внутри имелась пустота, где переливалась ртуть. Вслед за штуковиной потянулись розовые волосинки, которыми она крепилась в выемке.

Сворден Ферц хотел поднять выскальзывающий из пальцев зажигатель повыше, но Планета перехватил его запястье:

– Не стоит.

Сворден Ферц посмотрел ему в глаза, и откуда-то пришло совершенно ясное понимание – да, не стоит.

– Для чего они нужны?

Убедившись, что предмет возвращен на место, Планета тяжело затаился:

– Никто толком не знает. Но каждый из ублюдков помечен соответствующим знаком – один на зажигателе, другой на теле. По баклашке на ублюдка. По ублюдку на баклашку. И еще... Между ними имеется связь. У баклашки и ублюдка идентичные ментососкобы.

– Как такое возможно?!

– Наверное тот, кому первому в голову пришла идея засунуть этот дурацкий предмет в ментососкоб, тронулся умом... Причем дважды. Первый раз – задумав произвести такой эксперимент, а второй – убедившись, что оказался прав, – Планета тяжело закашлял, но Свордену пришла в голову мысль, что таким образом тот пытается скрыть истерический смех. – Представляешь? Решить прослушать сердце у мертвой деревяшки и обнаружить, что оно действительно бьется!

– Что же это? – растерянно спросил Сворден Ферц.

– Наверное, душа, – пожал плечами Планета. – Очень, кстати, удобно, не находишь? Тело отдельно, душа отдельно. А совесть вообще непонятно где...

Воздух содрогнулся, вспучился и как-то неловко, даже нехотя подхватил Свордена Ферца и уложил его на спину. Вроде бы ничего не произошло, ни боли, ни ноющего неудобства, какое обычно возникает при попадании под удар, но сил и желания шевелиться не возникало. Лишь одинокая мысль навязчиво жужжала в опустевшей голове: “Как же меня так...” И еще – обида за пропущенный “поворот вниз” – прием простой, классический, особенно если его проводит настоящий профессионал. А провел его даже не профессионал, а мастер экстра-класса, нанеся удар из такой позиции, из какой его вроде бы невозможно нанести.

Планета устоял. Он успел сделать крохотное движение и увернуться от атаки. Хотя по асматическому дыханию чувствовалось – уход дался ему тяжело, очень тяжело. Руки висели плетью, массивная голова склонилась, плечи сгорбились. Лишь пальцы крепко удерживали пистолет.

– Я все слышал, – предупредил Навахи и вытер кровь с подбородка. – Отныне я сам буду решать – что мне делать и как жить.

– Не будь патетичным, сопляк, – сказал Планета.

– Вы искалечили мне жизнь! – жуткая усмешка искажила лицо Наваха, сделав его похожим на первобытного человека, встретившего стаю волков и решившего дорого отдать жизнь. – Вы, вы, мерзкий старик... Своими руками... – ярость душила Наваха, не давая произнести ни слова.

Сворден Ферц физически ощущал, как в кровь молодчика закачиваются чудовищные порции адреналина. Выдрессированный, вышколенный, отлаженный механизм убийства работал на пределе, и лишь последние защитные блоки Высокой Теории Прививания не давали ему запустить смертоносную программу. Моральный императив “не убий” сдерживал колоссальный напор желания “убий, убий, порви на части, вырви сердце!” Так долго продолжаться не могло. Энергия требовала выхода, или механизм грозил перегореть.

– Мальчик мой, – неожиданно мягко сказал Планета, – ведь ты сам должен понимать, что иного выхода у нас не было. Представь себя на моем месте, – крупная дрожь пробежала по телу Наваха – то ли от отвращения, то ли от страха даже представить подобную возможность – оказаться на месте мерзкого старика. – Что бы ты сделал? Убил ни в чем неповинных детей? Взорвал артефакт?

– Надо было все мне рассказать. Нам рассказать... И не делать из нас тех, кем вы нас сделали. Почему мне запрещено появляться на Земле?! Только андроидам запрещено появляться на Земле. Разве я – андроид? Я могу доказать – я обычный, живой, – Наваха медленно поднял левую руку, вонзил в запястье свой неразлучный костяной нож и начал медленно, чудовищно медленно вспарывать ее.

Поначалу крови не было – кожа расходилась в стороны, выворачивалась, обнажая бледно-розовую подложку. Наваха продолжал взрезать плоть до сгиба локтя, где нож слегка замер, точно задумавшись, затем резко повернулся вокруг оси, буравя в мышцах рваную дыру. И тут кровь прорвало – она ударила фонтаном, забрызгав бледное как полотно лицо Наваха, затем, точно полноводная река, вышла из берегов разреза и хлынула на пол.

– Видишь?! Видишь?! – хрипел Наваха. – Отец, видишь?!

Сворден Ферц попытался пошевелиться. Тело казалось туго надутым шариком, но кончики пальцев уже начинали двигаться. Почти смертельный удар... Попади Наваха на миллиметр левее... Или он и хотел попасть на миллиметр левее, но я успел увернуться? Плохо успел... Оказался не готов. Или же Наваха попал туда, куда и метил? Ему нужен свидетель – бесстрастный, ибо неподвижный, не могущий ничего сделать, а тем более – изменить, только наблюдать за схваткой двух людей...

Полноте, людей ли? Или под покровом оболочки из плоти и ненависти разыгрывалась иная драма, нежели эдиповская, – вечный миф предательства творением своего творца? А может – трагическое непонимание порождений двух цивилизаций, разделенных не только необозримыми пространством и временем, но и разумом, который не есть для них двоих сознанием – условием всякого понимания, а есть тем самым пресловутым скальпелем, что безжалостно отсекает любые альтернативы, излишние с его, отточенного железа анализа, точки зрения.

Тончайшие нити ощущения протягивались по рукам и ногам. Быстро множась корешками жизни они опутывали каждую мышцу, каждое сочленение, каждое сухожилие, вдыхая в них тепло. Еще неокрепшие проводники воли трепетали, тщаь пропустить по хрупким каналам чудовищный по силе заряд желания вырваться из-под брони холодной отстраненности, втиснуться в написанную и раз за разом повторяемую пьесу, что бы все-таки вырвать из нее сердце смысла и избавиться от нескончаемого кошмара вечного возвращения.

– Ты не андроид, – сказал Планета и поднял пистолет. – Ты машина, созданная десятки тысяч лет назад неведомыми чудовищами с неведомыми нам целями. Автомат Вандереров. Бомба.

Навах покачиваясь стоял в лужи крови, которая продолжала растекаться под его ногами. Вспоротая рука опустилась, с пальцев струились алые ручейки.

– Не... бомба... – костяной нож выскользнул из ладони. – Я... докажу... тебе...

Навах сделал шаг вперед.

Выстрел.

С каким-то жутким хрустом пуля впиалась в плечо Наваха, слегка развернула его, качнула назад, но он удержался – уперся ногами, согнулся, будто противостоял встречному ветру, даже не ветру – буре.

Он выпрямился. Лицо приобрело невозможное спокойствие, то самое, которое не подделаешь никакой силой воли, ибо никакая сила воли не сможет ни на миллиметр сдвинуть уголки рта – неизменной печати достигшего просветления божества.

– Глупый, злобный старик, – сказал Навах. – Отдай пистолет...

Еще шаг вперед.

Еще выстрел – как будто кто-то наступил на сухую веточку и переломил ее в тишине предрассветного леса.

Навах прижал ладонь к правому боку, с недоверием посмотрел на еще одну рану и сделал новый шаг, уже заметно привлекая ногу.

– Глупый, злобный старик...

Сворден уперся в пол и с трудом сел. Кружилась голова. До тошноты. Хотелось закрыть глаза, только бы не видеть мелькающую карусель из злобных и спокойных лиц, кровоточащие раны и обрюзгшую плоть, слипшиеся от крови сосульки длинных волос и лысину, испятнанную старческими веснушками, вздрагивающий от плевков пуль пистолет и перепачканный нож.

– Нужно встать, – сказала Шакти.

Она? Почему она здесь? Ах, да... Она ведь должна быть здесь. Как тогда. Все как тогда. Все ли?

– Нужно обязательно встать, – повторила Шакти и погладила его по щекам.

Нужно? Кому нужно? Больше всего ему хочется уткнуться лицом в ее белые колени и вдыхать ее запах, ощущая, как она гладит его по голове, точно испуганного ребенка. И большего ему не нужно. Только так, только так.

– Они убьют друг друга.

Убьют? Чересчур хорошо, чтобы стать правдой. Как было бы замечательно, если б они убили друг друга! Застрелили, зарезали, задушили.

Все. Решено. Его место там – лицом на теплых женских коленях, прочь от всего остального мира, и пусть все катится тартарары. Ты ведь умеешь такое делать? Творить миры и наводить иллюзии? Что тебе стоит обустроить рай в шалаше с любимым? Майя...

Величайшие дюны в Ойкумене. Нескончаемая полоса пляжа, огибающего почти весь континент, омываемый теплым, безопасным морем. Бронзовые от загара тела богов, вкушающих амброзию, подставляющих каждому из солнц совершенную наготу. Лень и усталость мира, истощенного борьбой за вечное счастье для всех и даром.

– Тебе не кажется, что они стали больше? – спросила она, устроившись у него на животе. Было не тяжело и даже возбуждающе.

Он приоткрыл один глаз. Она словно бы взвешивала на ладонях свои груди.

– Ага. Особенно левая. В два раза.

– Хм, – она прищурилась. Потеребила пальчиками. – Это я возбудилась.

В чреслах разливалась истома. Она поерзала, оглянулась:

– И не надейся. В этот период врачи рекомендуют ограничить близость, – погладила себя по животику.

– Тогда слезай, – сурово приказал он. – Нечего в такой позе да без купальника расслаиваться.

Она послушно поднялась и, стоя над ним, внимательно огляделась по сторонам, выискивая кого-то.

– Никого нет. Во всем обозримом пространстве только мы – ты да я.

Он сел, тоже огляделся, словно сомневался в ее востроглазости, взял за талию и усадил рядом. Она прижалась к нему, схватившись за руку и положив голову на плечо.

– Тебе не скучно?

Помотала головой:

– Вечности мало, чтобы соскучиться. Но ты – вредный.

– Почему?

– После вчерашней истории я думала – не засну.

– Извини.

Они помолчали, разглядывая разноцветные блики солнц на волнах. Из тончайшего песка полузатопленными кораблями выглядели витые фестоны раковин – рубиновые, изумрудные, аквамариновые пятна на белоснежном полотне пляжа. Когда прибой накатывал на них вспененную волну, раковины ослепительно вспыхивали, и в воздухе рождались причудливые живые картины самых странных обитателей Великого Рифа. Даже после исчезновения своих хозяев, чудесный механизм жизни продолжал воспроизводить заложенную в раковинах программу, когда-то завлекавшую рыб в щупальца хищных моллюсков.

Он осторожно освободился от объятий и поднялся, стряхивая с колен налипший песок.

– Не уходи, – она утомленно распростерлась на песке.

Влажный песок приятно холодил ступни ног. Он походил взад вперед вдоль кромки воды, осторожно перешагивая раковины.

Тишина, нежную пелену которой слегка колыхали ветер и волны. Шелк умиротворения, в который завернули весь мир.

– А что случилось потом? – робко, как будто даже саму себя спросила она.

– Потом... Потом... – он присел на корточки и принялся осторожно освобождать из песочного плена антрацитовый завиток аммонита.

– Он все-таки получил... схватил... взял, – нужное слово ей удалось подобралось не сразу, – детонатор?

Аммонит сурово смотрел из-под песка – трещины древности причудливо сложились в глаз. Или это и был глаз? Мертвый, окаменевший, взирающий на редкие кучевые облака, волшебными башнями плывущие по небу.

– Зажигатель, – поправил он. – Да, он взял зажигатель.

– Но ведь в него стреляли?

– Я не позволил больше стрелять, – рука дрогнула, острый край раковины оцарапал кожу. – Потом... Потом... Потом я только догадался... Он хотел посмотреть... Посмотреть, что необходимо сделать с зажигателем – приложить к родимому пятну, проглотить, плюнуть...

– Зачем?

– Чтобы точно знать, что зажигатель – неотъемлемая часть... Ну, их. Их неотъемлемая часть, а не какая-то там нечеловеческая система учета или слежения.

– И что он сделал с зажигателем?

– Приложил вот сюда, – он показал.

– Если не хочешь рассказывать, то не рассказывай.

Он пожал плечами.

– Да вот собственно и все. Зажигатели оказались... подделкой. Точной копией тех самых. Ну, вернее, точной внешней копией тех самых. И еще снабженные механизмом ликвидации – инжектором яда. Понимаешь? Получается, он сам себя убил. Покончил жизнь самоубийством.

Так задумали. В него даже стреляли так, чтобы не убить, но чтобы все выглядело по-настоящему. А все оказалось обманом. Провокацией.

– Иди ко мне.

Он бросил раскопки, подошел, протянул навстречу руки.

Ей вдруг показалось, что его ладонь испачкана клубникой, которую они ели.

Но это была просто кровь.

Глава пятая

Кракен

Дасбут трясся. Содрогался от носа до кормы, и громадные волны прокатывались по корпусу, словно сделанному из желе, а не прочнейшей металлокерамики. Хрустели, сминались и рвались, точно бумажные, переборки. Тяжело подпрыгивали на установочных платформах двигатели, грохоча, будто пара великанов били лодку громадными молотами. Винтовые оси изгибались туго натянутыми луками, а дэйдвудный сальник растягивался и сжимался, как резиновый, глотая порции гноища. Кокон ядерного реактора трепыхался загнанным сердцем, и безжалостные пальцы деформации глубоко пальпировали массивные плиты радиационной защиты.

Воздух в отсеках густел. В нем возникли темные точки, похожие на назойливую мошкарку, что сбивалась в плотные тучи, растягивалась по палубам гудящими потоками, роилась, пока не превратилась в лабиринт лент, опутывающих внутренности дасбута.

Липкие полотнища сплетались в мышцы вокруг стальных костей и хрящей гидравлики, водоводов, электрошин, шпангоутов. Прорастала паутина сосудов, багровыми фесто-нами оплетая каждый мускул.

Тончайшие ледяные нити проникали в каждую пору кожи Свордена, как разбухла вбитая в горло плотная пробка слизи, заполняя легкие и желудок, тело теряло ощущение границ, расплываясь по колоссальному кракену, что таился в гнилой бездне гноища.

Малейшее движение порождало боль. Воля отказывалась соединять желание и упрямство с химией и механикой распятого тела, ужасаясь кровавым фонтанам, что били из разверстых артерий и расплывались горячими облаками по заledenелой коже. Кровь тут же впитывалась прозрачными капиллярами, прорисовывая сложный лабиринт сосудов, опутавших Свордена скопищем трупных червей.

– Помоги... – тяжкий хрип, густо замешанный на близкой смерти. – Помоги...

– Все... корм... – то ли смех, то ли агония.

Мир постепенно расширял свои границы. Отсек дасбута раздувался, взмыл подвалок, унося вслед за собой короба проводов и связки труб, обрушились поёлы, уступая место чему-то бугристому, узловатому, живому.

Расправлялись ленты прозрачных мышц с блуждающей мошкаркой напряжения, что собиралась там, где дасбут не желал расставаться со своей проржавелой оболочкой. Тогда кристальная чистота мира кракена, лишь слегка подсвеченная розовым, вдруг мутнела, напивалась мрачной чернотой, уплотнялась до полной непроницаемости, чтобы затем глухо взорваться.

Разлетались по пологим кривым листы обшивки, увлекая за собой тучи мусора. Отламывались шпангоуты прочного корпуса, и казалось будто хищники растаскивают останки дерваля, выброшенного на берег. Обломки корабельной плоти медленно погружались в гигантский лес эпителия, почти без следов перевариваясь кракеном.

– Мне больно... Мне больно... Мне больно... – навязчивый шепот тысяч и тысяч глоток. Так стонет мелкая рыбешка, попавшая в ненасытный желудок дэрваля, корчась под проливным дождем желудочного сока.

Сворден засмеялся. Ужасно смешно почувствовать себя проглоченным куском мяса. Даже не пережеванным.

Чудесное ощущение. Он, наверное, никогда не переживал такого подъема сил. Почему же другие так страдают?! Ведь боль ушла. Исчезли пределы тела, и жалкий кусок полупереваренного мяса больше уж никак нельзя назвать вместилищем души и разума. Он свободен!

Сворден дотрагивается до щеки Флекиг. Точнее, до того, что осталось от щеки Флекиг. Крупные прозрачные капли стекают по ее телу. Они сочатся из сморщенной воронки над ее головой – кап, кап, кап – упокаивающий дождик, что оmyвает измученные останки.

Медленно сползая вниз, капли, больше похожие на крупных улиток, постепенно мутнеют, напиваясь частичками тела Флекиг.

– Мне больно... – дрожь сотрясает нагое тело. – Убей... Убей... Убей...

Улитки проложили дорожки среди выпуклостей и впадин – тропинки выются в скульптурной красоте сжираемой заживо плоти.

– Ты должна жить, – Сворден рассудителен. С этими глупыми девчонками нужно только так. – Ты обязана жить. Здесь вы все чересчур привыкли умирать! – нечто, похожее на нежность, охватывает его истомой.

Темная жижа вытекает из отверстий в теле Флекиг. Сворден сгребает с груди жмень липкой слизи и залепляет раны. Флекиг корчится.

– Так нельзя, – качает головой присевший рядом тощец. – Так нельзя. Еда – отдельно.

Сворден не обращает внимание на крохотное существо. Их много здесь. Они творят ужасные вещи, которые лучше не замечать. Он даже название им придумал – тощецы. Навязчивая деталь пейзажа.

– Он попросил меня найти человека, – Сворден доверительно берет Флекиг за руку. – Думкопф. Ищу человека! Ха! Ты ведь помнишь – тогда мы и встретились? Печальные, печальные обстоятельства, – Сворден скорбно умолкает, краем глаза наблюдая за тощецом.

Тот делает очередную Очень Ужасную Вещь. Впрочем, как всегда. Их репертуар неистощим. Оксюморон. Неистощимые на выдумку тощецы.

– Я выдавал себя не за того, – сказал Сворден. – Я всегда выдаю себя не за того. Даже сейчас. Я – на я. Покрыт непробиваемой броней забытья. Понимаешь?

Назойливая улитка вползла в глаз Флекиг. Заворочалась в глазной впадине, окуталась слизью, протискиваясь внутрь головы.

– Вот так рождаются впечатления, – поучает Сворден мертвое тело. – Механика тела проста и понятна. Как проста и понятна механика общества. Главное – не обращать внимания на жертвы, на кровь, на муки. Младенец счастья криклив, грязен и, что скрывать, ужасен на вид.

– Чучело, – хрипят обглоданные кости, что валяются в яме с отбросами. – Подойди сюда, чучело.

Сворден отпихивает ногой тощеца, который выдумал очередную Очень Ужасную Вещь и самозабвенно ей предается, взваливает на плечо толстое щупальце, вросшее в грудь, и подходит к яме.

Принюхивается, недовольно шевелит носом, щурит глаза:

– Дерьмо!

– Уместное замечание, – скалится голый череп Кронштейна. То, что это Кронштейн, легко догадаться по зажатому челюстями болту. – Дерьмо должно накапливаться и испражняться.

Сворден дергает щупальцу, перехватывает ее покрепче и наклоняется над ямой. До черепа не достает полпальца.

– Бедный, бедный Кронштейн, – скорбит Сворден. – Когда-то я знал его.

– Не из той пьесы, – сурово осаживают Свордена кости. – Оглядишь, чучело!

Сворден делает вид, что осматривается, крепко зажмурив глаза и хихикая – ловко же он провел валяющийся в дерьме костяк.

– Что видишь?

– Прекрасный мир, полный чудес.

– Теперь я понимаю, что видели съеденные мной куски мяса, – ворчит череп. – Они узрели прекрасный мир желудка и набитый чудесами кишечник.

– Оп-па! – Сворден поднимает палец. – Несчастный Кронштейн вряд ли знал строение пищеварительного тракта. “Желудок” и “кишечник” – не из его лексикона, череп.

– Будь ты поумнее, чучело, ты бы задумался – а как может разговаривать скелет, – застучал гнилыми зубами череп. – У меня ведь и легких нет.

– Легкие! – Сворден счищает с лица слизь, что постоянно проступают из под кожи. – Знавал я некого Парсифаля, так он учудил не менее забавную штуку. Воскрес, представляешь? Ну, не так, чтобы уж совсем стал живым, но те останки, что провалялись в грунте, он носит с большим достоинством.

– Значит, ничего не замечаешь? – челюсть отходит чересчур далеко, и ржавый болт проваливается внутрь костяка.

– Я все замечаю, – говорит Сворден. – Ведь нам так и сказали – будете вооружены, но оружие не применять ни при каких обстоятельствах, кехертфлакш! Только наблюдать! А уж кто свой, а кто чужой – разберемся сами.

– А из брюха что торчит, чучело?

Сворден довольно хлопает по щупальце. Слизь обильно стекает по телу. Под ним раскрылись отверстия, похожие на раззявленные рты, жадно глотающие вязкие потеки. Подбирается парочка тощцов и робко лижут Свордену спину. На противоположной стороне ямы усаживается копхунд. Круглые глаза пристально наблюдают за Сворденом.

– Разуй zenки, чучело! – сухим костяным смехом давится череп. – Тебя превратили в такой же корм!

Нетерпеливый тощец кусает под лопаткой. Сворден морщится, но терпит.

Тени сгущаются в мешках слизи и мышцах кракена. Мир обретает объем. В нем обнаруживается непрерывное движение. Могучие потоки крови и лимфы прокачиваются сквозь колоссальные сосуды, обвивающие веретена мышц. Плотные ячеистые перегородки разделяют наполненные слизью полости, где тощцы копошатся вокруг бесконечных рядов коконов с полупереваренными телами людей, дервалей, громовых птиц и других созданий, что никогда не покидают бездны, если только не попадают в щупальца кракена.

– Тужится, – клацает зубами череп. – Готовится, тварь.

– К чему? – становится зябко, и Сворден трет предплечья. Легкие с усилием вдыхают и выдыхают густеющую слизь, в которой появляются кровавые прожилки.

– Испражняться, чучело, испражняться! – костяк заходится в смехе. – Наложить огромную куча дерьма на весь этот мир! Или ты думаешь оно предается глубоким размышлениям, глядя из океана гнилыми глазами?!

Сфинктер сжимается. Внутри что-то бурлит, перекачивается. Копхунд опасливо отходит от ямы. Тощцы тянут Свордена прочь, но тот упрямится. Отверстие расширяется, вверх бьет струя отвратной жижи. Ноги оскальзываются, и Сворден съезжает на дно.

Пусто. Никаких следов останков. Бедный, бедный, Кронштейн...

– Прекрати, – строго говорит себе Сворден. – Сказано же – не из той пьесы.

– А что такое пьеса? – в яму заглядывает копхунд, морщит лоб, чешется.

Тварь, как всегда, вылаивает нечто грубое, шершавое, отчего ее шерсть стоит дыбом, но Сворден обнаруживает, что таинственный переключатель понимания вновь находится в позиции “вкл”.

Он шевелит челюстью, готовясь к ответному наждачному лаю:

– Сгинь, псина! Я тебя открыл, я тебя и закрою.

Псина распускает язык, тщательно вылизывает лапу. Откуда-то Сворден прекрасно осведомлен о повадках если не всей головастой своры, то этого отдельного экземпляра – точно.

Ее поведение – признак смущения. Копхунд вообще трогательное существо, пока держит себя в лапах.

К краю ямы на коленях подбирается тощец. С ним что-то неладно – тельце бьет дрожь, живот распух, на губах пузырится кровь. Копхунд косится, морщится, точно и впрямь человек, рядом с которым испортили воздух. Ленивый взмах лапой, и обезглавленный тощец скатывается в яму.

– Вылезай, – говорит копхунд. Отправляет вслед за телом раздавленную головенку тощеца.

Сворден смотрит на плавающий среди нечистот труп. Крохотная горка живота шевелится, словно в нем ворочается готовая к метаморфозу личинка.

– Думаешь – это страшно? – копхунд склонен поразмышлять над тем, что не понимает своей звериной натурой. – Думаешь – это мерзко? Вы, люди, склонны действовать по первому впечатлению.

Живот трупа шевелится сильнее. Видно, как изнутри нечто бьется, тужится, пытается выбраться наружу. Сворден, на всякий случай, отодвигается подальше, насколько позволяют склизкие стенки. При жизни тощец был беременной самкой.

– Вы хотите все переделать под себя. Куда бы вы не пришли, вы первым делом начинаете рыть уютную нору, а потом удивляетесь – почему в такой удобной земляной дыре не желают жить рыбы, – разговорчивый копхунд полуприкрытыми глазами наблюдает за Сворденом.

Живот тощеца раздувается еще больше, а затем с громко лопается. Разлетаются кровавые лоскуты. Труп раскрывается бутоном, среди мокрых лепестков шевелится полупрозрачное существо.

– А когда оказывается, что рыбы не могут жить в земле, то вы объясняете это не своей ошибкой, а уродством рыб.

Личинка походит на помесь тощеца и копхунда, втиснутую в хитиновый футляр насекомого. Словно природа так и не смогла изобрести ничего более прекрасного по облику, нежели членистоногие, и от бессилия принялась подгонять под их прокрустовы формы свои дальнейшие изыскания в области рептилий и млекопитающих.

– И поэтому вы начинаете переделывать рыб. Вырезаете им жабры и плавники, приставляете руки и ноги. Селите их в норах, а потом удивляетесь – почему из них получились черви, а не люди, – копхунд облизывается, чешется задней лапой за ухом.

Сворден наблюдает за личинкой. Та продолжает вяло шевелиться в мясе родительницы. Затем подтягивает к себе кусочек плоти и начинает ее поглощать. Ротовой аппарат твари – сложнейшая система резаков. Но хитин еще не затвердел, поэтому лезвия больше перемалывают, чем отсекают.

Хруст и, почему-то, тихое жужжание. Словно в полупрозрачном существе работает моторчик. Покровы постепенно темнеют, скрывая откровение превращения мертвой плоти в плоть живую – прихотливую вязь течений питательных веществ, что от устья челюстей распадаются на широкую дельту потоков, несущих свою долю родительского мяса к самой крохотной лапке, к самому незаметному волоску.

Трапеза окончена. Крошечный костяк похож на потрепанную штормом шляпку. Личинка поворачивает безглазую голову к Свордену, выбирается из грудной клетки родителя. Лоскуты кожи прилипли к лезвиям челюстей.

– Это опасно, – предупреждает копхунд. – Очень опасно.

Сворден ждет. Жиж, что стекает по стенам ямы, достигает коленей. Личинка неповоротливо бултыхается в ней, пытается приноровиться и поплыть. Крошечные лапки вязнут в слизи. Но личинка упорна. Расстояние между ней и Сворденом сокращается.

– Мы, народ копхундов, – вещает головастая тварь, – всегда находимся на стороне сильного. А вам очень нравится, когда вас считают сильными.

Сворден делает шаг в сторону от челюстей-лезвий и толкает личинку в бок. На ощупь она оказывается студенистой. Руки погружаются в ее тело. Неприятное ощущение, но терпимое.

– Глупые рыбы, превращенные в червей, никогда не узнают, кто же сотворил с ними такое. Ведь у них есть... Как же это называется... – копхунд крутит башкой. – *Geschichte!* Да, именно так. А у нас этого нет. Мы – выродки, так напоминающие тех зверей, что вы держите дома.

Тень падает на яму. Личинка разворачивается и вновь направляется к Свордену. Челюстные лезвия распахнуты, открывая неправдоподобно огромный зев.

Слышится свист, и сквозь коллоид мира кракена протискиваются черные щупальца, туго пеленают личинку и возносят вверх, где величаво парит, словно в безумном сне, дерваль, расправив плавники, растопырив бахрому глаз, похожих на водоросли, облепивших тело гиганта.

Ухватившись за щупальцу, Сворден выбирается из ямы. Копхунд невозмутимо смотрит вслед уплывающему дервалю.

Странное ощущение. Странно знакомое и вовсе не пугающее. Здесь нет ни верха, ни низа. Здесь вообще нет выделенного направления. Как... как... где-то, услужливо объясняет память.

Можно идти вниз головой, можно идти вверх головой, можно идти левым боком, можно идти правым боком. Можно вообще не идти, потому что движение собственного тела в мире кракена – фикция, обман. Нет больше никакого собственного тела. Оно растворено и взболтано в коллоиде колосса, который до поры до времени поселился в бездне гноища.

– А что там? – показывает Сворден.

– Город, – отвечает копхунд.

– И кто там живет?

– В городе никто не живет, – наставительно говорит головастая тварь. – Город – это такое место, где никто жить не может.

Сворден возражает в том смысле, что город потому и называется городом, а не норой, не крепостью, не, кехертфлакш, океаном, что его строят люди, а затем в нем живут в таких огромных геометрически правильных фигурах с пустотами и отверстиями.

На что копхунд не менее язвительно отвечает, что он городов повидал поболее Свордена, и все эти города представляли собой такие места, где не то что людям, захудалой сумасшедшей крысе местечка не найдется.

Отлично, говорит с хитрецей Сворден, вот пойдем и проверим.

Копхунд чешет лапой за ухом. Рот растягивается, с губ стекает пена. Затем копхунд чешет лапой за другим ухом. Лоб морщится могучими складками. Потом копхунд что-то осторожно выкусывает из шкуры на правом боку. И, наконец, шумно вылизывается по левому боку.

Сворден терпеливо ждет. Он видит насквозь эту тварь, рожденную случайностью мутаций, а не предопределенностью эволюции. Тварь чем-то смущена, а когда тварь смущена, она изо всех сил придуркивается зверем.

Копхунд прекращает чесаться и трусит вперед. Останавливается, поворачивает круглую башку:

– Пойдем.

И они идут.

Во все стороны простираются мрачные чудеса.

Стальными цветами раскрываются проглоченные дасбуты, окрашивая потоки и сгущения коллоида в безумное разноцветье. Хищные веретена превращаются в вязь фестонов, окаймляющих волны, которые прокатываются по кракену, приходя из одной бесконечности и исчезая в другой.

Величаво двигаются в искусственных течениях дервали, продолжая воображать себя хозяевами океана и не замечая опутывающие их тела щупальца, по которым жизнь могучих тел постепенно вбирается кракеном, оставляя высохшие оболочки.

Распятые тела людей – то ли невообразимое множество истязаемых тел, почерневших от мук, то ли преломление в бесконечности кривых зеркал лишь одного несчастного.

Тошцы копошатся вокруг ям скоплениями червей, вырывая друг у друга обглоданные кости, пока все не замирают, подчиняясь какому-то сигналу, встав на колени, расставив руки и разинув широко рты, готовясь принять пищу из вырастающих в пустоте хоботков.

Копхунд предпочитает трусить слегка впереди, слева и, к тому же, перпендикулярно. Иногда он вообще забирается наверх, вышагивая вниз головой.

– Южные выродки называют нас “оборотнями, что трепещут во тьме и лакают кровь опоздавших к пастбищу”, – сообщает копхунд. – Как бы они назвали вас?

– Что такое оборотень? – копхунд останавливается, поворачивает голову, и Сворден оказывается нос к носу с башковитой тварью.

– Ты любишь прикидываться, – сурово замечает зверь. – Ты всегда любил прикидываться.

– Не понимаю, о чем ты.

В кристальной пустоте вспыхивают лучи, и только теперь становится очевидно как деформирован мир кракена. Многочисленные спирали и складки вложены друг в друга, переходят в друг друга, переплетены друг с другом. Завораживающий беспорядок, в котором ощущается необъяснимая соразмерность. Монокосм, поглотивший весь мир, и сам ставший миром.

– Сильным не надо прятаться во тьме, – говорит копхунд. – Сильный приходит и берет то, что ему надо. Поэтому наш народ всегда на стороне сильных.

В бездне вспыхивают черные молнии, застывают перевернутыми деревьями, образуя непроницаемый лес, который затем корчится истязаемым живым существом, ломается с оглушающим треском. Мучительный звук отдается в голове. Сворден потирает виски.

– Ты не хочешь вспомнить себя, – копхунд скалится. – Ты как улитка спрятан в раковине. Чтобы тебя достать, надо разгрызть раковину.

Нечто мягкое и почти невидимое движется сквозь них. Жутковатое чувство собственной прозрачности. Сворден пытается оттолкнуть червеобразное тело, но руки лишь погружаются в податливую клейковину – не схватить, не разорвать.

Над головой с глухим чпоканьем возникает завихрение. Оно втягивает в коловращение иззубренные обломки молний, скатывает их в комки. Хочется выскочить из-под темного колпака, но он неотступно следует за Сворденом и копхундом.

– Не понимаю о чем толкуешь, пес.

– Слепая, безмозглая улитка, противная на вкус.

Они переступают порог города – скопление геометрических фигур, что непрестанно движутся, складываясь в странные конструкции. Тьма бархатистыми щупальцами охватывает Свордена и выдергивает его по ту сторону бреда...

...В комнате полумрак. Жарко. Мерное тиканье часов. Шум воды в трубах. Тихое дыхание рядом. Еще немного, парочка тик-так, и он встанет. Отбросит влажную от пота простыню, сядет на краешке кровати, потирая виски, с облегчением ощущая, как отвратительная пена полубессонницы, перемешанная с кошмаром, уйдет в дренаж забытья. Он скажет сам себе:

– Хорошо, что это только сон...

Голос прозвучит неожиданно гулко. У порога зашевелится пес, насторожит круглые уши. Перевернется на другой бок женщина. Он проведет по ее плечу рукой, собирая капельки пота.

Он пойдет в ванну, по пути потрепав пса по загривку, встанет под ледяной душ, смывая водой, пахнущей ржавчиной, последние клочки сна, плотно приставшие к коже. Почти-

стит зубы, разглядывая физиономию в мутном зеркальце. Потрет щеки и решит, что бриться сегодня необязательно.

На крохотной кухоньке повторит ежедневный, отработанный до мелочей ритуал. Намелит кофе, скипятит чайник, зальет порошок горячей водой и пару раз доведет на медленном огне до появления пены. Достанет кружку, сядет на стул, пытаясь разглядеть сквозь темноту и дождь пустынную улицу.

Не горит ни одно окно. Можно подумать, не только на этой улице, но и во всем городе не осталось людей. Когда он ей об этом расскажет, она притронется пальчиком к кокетливой родинке около рта.

– Синдром Палле, – улыбнется. – У тебя синдром Палле.

– Кто такой Палле? – спросит он, прихлебывая кофе. Он знает, кто такой Палле, но все равно спрашивает.

– Мальчик, который однажды проснулся и обнаружил, что остался один на свете.

Она сядет к нему на колени, обнимет за плечи, прижмет к груди. Он отставит чашку подальше, чтобы не пролить.

– Мне приснился ужасный сон, – признается она. Она всегда в этом признается.

– Это только сон, – попытается ее успокоить.

Она отстранит его, посмотрит внимательно серыми глазами. Он почувствует, что допустил оплошность.

– Ты даже не спросил, что мне приснилось.

– Не хочу, чтобы ты еще раз вспоминала ужасный сон.

Она возьмет его чашку, сделает большой глоток.

– Горький, – поморщится. – Ты всегда пьешь без сахара.

– Я всегда пью без сахара, – согласится он, втайне надеясь, что про сон она забудет. – Я сделаю тебе с сахаром.

Он попытается встать, но она еще крепче прижмет его к себе. К груди. Запах любимой женщины, вот что он почувствует. Умиротворяющий запах любимой женщины.

Крохотная кухонька позволит ей не вставая с его колен достать из шкафа чашку и сахарницу. Она отошьет кофе из его чашки в свою, добавит пару ложек песка.

Внезапно сердце заколотится, на лбу проступит пот. Во рту станет настолько сухо, что он глотнет остатки кофе – плохо сцеженную гущу. Частички молотых зерен заскрипят на зубах.

– Мне приснилось... – она задумается, вновь притронется пальчиком к родинке, как всегда делает, когда подбирает слова, – мне приснилось, что мы с тобой не встретились...

Он фальшиво улыбнется, погладит ее по спине.

– Это всего лишь сон.

– Мне приснилось, что я любила другого человека... Даже нет, не так... Это сложно сказать... Словно я принадлежала ему, как вещь. Очень ценная, но вещь. И я понимала и принимала такое отношение. Я была целиком и полностью его, только его. Вещью. Самой ценной вещью на свете. От макушки до кончиков пальцев ног.

Он почувствует ее дрожь. Взглянет через ее плечо и встретится глазами со псом. Тот встанет в напряженной позе, точно почувствовав приближение опасного чужака, круглые глаза засветятся красным.

Страх продерет его когтистой лапой от затылка и по всей спине. Непонятный и необъяснимый страх, которому не должно быть места в липкой темноте и пустоте.

Он беспомощно оглянется, но ничего зримого не произошло в окружающем мирке – все так же будет капать кран, журчать вода в трубах, стоять две чашки на столе, все так же будет прижиматься к нему она.

– Мне... нехорошо, – признается она.

Он встанет и понесет ее обратно в кровать. Она будет слабо возражать, говорить, что еще не собрала ему с собой обед, но он не станет ее слушать, а уложит обратно, накроет одеялом, целомудренно коснется губами горячего лба.

– Плохая у тебя жена, – скажет она. Она всегда будет так говорить, когда не сможет провожать его до двери и стоять на лестнице, махая вслед.

– Ты самая лучшая, – ответит он именно так, как она хочет.

Обычно после этого она закрывает глаза и вновь засыпает трудным, беспокойным сном. Лицо ее еще больше побледнеет, на лбу проступят бисеринки пота, пальцы рук мертвой хваткой вцепятся в край одеяла – так цепляется тонущий за борт спасательной шлюпки, но в ней не останется сил противостоять тьме, которая поглотит ее без остатка.

Но на этот раз ставший привычным ритуал нарушится. Она сожмет его ладонь:

– Прости меня, – скажет, наберет дыхания, чтобы продолжить, но он прервет:

– За что? – сядет на край постели. Пес нетерпеливо зашевелится в коридоре.

– Я правда очень плохая, – глаза наполнятся слезами. – Я всех предаю.

– Ну что ты, – странно, но он не почувствует ничего необычного в ее словах, кроме болезни, что пожирает ее изнутри. Усталость и болезнь будут говорить ее устами.

– Я заставляю делать тех, кого люблю, ужасные вещи.

– У меня синдром Палле, – он попытается свести разговор к шутке, – разве ты забыла? Никого вокруг нет. Во всем мире остались только ты и я. Больше никого. А ничего ужасного ты меня делать не заставляла.

– Правда?

– Правда.

– Никого больше нет на свете?

– Никого.

– И никто сюда не придет?

– Никто.

– Ты меня обманываешь, – скажет она тоном капризного ребенка, которому за хорошее поведение пообещали конфету. – Ты всегда меня обманываешь. С самой первой нашей встречи.

Ему нечего будет возразить, ибо внезапно поймет, что не помнит их первой встречи. Она будет всегда, он будет всегда, даже пес будет всегда, и пустой темный город за окном, и дождь, и дерево. Все. Без начала и без конца – вечность.

– Обманщик... Обманщик... Обманщик... – она заснет, а он еще останется сидеть рядом и разглядывать ее лицо, пока пес не встанет и не заглянет в дверь.

– Сейчас, сейчас, – кивнет он, не в силах оторваться. – Сейчас уже пойдем.

Пес встряхнется недовольно, вернется на свое место, но не уляжется на подстилку, а встанет перед входной дверью, уткнувшись в нее огромной башкой. Зверь так и будет стоять, пока он не вернется на кухню, не помое посуду, не уберет чашки в пустой шкаф, не натянет на себя мятый комбинезон, брезентовую куртку, тяжелые ботинки, по которым давно не мешает пройти щеткой, но что-то все равно будет мешать.

Он перегнется через стоящего пса, возьмется за ручку двери, и внезапно мир начнет вращаться вокруг него, как будто некто откроет сливное отверстие, и жидкий город, булькая и закручиваясь в спираль, выльется в пустоту.

Придется опуститься на табурет, ощущая как рот наполняется слюной, которую ни в коем случае нельзя будет сглотнуть, а лишь выплюнуть, но встать и дойти до ванной не найдется сил, а пачкать пол в коридоре не позволит брезгливость.

Дурнота исчезнет так же внезапно и необъяснимо, оставив после себя лишь горькую слюну. Тогда он тяжело поднимется, придерживаясь рукой за стену, пройдет в ванную и будет долго споласкивать рот водой с привкусом ржавчины.

– Идем, идем, – потреплет он пса за загривок, открывая дверь.

Широкая каменная лестница будет вести вниз – в гулкую пустоту парадного. Такая же широкая лестница будет вести вверх – туда, где он ни разу не побывает. Еще две пошкрябанные высокие двери выходят на площадку.

Пес обычно побежит по лестнице вниз, цокая когтями, но на этот раз он изменит своей привычке и медленно начнет подниматься вверх, пригнув башку к самым ступеням – то ли вынюхивая единственно одному ему ведомое, то ли виновато ожидая окрика.

– Ты куда, дурашка? – захочет спросить он, но промолчит, ведь пес никогда не одобрит подобные фамильярности. Он пожмет плечами, словно оправдываясь перед отсутствующими соседями, которые могли подглядывать за ними в глазки запыленных дверей, и отправится вслед за псом, похлопывая ладонью по перилам.

Они так и будут медленно подниматься по пустым пролетам, по ввинчивающейся в темную бесконечность лестнице, мимо запертых дверей, мимо распахнутых дверей, мимо пустых площадок, мимо площадок, уставленных детскими колясками, старой мебелью, укутанной в холщовые покрывала, делающих ее похожей на загадочные скульптуры.

На одном из поворотов он посмотрит вниз и увидит в неправдоподобной глубине еле заметный светлячок их площадки. А откуда-то сверху начнут опускаться холодные снежинки, ослепительно сияя в невидимых лучах. Он выставит руку и почувствует легкие уколы в ладонь. Станет холодно.

Пес остановится на последней площадке, где уже не будет никаких дверей, а только проем, ведущий на плоскую крышу.

Пыльный порыв ветра накатит ледяной волной, захлестнет с головой, вцепится в полы куртки злобным щенком и покатится дальше вниз, закручивая снег.

Он встанет рядом, положив ладонь на высокую холку зверя. Липкая темнота пойдет волнами, напряжется и лопнет, открыв взгляду бесконечность мокнувших под дождем крыш. Иссиня черные облака нависнут над городом плотной, вздрагивающей мембраной. Ему покажется, что достаточно поднять руку, и пальцы коснутся темного эпителия, скользкого от непогоды.

Где-то вдалеке с могучим ревом к земле устремятся потоки серого дыма, извергаемые тяжело дышащими сифонами, основаниями уходящие в непроницаемую тьму живого фирмамента. Маслянистые клубы растекутся вдоль неосвещенных проспектов, улиц, закоулков, резко прорисовывая запутанный лабиринт города.

Ему покажется, что волна дыма накроет их с головой, перельется через дом, и придется поглубже набрать воздуха, вцепиться в поручни, наклониться навстречу потоку, упираясь ступнями в крышу, чтобы не быть подхваченным ею.

Но на подходе вал потеряет мощь, опадет, рассеиваясь встречным ветром, который с довольным свистом вцепится в его изрядно поредевшую плоть, вырывая из нее громадные куски и подбрасывая вверх.

А во тьме окутывающей их живой плоти внезапно вспыхнет и упадет ослепительная точка, прочерчивая отвесный мерцающий путь.

Он приглядится и ему покажется, что в центре крохотного огонька туго свернулась багровая спираль. Пес пригнетса, точно готовясь к смертельному броску, короткая шерсть встанет дыбом, из пасти вырвется злобное рычание. Но это не произведет никакого впечатления на падающий огонь, который продолжит величавый, неторопливый и странно беспокоящий спуск к пустому городу.

Вздрыгнут гигантские сифоны, на мгновение остановят свое дымное дыхание, сомкнут устья, надувая бока, чтобы затем с невероятной для столь титанических образований скоростью метнуться к световой точке, сплестись вокруг нее и в унисон исторгнуть чернильную тьму.

Ему покажется, будто стремительная пустота набрякнет огромной каплей, повиснет в вышине над городом, ее гладкая поверхность взбугрится, и тонкие нити протянутся вниз, заливая пустынные улицы непроницаемым сургучом ничто.

А вслед за этим лезвия свет взрежут мантию титанического моллюска, в клочья разорвут антрацитовую подложку эпителия, вывернут наизнанку фальшивый город, разбрызгивая дома, башни, мосты, дороги, спеленают человека и выдерут его из наведенных грез спящего кракена.

На пороге сознания закрутится в могучем водовороте глубинного взрыва истекающий слюной копхунд, безнадежно пытаюсь дотянуться до Свордена зубастой пастью, в гротескный хоровод выстроятся вокруг тощеты, один за одним взрываясь кровавыми фейерверками, выпуская из раздутых животов полупрозрачные хищные личинки, но мерзкая грязь гноища вдруг сменилась тесными объятиями стылой воды, рот сам собой раззявился в отчаянном крике, набитые коллоидом кракена легкие и желудок наполнились соленой горечью, и в близком свете удушья Сворден увидел, как вместе с ним к поверхности поднимаются десятки, сотни таких же нагих тел.

Случайные ледяные касания. Скользящая кожа. Вялые пальцы. Пустые глаза. Темные полосы то ли крови, то ли рвоты. Огромные пузыри, всплывающие к поверхности и нетерпеливо расталкивающие освобожденных пленников кракена. Световые лучи словно осторожные пальцы, кончики которых обмакивают в стылую воду.

Вверх! Вверх! К вечному шторму, только бы навсегда убежать от мрачных чудес и грез колосса, устроившего себе ложе в гноище! Рваться из последних сил, преодолевая возрастающее напряжение ласковых нитей, что опутывают тело, не давая глупому существу покинуть до срока уютное лоно кокона.

Чем ближе сверкающий водораздел, тем сильнее удерживающая сила, тем плотнее ряды тех, чьи тела мертво кувыркаются в потоках близкого шторма.

Кажется, еще немного, и жуткий кукловод натянет привязанные к фантошу нити, отчего послушная его повелениям марионетка перевернется вниз головой, вытянет тело, отдаваясь во власть силе вечного тяготения охотника и жертвы.

Океан кипит вблизи Стромданга. Резкие удары хаотичных течений обрушиваются на косяк всплывающих тел. Стальные клинья переохлажденной воды врезаются в насыщенный раствор живых и мертвых, чтобы тут же застыть бесформенными ледяными глыбами, заглотившими порцию человеческих душ.

Падающий обратно в бездну Сворден хватается за торчащие из прозрачного монолита руки, но пальцы соскальзывают и уже не остается сил для последнего рывка, чтобы окончательно разрушить заветное, наложенное кракеном.

Все. Конец.

Теперь только туда, где бьется обожженный глубинной бомбой колосс, где выбрасывают все новые и новые нити края страшной раны, стараясь стянуть разрыв, залатать разорванное тело кракена, не выпустить ни крошки добычи, что вечно собиралась в пищеварительных пустотах чудовищного моллюска.

Планктон человеческих тел редет. Сворден безнадежно смотрит вверх на неохватное взглядом кишение, а из бездны величественно всплывают темные глыбы дервалей, предвкушая обильную трапезу.

Но вот пространство пучится новыми взрывами. Кто-то огромным молотом принялся колотить по наковальне, на которой распростерли Свордена. Ужасная боль приносит освобождение – окончательно рвутся нити, тянувшие в бездну. Что-то твердое впивается в спину и выталкивает его наверх – к первому глотку замороженного воздуха...

– Отбросы... Отребе... Всплывает полное дерьмо или выродки от кого даже океан блюет... – недовольное бурчание перемежалось странными хлопающими ударами, от которых решетка слегка вздрагивала.

- Не бей винтом, – другой голос. – Такова уж наша служба.
- Служба, кехертфлакш! Не нюхал ты еще службы, кехертфлакш!

Сворден пошевелился. На нем что-то лежало – холодное, студенистое. В живот врезались прутья решетки, внизу виднелось море.

Сильный ветер взметал волны чуть ли не до решетки. В бурлящей воде крутились бесформенные останки, в них с трудом узнавались части человеческих тел. Бушующая поверхность то поднималась вверх, и казалось – достаточно просунуть сквозь отверстие руку, чтобы схватить чью-то оторванную ногу или голову, то уходила вниз, обнажая грязно-белые корпуса катамарана.

- Нашей службе тоже не позавидуешь, – сказал миролюбивый. – Особенно сейчас.

Еще один хлюпающий удар.

– Кехертфлакш! Смотри, когда бьешь! Силу девать некуда? – раздраженный. – Всего меня забрызгал!

- Мне показалось еще трепыхается.

– Посадить тебя на раксбугель и пропустить через канифасблок! Выродок!

– Тогда сам бери молоток, а мне слухач отдай, кехертфлакш, – миролюбивый наполнялся обидой.

- Кехертфлакш! – раздраженный поумерил пыл. – Ты же ничего не услышишь.

– Да какая разница. Знай себе – бей по черепушке. Как будто здешние отбросы кому-то понадобятся. Ха! Вон тот вроде шевельнулся.

- Какой?

Сворден напрягся, с трудом перевернулся на спину и спихнул с себя мертвое тело.

- Вон, видишь? Глазами лупает.

Это они обо мне, моргнул Сворден, пытаясь разогнать серую муть.

- Ну-ка, где твой слухач?

– Что? Я по-твоему мертвяка от выродка не отличу? Бей по башке, и все дела. Только смотри, чтобы мозги вон туда летели, а не на меня!

– Отмоешься, – фыркнул миролюбивый. – Вот помнится у нас громила был, так он вообще по туловищам работал. Все говорил, что здесь какая-то хреновина, без которой человеку этот самый раксбугель и придет.

- Сердце, что ли?

– Может и сердце, а может и еще как, но только он по башке никогда не стучал, чистюля, кехертфлакш! А вот сюда – примерится и шарах! Только изо рта – брызз!

- Что – брызз? – не понял раздраженный.

– А то – кровь! Иногда почище душа получалось. Там тонкость имелась, сечешь? Надо одной ногой на голову встать, на ухо, чтобы она в сторону дырками смотрела, а уж потом – кувалдой, кувалдой.

Две огромные фигуры возникли около Свордена. Голые по пояс, в длинных фартуках, заляпанных красным. Тот, что встал слева, держал на плече молот с длинной ручкой. Тот, что справа, ткнул в Свордена трубкой с набалдашником. Приставил ухо к набалдашнику:

- Готовый. Спекся.

Сворден моргнул. Сил пошевелиться не оставалось.

- Лупает, – миролюбиво возразил тот, что с молотом.

– Да хоть свистит! – раздраженный еще сильнее уперся трубкой в Свордена. – Мертвяк он и есть мертвяк.

Миролюбивый стряхнул молот с плеча и присел, держась за ручку. От него жутко несло непередаваемой смесью тухлятины, водорослей, резины и лекарств.

– Нет, – сказал миролюбивый, встретившись взглядом со Сворденом. – Не мертвяк. Что делать будем?

– Оно тебе надо?! – обозлился раздраженный и постучал трубкой по голове миролюбивого. – Мороки не оберешься. Тащи его, сдавай карантину, бумажки заполняй. Тьфу!

Миролюбивый задумчиво почесал нос.

– Бумажки?

– Бумажки, – вкрадчиво подтвердил раздраженный. – А если что не по форме, то переписывать придется. И не раз! Уж я-то знаю.

– А как же инструктаж? – все еще сомневался миролюбивый. – Чем больше живых отыщите, тем лучше, так ведь говорят?

– Ты бы еще о хавчике винтом побил! – плюнул раздраженный. – Ты хоть раз читал, что нам по сроку положено?

– А? Там, бр-р-р, буквы мелкие, – признался миролюбивый. – Пока прочтешь, всю пайку уведут.

– Буквы мелкие! – передразнил раздраженный. – На таких маслопупов как ты и рассчитано, кехертфлакш!

Сворден безнадежно прислушивался к перепалке. Раздраженный убеждал, миролюбивый возражал, правда как-то вяло, неуверенно, чем создавал у раздраженного впечатление, что стоит немного поднажать и лежащее у них под ногами полудохлое дерьмо получит заслуженный удар по башке. Раздраженный подыскивал все новые и новые аргументы, миролюбивый сопел, пыхтел, чесал нос, бормотал о лупанье, инструктаже, господах офицерах, пайке, порывался уже встать с молотом на перевес, но затем вспоминал о лупанье, инструктаже, господах офицерах и пайке.

Верх постепенно менял цвет, кровоподтеком высветляясь от почти черного с кровавыми прожилками до светло-фиолетового и ярко-желтого с синеватыми вкрапинами. Бурлящая поверхность Стромданга восходила над миром жуткой язвой, прободевшей бесконечную поверхность Флакша. Плотные полосы облаков ввинчивались в грандиозный шторм, где бешеный ветер взметал колоссальные волны, пытаясь разорвать океанскую толщу и добраться до предела бездны, а сами волны били в полотнища ветра, все туже взводя пружину урагана.

Катамаран раскачивался все сильнее, взлетая вверх то правым, то левым корпусом. Гребни волн дотягивались до решетчатой платформы, глухо били в нее, проступали сквозь отверстия мутными шапками и растекались между грудями живых и мертвых тел темнеющими потоками.

В одно короткое мгновение воздух потемнел, наполнился плотным роем снежинок, больше похожих на крупные шестерни от какого-то механизма, которые с жутким воем вращались и впивались в кожу, оставляя на ней вспухающие рубцы.

– Давай отсюда! – заорал раздраженный, втиснув слухач в отверстие платформу, вцепившись в него обеими руками, и шире расставив ноги.

Миролюбивый оскользнулся, упал плашмя, откатился от Свордена.

Взвыла сирена, и скрипучий голос разорвал надсадный рев шторма:

– Всем группам прекратить поиски и занять свои места! Ликвидационной команде приготовиться к сбросу!

Язва Стромданга увеличивалась, быстро застилая верх, выбрасывая все новые и новые метастазы ревуших смерчей, чьи широкие хоботы спрессованного ветра впивались в океан, выкачивая кипящую воду из его стонущего тела.

Свордену казалось, что мир стремительно рушится, больше не в силах выдерживать громоздкую ношу бесконечного кошмара, циркулирующего безумия отчаяния, страха и бессилия.

Надо что-то сделать, иначе вновь провалишься в черное ничто сна, за которым неотвратимо наступит новый день и тогда все таки придется проснуться в невероятно теплом и уютном мире вечного полудня.

А может именно этого он и желает, могучими силами кошмарного мира прекращая скитания души по бесконечной поверхности замкнутой на себя бутылки? Разве не удобный случай попытки бегства дают ему грезы? Кто вправе обвинить его в трусости, в страхе перед честной картографией темных и мерзких сторон собственной души, дотоле заботливо огороженных предупреждающими и запрещающими знаками Великой Теории Прививания?

– Эй!

Чья-то рука трогает его за плечо.

– Эй!!

Ледяные пальцы впиваются в ключицу, болью выдирая из цепких объятий бессилия.

– Эй!!!

Сворден стонет, боль пронзает тело, что-то мерзкое проникает в рот и дальше, дальше – в горло, в легкие, в желудок, гибко протискиваясь сквозь плотную пробку слизи.

Хочется стиснуть зубы, вцепиться руками в склизкую тварь, что ворочается во внутренних гадким паразитом, и выдрать ее из себя – с кровью, с кусками плоти, но только бы избавиться от ощущения, будто заживо высасывают изнутри и через несколько мгновений от тебя не останется ничего, кроме сморщенной кожи.

Но руки и ноги крепко привязаны, лоб, грудь и живот перетягивают твердые полосы шипами внутрь, а челюсти раздвинуты крючьями, и нет никакой возможности освободиться от них. Однако тело все равно пытается разорвать стальную ловушку, мышцы напрягаются, холодный пот удушья плотной сеткой проступает на коже, а ужас стискивает сердце, заставляя все сильнее гнать по жилам насыщенную адреналиновую смесь.

– Не дергайся, урод! – скрипучий голос. Так должны скрипеть шпангоуты раздираемого штормом ржавого корыта, но никак не голос человека. – Еще дозу здоровяку!

Острое жало впивается в грудь, и словно разряд молнии пробивает от макушек до пят напряженное тело. Жуткая судорога сводит мышцы. Каждую из них начинили битым стеклом – шевельнешься, и бритвы сколов заживо разделают тебя, превращая в экспонат анатомического театра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.